

Has been issued since 2010. ISSN 2219-8229, E-ISSN 2224-0136.

2015. Vol.(91). Is. 2. Issued 12 times a year

Impact factor of Russian Science Citation Index 2013 – 0,463

Information Matrix for the Analysis of Journals ICDS 2015 – 5,699

EDITORIAL STAFF

- Dr. Cherkasov Aleksandr** – Sochi State University, Sochi, Russia (Editor-in-Chief)
Dr. Goncharova Nadezhda – Research Institute of medical primatology RAMS, Sochi, Russia
Dr. Khodasevich Leonid – Sochi State University, Sochi, Russia
Dr. Kuvshinov Gennadiy – Sochi State University, Sochi, Russia
Dr. Rybak Oleg – Scientific Research Centre of the RAS, Sochi, Russia

EDITORIAL BOARD

- Dr. Abdrakhmatov Kanat** – Institute of seismology NAS, Bishkek, Kyrgyzstan
Dr. Bazhanov Evgeny – Diplomatic Academy Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia
Dr. Beckman Johan – University of Helsinki, Helsinki, Finland
Dr. Blinnikov Sergei – Institute of theoretical and experimental physics, Moscow, Russia
Dr. Deene Shivakumar – Central University of Karnataka, Karnataka, India
Dr. Dogonadze Shota – Georgian Technical University, Tbilisi, Georgia
Dr. Elyukhin Vyacheslav – Center of Investigations and Advanced Education, Mexico, Mexico
Dr. Halczak Bohdan – University of Zielona Góra, Poland
Dr. Kolesnik Irina – Institute of Ukrainian History, National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine
Dr. Kopylov Vladimir – Physical-Technical Institute National Academy of Science of Belarus, Minsk, Belarus
Dr. Krinko Evgeny – Southern Scientific Centre of RAS, Rostov-on-Don, Russia
Dr. Malinauskas Romualdas – Lithuanian Academy of Physical Education, Kaunas, Lithuania
Dr. Markwick Roger – School of Humanities and Social Science, The University of Newcastle, Australia
Dr. Mathivanan D. – St. Eugene University, Lusaka, Zambia
Dr. Mydin Md Azree Othuman – Universiti Sains Malaysia, Penang, Malaysia
Dr. Menjkovsky Vaycheslav – University of Belarusian State, Minsk, Belarus
Dr. Müller Martin – University St. Gallen, St. Gallen, Switzerland
Dr. Ojovan Michael – Imperial college London, London, United Kingdom
Dr. Ransberger Maria – University of Bayreuth, Bayreuth, Germany
Dr. Šmigel' Michal – Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia
Dr. Ziatdinov Rushan – Fatih University, Istanbul, Turkey

The journal is registered by Federal Service for Supervision of Mass Media, Communications and Protection of Cultural Heritage (Russia). Registration Certificate ПИ № ФС77-50466 4 July 2012.

Journal is indexed by: **Academic Index** (USA), **CCG-IBT BIBLIOTECA** (Mexico), **DOAJ** (Sweden), **Galter Search Beta** (USA), **EBSCOhost Electronic Journals Service** (USA), **Electronic Journals Index** (USA), **Electronic scientific library** (Russia), **ExLibris The bridge to knowledge** (USA), **Google scholar** (USA), **Index Copernicus** (Poland), **math-jobs.com** (Switzerland), **One Search** (United Kingdom), **Open J-Gate** (India), **Poudre River Public Library District** (USA), **ResearchBib** (Japan), **Research Gate** (USA), **The Medical Library of the Chinese People's Liberation Army** (China).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 26/2 Konstitucii, Office 6
354000 Sochi, Russian Federation

Website: <http://erjournal.ru/en/index.html>

E-mail: evr2010@rambler.ru

Founder and Editor: Academic Publishing
House *Researcher*

Passed for printing 25.2.15.

Format 21 × 29,7/4.

Enamel-paper. Print screen.

Headset Georgia.

Ych. Izd. l. 5,1. Ysl. pech. l. 5,8.

Order № 159.

Издается с 2010 г. ISSN 2219-8229, E-ISSN 2224-0136.
 2015. № 2 (91). Выходит 12 раз в год.
 Импакт-фактор РИНЦ 2013 – 0,463
 Information Matrix for the Analysis of Journals ICDS 2015 – 5,699

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Черкасов Александр – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
 (Гл. редактор)
Гончарова Надежда – Научно-исследовательский институт медицинской приматологии РАМН, Сочи, Россия
Кувшинов Геннадий – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
Рыбак Олег – Сочинский научно-исследовательский центр Российской академии наук, Сочи, Россия
Ходасевич Леонид – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Абдрахматов Канатбек – Институт сейсмологии НАН, Бишкек, Киргизия
Бажанов Евгений – Дипломатическая академия Министерства иностранных дел России, Москва, Россия
Бекман Йохан – Университет г. Хельсинки, Хельсинки, Финляндия
Блинников Сергей – Институт теоретической и экспериментальной физики, Москва, Россия
Гальчак Богдан – Университет г. Зелона Гура, Зелона Гура, Польша
Дине Шивакумар – Центральный университет г. Карнатака, Карнатака, Индия
Догондзе Шота – Грузинский технический университет, Тбилиси, Грузия
Елюхин Вячеслав – Центр исследований и передового обучения, Мехико, Мексика
Зиятдинов Рушан – Университет Фатих, Стамбул, Турция
Колесник Ирина – Институт истории Украины НАН Украины, Киев, Украина
Копылов Владимир – Физико-технический институт Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
Кринко Евгений – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия
Малинаускас Ромуальдас – Литовская академия физической культуры, Каунас, Литва
Марвик Роджер – Школа гуманитарных и общественных наук, Университет Ньюкасла, Австралия
Мативанан Д. – Университет Санкт Евген, Лусака, Замбия
Мудин Мд Азри Отхуман – Университет Малайзии, Пенанг, Малайзия
Меньковский Вячеслав – Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь
Мюллер Мартин – Университет Санкт Галлен, г. Санкт Галлен, Швейцария
Ожован Михаил – Имперский колледж Лондона, г. Лондон, Соединенное Королевство
Рансбергер Мария – Байротский университет, Байрот, Германия
Шмигель Михал – Университет Матяя Бэла, Банска Быстрица, Словакия

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (Российская Федерация). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-50466 от 4 июля 2012 г.

Журнал индексируется в: **Academic Index** (США), **CCG-IBT BIBLIOTECA** (Мексика), **DOAJ** (Швеция), **GalterSearch Beta** (США), **EBSCOhost Electronic Journals Service** (США), **Electronic Journals Index** (США), **ExLibris The bridge to knowledge** (США), **Google scholar** (США), **Index Copernicus** (Польша), **math-jobs.com** (Швейцария), **Научная электронная библиотека** (Россия), **Open J-Gate** (Индия), **ResearchBib** (Япония), **ResearchGate** (США), **The Medical Library of the Chinese People's Liberation Army** (Китай) и др.

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 354000, Россия, г. Сочи,
 ул. Конституции, д. 26/2, оф. 6
 Сайт журнала: <http://erjournal.ru/>
 E-mail: evr2010@rambler.ru

Учредитель и издатель: ООО «Научный
 издательский дом "Исследователь"» - Academic
 Publishing House *Researcher*

Подписано в печать 25.2.15.
 Формат 21 × 29,7/4.
 Бумага офсетная.
 Печать трафаретная.
 Гарнитура Georgia.
 Уч.-изд. л. 5,1. Усл. печ. л. 5,8.
 Заказ № 159.

C O N T E N T S

Economic sciences

Natalya Arzumanova, Venera Ayrapetyan The Development of Forms of Corporate Social Responsibility in Russia in the Current Economic Conditions	72
Valikhan M. Kaliyev Legal Provision of Food Security – as the Main Component of the National Security of the Republic of Kazakhstan	79
Farrukh Shahzad, Zeeshan Fareed, Bushra Zulfiqar Impact of Working Capital Management on Firm’s Profitability: A Case Study of Cement Industry of Pakistan	86
Yevgeniya V. Komleva, Mira O. Baytuganova, Nurmukhambet A. Medeubaev, Meruyert Zh. Kakenova, Alma Zh. Akhmetova, Nuriya N. Akimbekova, Pahchan N. Naguman Risk Analysis and Interventions to Reduce Injuries at the Mine “Zholymbet” PC “MSC Kazakhaltyn”	94
Sandugash M. Tokenova Managerial Accounting as a Conceptual Basis of Integrated Management System in Small Businesses (Kazakhstan's Agro-Industrial Sector)	104
Qaiser Rafique Yasser, Abdullah Al Mamun Corporate Failure Prediction of Public Listed Companies in Malaysia	114
Anar B. Valiyeva Image-Technologies in the Formation of Female Management Style Features	127

Philological sciences

Ella V. Nesterik, Aigerim A. Mukhataeva Development of Concepts of the Category of Time in Linguistics. The Role of the Subjective Factor in the Creation of Linguistic Models of Time	134
--	-----

Political sciences

Nurlana Jalil, Filiz Katman Changing Roles and Responsibilities of Woman in Politics in Southeastern Anatolia	144
---	-----

Legal sciences

Pyali Chatterjee Child Ragpickers in India and Violation of Their Human Rights	155
---	-----

Philosophical sciences

Sergey A. Lebedev The Structure of the Contemporary Methodology of Scientific Cognition	163
--	-----

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
European Researcher
Has been issued since 2010.
ISSN 2219-8229
E-ISSN 2224-0136
Vol. 91, Is. 2, pp. 72-78, 2015

DOI: 10.13187/er.2015.91.72
www.erjournal.ru

Economic sciences

Экономические науки

UDC 331.105.6

The Development of Forms of Corporate Social Responsibility in Russia in the Current Economic Conditions

¹Natalya Arzumanova

²Venera Ayrapetyan

¹Russian State Social University, Branch in Sochi, Russian Federation
354053, Krasnodar region, Sochi, Krymskaya st., 29B
PhD (Economy), senior lecturer
E-mail: arzum-natalya@yandex.ru

²Russian State Social University, Branch in Sochi, Russian Federation
354053, Krasnodar region, Sochi, Krymskaya st., 29B
PhD (Economy), associated professor
E-mail: venusar@mail.ru

Abstract

The article reveals the characteristic features of modern trends in the formation and implementation of corporate social responsibility in Russia in the current economic conditions, which is based on the fact that reasonable economic interests oriented business not only on maximizing profits, but also to improve their own macro - socio-economic, natural, political, through voluntary investment profits in the respective areas.

Keywords: social responsibility of business; corporate social responsibility; social business strategy; state support of business; social investments.

Введение

Проблема формирования корпоративной социальной ответственности бизнеса сегодня находится в центре всеобщего внимания, как за рубежом, так и в России, также как и тема частно-государственного партнерства. В научной и бизнес-среде активно обсуждаются базовые аспекты взаимодействия социальных партнеров, правила ведения диалога между бизнесом, обществом и властью, задачи контроля результатов активности бизнес-единиц для внешнего окружения. Всё это можно объяснить заметно возросшей ролью бизнеса в развитии общества, усилением требований в его прозрачности и открытости.

Обсуждение

Исследования в обозначенной предметной области пока не носят системного характера, научные изыскания большинства специалистов по формированию и развитию корпоративной социальной ответственности построены на изучении и адаптации зарубежного опыта, что не всегда учитывает экономические традиции, исторический опыт и институциональные-правовые особенности социально-экономической системы нашей страны. Вопросам развития социальной ответственности посвящены научные работы отечественных и зарубежных авторов: А. Вацковский, В. Горфинкель, Н. Родионова, Г. Тульчинский, Э. Коротков, Дж. Рассел.

Цель исследования. На основе обобщения теории и практики формирования и внедрения корпоративной социальной ответственности, исследовать содержательную природу, а также выделить основные тенденции данного направления современного бизнеса в России.

Результаты

Понятие «социальная ответственность бизнеса» сформировано в середине XX века в образе концепции, согласно которой любая бизнес-структура, помимо строго соблюдения соответствующего законодательства, производства качественной продукции или услуги, по собственному желанию возлагает на себя дополнительную ответственность перед обществом, внося значительный вклад в повышение качества жизни людей [7].

В зарубежных странах развитие социальной ответственности бизнеса в XX веке прошло несколько этапов, таких как расцвет традиционной благотворительной деятельности (как правило, пожертвования на основе личных симпатий руководителя), далее – становление стратегической филантропии (увязка решения социальных проблем с стратегическими целями предприятия) и формирование концепции социальных инвестиций (совместная работа коммерческого, некоммерческого и государственного секторов для решения социально значимых проблем различных масштабов) [3].

Традиционно бизнесмены всего мира занимаются благотворительностью. И, к счастью, Россия сегодня не исключение.

Исторически российские предприниматели славились своим меценатством не меньше, чем знаменитые европейские и американские филантропы. Необходимо отметить, что на сегодняшний день участие современного бизнеса в социально значимых инициативных программах играет важнейшую роль в процессе реформирования современной экономики России [11]. В настоящее время все больше появляются компании, которые понимают, что своевременная активность предоставит бизнесу достаточно много преимуществ. Большинство лидеров российского бизнес-сообщества рассматривают свою социальную ответственность как неотъемлемую часть основной коммерческой деятельности в современных условиях. Она составляет достаточно важную часть стратегии этих компаний как приоритетный аспект менеджмента.

На сегодняшний день существуют ряд прямо противоположных подходов к определению социальной роли современного бизнеса. Одна из самых распространенных характеристик сводит понимание КСО только лишь к постоянному наращиванию капитала, получению стабильной прибыли и уплате налогов. Согласно другой распространенной трактовки КСО должна оцениваться по количеству реализуемых социальных программ и участию в общественных мероприятиях местного и регионального уровня, не имеющих прямого отношения к бизнесу [14]. Данные противоположные точки зрения, остаются слишком узкими и не могут выявить реальной общественной роли бизнеса и круга его социальной ответственности и социальных обязательств.

Перед всеми частными компаниями стоит целый ряд серьезных проблем. Как известно, достижение бизнес-целей лежит в основе корпоративной стратегии, которая в свою очередь учитывает такие моменты как [5]:

- как возможно развиваться и управлять множеством отношений с поставщиками и клиентами, государственными органами и местными сообществами, включающих различные некоммерческие организации, которые работают в тесном сотрудничестве с местными сообществами;

- как управлять воздействием компании на состояние окружающей среды и все сообщество.

Следует подчеркнуть, что современные социально-ответственные предприятия получают множество преимуществ, таких как, например, снижение затрат, увеличение объемов продаж, привлечение потенциальных и сохранение старых клиентов, значительный рост производительности труда своих сотрудников, а также улучшение качества их работы, дополнительные возможности для привлечения и сохранения квалифицированного персонала, снижение необходимости в осуществлении надзорных функций, что, в итоге, ведет к улучшению финансовых показателей деятельности предприятия.

Компании, желающие проявить себя как корпоративно-ответственные единицы, чаще всего возмещают свой долг местному сообществу в виде благотворительности или корпоративных социальных инвестиций. При этом под сообществом нужно понимать любую общность людей – от населенного пункта, где осуществляется деятельность компании, до целой страны, в рамках которой компания имеет коммерческие интересы.

В чем же преимущества корпоративной социальной ответственности для современного бизнеса? Ниже представлены основные моменты [1]:

1. Лидирующая и более ответственная роль бизнеса, позволяющая преодолеть недружелюбное отношение к крупному предпринимательству в современном российском обществе.

2. Наилучшее понимание представителями бизнеса социальных проблем местного сообщества (в том числе потенциальных клиентов).

3. Осознание некоммерческими, а также общественными организациями сути и возможностей современного бизнеса.

4. Упрочнение взаимоотношений внутри самой компании, повышение эффективности в работе.

5. Благодаря сотрудничеству партнеры из различных сфер учатся общаться на «одном языке», обращаясь к скорейшему решению важнейших социальных проблем.

6. Благодаря партнерству можно усилить социальные, культурные и экономические преимущества, которые стимулируют экономику и способствуют развитию бизнеса.

7. Укрепляется репутация компании в целом.

Сегодня единственным международным стандартом, регламентирующим отношение общества и бизнеса, является международный стандарт ISO 26000:2010 "Руководство по социальной ответственности". В соответствии с данным стандартом все социальные обязательства предприятия должны быть полностью интегрированы в деятельность организаций [9].

Согласно международным стандартам обязательными для КСО являются нормы корпоративного поведения, которые разрабатываются в виде определенных отработанных кодексов поведения и кодексов деловой этики, а также публичные социальные отчеты.

К сожалению, социальная активность российских компаний носит типичный ситуационный характер из-за отсутствия системности и планирования. Благотворительные проекты, как правило, возникают стихийно, не оцениваются в должной мере, благотворители не имеют обратной связи с получателями. Основопологающим мотивом к соучастию в решении социальных проблем местного уровня остаются просьбы муниципальной администрации и местных некоммерческих организаций [6]. Адресатами благотворительных средств могут быть как государственные, так и муниципальные учреждения, которые расходуют эти средства либо на реализацию своих программ, либо передают их своим подопечным в качестве материальной помощи.

Понимание того, что в современных экономических условиях более конкурентоспособными являются социально-ответственные предприятия – формируется в сфере российского бизнес-сообщества под воздействием, во многом, различных PR-стратегий большинства транснациональных корпораций, которые применяют, в рамках реализации социальных программ, различные механизмы и элементы, в числе которых [10]:

- социальные фонды предприятия;
- глобальные социальные и образовательные программы;

- добровольная деятельность сотрудников компании;
- партнерство с некоммерческими организациями в стратегических целях;
- всяческая поддержка национальных благотворительных фондов.

Практика распространения корпоративной социальной ответственности в нашей стране должна отталкиваться от того, что наш социум не является настолько свободным и открытым, чтобы инструменты традиционной модели КСО не имели препятствий [9]. Во многом этим фактом объясняются многие характерные черты в становлении КСО в России:

- подход к формированию стратегии социального инвестирования является бессистемным;
- в понятие «социальной ответственности» часто вкладывают понятия спонсорство или меценатство;
- налоговые отчисления в бюджеты различного уровня часто замещаются благотворительными пожертвованиями;
- пожертвования, как правило, формируются по непредсказуемым принципам выборочно;
- данные о распределении благотворительных средств является достаточно закрытыми;
- осознание КСО достаточно политизировано;
- данные средства, как правило, расходуются неэффективно;
- «законсервирована» устаревшая структура социальной сферы;
- часто возникают сомнения в способности и желании власти представлять действительные интересы нашего общества.

Структура взаимодействия бизнеса и государственно власти является одним из основополагающих показателей состояния нашего общества в целом. Чем больше эффективность данного сотрудничества бизнес-сообщества и государственного сектора, тем более положительное воздействие оно оказывает на благополучие общества в целом. Следовательно, необходимы такие меры как поиск возможных синергетических направлений сотрудничества в решении различных социальных проблем нашего общества, модернизация и формирование механизмов подобного взаимодействия [10]. Плодотворность и синергизм сотрудничества представителей государственной и муниципальной власти и предпринимательских единиц можно определить как одно из основных критериев оценки КСО и социального партнерства.

Для отечественных компаний, которые стремятся стать предприятиями мировых масштабов, внедрение подобных социальных технологий, способствующих улучшению и стабилизации имиджа на международной бизнес-арене, становится объективной необходимостью. Такая стратегия обеспечит рост стабильности и устойчивого развития на российском, а также местном уровнях не только масштабным компаниям, но и предприятиям среднего и малого бизнеса. Однако, в то же время реальная оценка отражает ситуацию, при которой подобную стратегию внедрить готова не каждая компания.

Хотя в России сегодня и сформирована и действует четкая законодательная база для реализации благотворительной деятельности компаний, тем не менее, политика российского государства по отношению к реализации социальных программ бизнес-сообществом, остаётся достаточно неопределенной. В рамках своей стратегической благотворительной миссии многие российские компании по-прежнему сталкиваются с некоторыми бюрократическими трудностями.

Предприятиям, которые используют в своей практике нетрадиционные формы благотворительности, приходится пересматривать свой подход к организации подобной деятельности [5]. Возникает необходимость создания отдельных организационных структур, приглашения сторонних специалистов для стратегического социального планирования и разработки комплексных целевых благотворительных программ [12].

Заключение

Несмотря на множество существующих барьеров, российские предприятия хотят улучшить свои социальные и экологические показатели, и корпоративная социальная ответственность прочно обосновалась в списке приоритетов российского бизнеса [13].

Понятие корпоративной социальной ответственности тесно связано с понятиями социального порядка и справедливости. Именно эти понятия являются наиболее важными для современного общества. Если приоритетом для бизнес-единицы является только экономическая эффективность и прибыль, то без социального порядка ни о какой эффективности деятельности предприятия говорить не придется. Социальная ответственность — это понятие, позволяющее установить партнерское единство государства и общества, общества и бизнеса [4]. Проведенный анализ приводит к тому, что необходимо сформировать четкую позицию по отношению к корпоративной социальной ответственности как явление очень важное для дальнейшего развития современного общества. Формирование и распространение КСО является отражением на практике «эволюции категории ответственности как нормы поведения».

Примечания:

1. Бакша Н.В., Данилюк А.А. Корпоративная социальная ответственность. Тюмень: Изд-во ТГУ, 2013.
2. Благов, Ю.Е. Корпоративная социальная ответственность: эволюция концепции. СПб.: СПбГУ, 2010.
3. Дамбовская А.А. Ключевое направление корпоративной социальной политики // Российское предпринимательство. 2014. № 20 (266).
4. Дегтярева А.В. Важность зарубежного опыта в продвижении принципов корпоративной социальной ответственности в России / А.В. Дегтярева, В.О. Ядоян // Молодой ученый. 2014. №6.
5. Зарецкий А.Д., Иванова Т.Е. Корпоративная социальная ответственность: мировая и отечественная практика: учебное пособие. Издание 2-е, доп. и перераб. Краснодар: Просвещение-Юг, 2013. 360 с.
6. Корпоративная социальная ответственность: управленческий аспект: монография / Под ред. И.Ю. Беляевой, М.А. Эскиндарова. М.: КНОРУС, 2008.
7. Кузнецова Н.В., Маслова Е.В. Модели корпоративной социальной ответственности // Вестник Томского государственного университета. 2013. №4(24).
8. Никитина Л.М., Борзаков Д.В., Потапов А.А. Корпоративная социальная ответственность. Учебник для бакалавров. М.: Феникс, 2015.
9. Маловичко Т.С. Социальная ответственность бизнеса. Донецк: ДонНУЭТ, 2012.
10. Маркарян И.Н. Исследование функциональных подсистем управления организацией в современных условиях // Вестник Университета (Государственный университет управления), 2012. №2.
11. Миляева Л.Г., Дамбовская А.А. К вопросу о направлениях развития социальной политики / Модернизация экономики и общества: региональный аспект: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2011.
12. Морозова И.С. Корпоративная социальная ответственность в информационном обществе // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2011. №6.
13. Пантелеева Т.С., Червякова Г.А. Экономические основы социальной работы. М.: Академия, 2012.
14. Цей С.А. Формирование и раскрытие в отчетности публичных компаний информации по вопросам их социальной ответственности и корпоративного управления [Текст]: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. эконом. наук (08.00.12) / Цей Саида Асланбиевна; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. М., 2011.
15. Цуцьева О.Т., Гобозова А.Т. Сравнительный анализ корпоративной социальной ответственности // Международный научно-исследовательский журнал, июнь, 2013.
16. Шевченко Т.П. Международные руководства, стандарты и отчетность в сфере корпоративной социальной ответственности / Т.П. Шевченко, Т.П. Шевченко // Молодой ученый. 2014. №6.
17. Яровой А.И. Корпоративная социальная ответственность в современной России: Автореф. дис. ... канд. полит. наук 23.00.02 Яровой Александр Ильич: «ГУ – ВШЭ». М., 2010.

References:

1. Baksha N.V., Danilyuk A.A. Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost'. Tyumen': Izd-vo TGU, 2013.
2. Blagov, Yu.E. Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost': evolyutsiya kontseptsii. SPb.: SPbGU, 2010.
3. Dambovskaya A.A. Klyuchevoe napravlenie korporativnoi sotsial'noi politiki // Rossiiskoe predprinimatel'stvo. 2014. № 20 (266).
4. Degtyareva A.V. Vazhnost' zarubezhnogo opyta v prodvizhenii printsipov korporativnoi sotsial'noi otvetstvennosti v Rossii/ A.V. Degtyareva, V.O. Yadoyan // Molodoi uchenyi. 2014. №6.
5. Zaretskii A.D., Ivanova T.E. Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost': mirovaya i otechestvennaya praktika: uchebnoe posobie. Izdanie 2-e, dop. i pererab. Krasnodar: Prosveshchenie-Yug, 2013. 360 s.
6. Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost': upravlencheskii aspekt: monografiya / Pod red. I.Yu. Belyaevoi, M.A. Eskindarova. M.: KNORUS, 2008.
7. Kuznetsova N.V., Maslova E.V. Modeli korporativnoi sotsial'noi otvetstvennosti// Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. 2013. №4(24).
8. Nikitina L.M., Borzakov D.V., Potapov A.A. Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost'. Uchebnik dlya bakalavrov. M.: Feniks, 2015.
9. Malovichko T.S. Sotsial'naya otvetstvennost' biznesa. Donetsk: DonNUET, 2012.
10. Markaryan I.N. Issledovanie funktsional'nykh podsistem upravleniya organizatsiei v sovremennykh usloviyakh// Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya), 2012. №2.
11. Milyaeva L.G., Dambovskaya A.A. K voprosu o napravleniyakh razvitiya sotsial'noi politiki / Modernizatsiya ekonomiki i obshchestva: regional'nyi aspekt: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Barnaul: Izd-vo AltGTU, 2011.
12. Morozova I.S. Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost' v informatsionnom obshchestve// Informatsionnyi gumanitarnyi portal «Znanie. Ponimanie. Umenie». 2011. №6.
13. Panteleeva T.S., Chervyakova G.A. Ekonomicheskie osnovy sotsial'noi raboty. M.: Akademiya, 2012.
14. Tsei S.A. Formirovanie i raskrytie v otchetnosti publichnykh kompanii informatsii po voprosam ikh sotsial'noi otvetstvennosti i korporativnogo upravleniya [Tekst]: avtoref. dis. na soisk. uchen. step. kand. ekonom. nauk (08.00.12) / Tsei Saida Aslanbievna; Finansovyi universitet pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii. M., 2011.
15. Tsutsieva O.T., Gobozova A.T. Sravnitel'nyi analiz korporativnoi sotsial'noi otvetstvennosti// Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal, iyun', 2013.
16. Shevchenko T. P. Mezhdunarodnye rukovodstva, standarty i otchetnost' v sfere korporativnoi sotsial'noi otvetstvennosti / T. P. Shevchenko, T. P. Shevchenko // Molodoi uchenyi. 2014. №6.
17. Yarovoi A.I. Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost' v sovremennoi Rossii: Avtoref. dis. ... kand. polit. nauk 23.00.02 Yarovoi Aleksandr Il'ich: «GU – VShE». M., 2010.

УДК 331.105.6

**Развитие форм корпоративной социальной ответственности бизнеса в России
в современных экономических условиях**

¹ Наталья Игоревна Арзуманова

² Венера Грачиговна Айрапетян

¹ Российский государственный социальный университет, Российская Федерация
354053, г. Сочи, ул. Крымская, 29Б
Кандидат экономических наук, старший преподаватель
E-mail: arzum-natalya@yandex.ru

² Российский государственный социальный университет, Российская Федерация
354053, г. Сочи, ул. Крымская, 29Б

кандидат экономических наук, доцент
E-mail: venusar@mail.ru

Аннотация. В статье раскрываются характерные черты современной тенденции формирования и внедрения корпоративной социальной ответственности в России в сложившихся современных экономических условиях, которые базируется на том, что разумные экономические интересы ориентируют предпринимательство не только на максимизации прибыли, но и на усовершенствование собственной макросреды – социально-экономической, природной, политической, путем добровольного вложения полученной прибыли в соответствующие сферы.

Ключевые слова: социальная ответственность бизнеса; корпоративная социальная ответственность; социальная стратегия бизнеса; государственная поддержка бизнеса; социальные инвестиции.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
European Researcher
Has been issued since 2010.
ISSN 2219-8229
E-ISSN 2224-0136
Vol. 91, Is. 2, pp. 79-85, 2015

DOI: 10.13187/er.2015.91.79
www.erjournal.ru

UDC 338/24

Legal Provision of Food Security – as the Main Component of the National Security of the Republic of Kazakhstan

Valikhan M. Kaliyev

Varna Free University “Chernorizets Hrabar”, Bulgaria
Chayka Resort, Varna, 9007
PhD student
E-mail: valihan-777@mail.ru

Abstract

This article examines the legal problems of food security – as the main component of the national security of the Republic. The problem of food security is the top priority of economic strategy policy of any state, the effectiveness of the solution of which depends not only social but also political, ethnic stability in the society. Author analyzing existing legislation in the field of food security, identifies weaknesses and gaps, suggests ways to improve it.

Keywords: Food Security; The Republic of Kazakhstan; issue; national security; resources; the agricultural sector; legislation; Codex Alimentarius; food, health of the nation.

Введение

Проблема продовольственной безопасности страны, является важнейшим приоритетом экономической стратегии политики любого государства, от эффективности решения которой зависит не только социальная, но и политическая, межнациональная стабильность в обществе.

Продовольственная безопасность, являясь неотъемлемым элементом национальной безопасности, во многом также зависит от государственных ресурсов, направленных на недопущение дисбаланса в рыночной, производственной и социальной среде страны. Формирование государственных ресурсов по всем видам продовольственных товаров, государственных ресурсов зерна и других стратегически важных продуктов сельского хозяйства в нужных объемах в зависимости от потребности населения, способно обеспечить продовольственную безопасность.

В условиях мирового финансового кризиса, затронувшего и аграрный сектор экономики, возникла реальная угроза глобальной продовольственной безопасности, что требует реформирования существующих и разработки новых механизмов ее обеспечения на международном и национальном уровнях. Экономическая, политическая и социальная безопасность в современном мире базируется на трех других аспектах безопасности – продовольственной, энергетической и финансовой. По данным организации объединенных наций в мире более 925 млн человек страдают от голода. Это составляет 12,5 % населения мира (каждый восьмой человек). Из них подавляющее большинство – 852 млн человек – проживают в развивающихся странах, где недоедают 14,9 % населения. Количество

голодающих в мире по-прежнему неприемлемо велико. Учитывая нынешние темпы прироста населения, к 2050 году мировое производство продуктов питания должно возрасти на 70 %, а население мира должно к этому времени составить 9 миллиардов человек [1].

Во многом неустойчивое и чреватое потрясениями положение на мировых продовольственных рынках связано с тем, что система мирового производства пищевой продукции зависима не только от глобальных и локальных погодных и климатических факторов, но и от состояния далеко не совершенной мировой финансовой системы.

Происходящее в настоящее время восстановление агропромышленного комплекса происходит в весьма непростых условиях. На них крайне значительное влияние оказывают изменения в юридическом поле, на основании которых должно быть усовершенствовано казахстанское законодательство, в частности, регулирующие вопросы в области земельного законодательства, ветеринарии и фито санитарии, обеспечения пищевой безопасности [2]. Это связано, прежде всего, с формированием Таможенного союза и принятием соответствующих рамочных договоренностей.

Результаты

В Послании Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева народу Казахстана 2008 года «Повышение благосостояния граждан Казахстана – главная цель государственной политики» продовольственная безопасность объявлена приоритетным направлением государственной политики страны [3]. Продовольственная безопасность республики в целом и входящих в ее состав регионов является составной частью экономической безопасности в системе национальной безопасности страны, и в этом качестве характеризует экономическую устойчивость и независимость существующей системы, а также ее способность обеспечивать элементарные первичные потребности своих граждан без ущерба национально-государственным интересам. При этом продовольственная безопасность не ограничивается рамками только экономической безопасности, так как находится в тесной взаимосвязи с другими аспектами национальной безопасности.

Проблемы продовольственной безопасности требуют также глубинных исследований в области сельского хозяйства. Скоординированная работа в области биотехнологий направленные на улучшение сельскохозяйственных культур, инновационные стратегии в сфере переработки и производства в сельском хозяйстве, стимулирование внедрения новых технологий в пищевой промышленности и привлечением инвестиций в научно-исследовательские проекты в этой сфере могут служить гарантом продовольственной безопасности Республики Казахстан.

Приход дешевого и не всегда качественного импортного продовольствия на внутренний рынок, ослабит позиции казахстанских сельскохозяйственных производителей, а затем спровоцирует рост цен на продовольствие, что неблагоприятно скажется на доходах как городских, так и сельских жителей и ухудшит ситуацию с экономической доступностью продовольствия. В соответствии с этой угрозой, законодательство должно определить жесткие барьеры для предотвращения попадания на наш рынок опасной и недоброкачественной пищевой продукции, как в виде сырья для ее производства, так и в виде продуктов, готовых к употреблению. Эта задача имеет первоочередное значение. Кодекс Алиментариус, или пищевой кодекс, стал глобальным ориентиром для потребителей, производителей и переработчиков пищевых продуктов, национальных органов по контролю качества пищевых продуктов и международной торговли пищевыми продуктами. Этот кодекс оказал огромное влияние на взгляды и подходы производителей и переработчиков пищевых продуктов и на уровень информированности конечных пользователей – потребителей. Его влияние распространяется на все континенты, а вклад в охрану здоровья населения и защиту добросовестности в торговле пищевыми продуктами поистине не поддается измерению. Страны с низким и средним уровнем доходов указали, что эти стандарты очень важны для охраны здоровья потребителей, поскольку они обеспечивают безопасность пищевых продуктов, будь то собственного производства или импортных, и для облегчения торговли, как на внутренних, так и на международных рынках. Страны с высоким уровнем доходов и более развитыми внутренними системами законодательства и контроля качества пищевых продуктов больше значения придавали

роли Кодекс Алиментариус в облегчении экспорта и обеспечении безопасности импорта пищевых продуктов [4].

К национальным интересам Республики Казахстан в агропродовольственной сфере можно отнести: обеспечение необходимого объема собственного производства продуктов питания; поддержание на нормативном уровне государственного продовольственного резерва; обеспечение соответствия качества производимых и реализуемых продуктов питания стандартам качества и безопасности пищевых продуктов; обеспечение необходимого прожиточного минимума, достойного уровня и высокого качества здоровой жизни населения; расширение производства конкурентоспособной продовольственной продукции с ориентацией на экспорт; осуществление государственного контроля рынка продовольствия (в том числе учета и контроля производства, внешних и внутренних поставок, запасов продуктов питания). Согласно Закону Республики Казахстан «О государственном регулировании развития агропромышленного комплекса и сельских территорий» критериями обеспечения продовольственной безопасности являются:

- 1) физическая доступность продовольственных товаров;
- 2) экономическая доступность продовольственных товаров;
- 3) гарантия безопасности пищевой продукции.

В обобщенном виде состояние продовольственной безопасности страны определяется: физической доступностью продовольствия – наличием продуктов питания на всей территории страны в каждый момент времени и в необходимом ассортименте, то есть наличие продовольственных товаров на всей территории республики в каждый момент времени и в объемах, достаточных для удовлетворения потребностей населения; экономической доступностью продовольствия – уровнем доходов независимо от социального статуса и места жительства гражданина, позволяющим приобретать продукты питания, по крайней мере, на минимальном уровне потребления, то есть возможность приобретения населением продовольственных товаров в соответствии с физиологическими нормами потребления при существующих структуре потребления продовольственных товаров, системе цен, уровне доходов, социальных пособий и льгот; безопасностью продовольствия для потребителей – предотвращением производства, реализации и потребления некачественных пищевых продуктов, способных нанести вред здоровью населения [5].

Показателями устойчивости системы обеспечения продовольственной безопасности является уровень качества и безопасности продуктов питания.

В последние годы эта проблема приобрела особую важность, так как наблюдается низкий уровень качества поступающих на рынок отечественных продуктов питания.

Не меньшей проблемой является поступление на отечественный продовольственный рынок импортной продукции, которая не всегда отвечает требованиям качества, соответствует срокам хранения и безопасна для здоровья. При этом продукция такого качества в силу низкой покупательской способности обладает большим спросом. Нередко такая продукция производится из генетически модифицированного сырья. Все это способствует ухудшению здоровья нации.

Наличие подобных факторов обусловлено, в первую очередь, неэффективной системой государственного контроля и надзора за качеством продуктов питания. [6, С. 13]

Наиболее распространено определение продовольственной безопасности, как способности государства гарантировать удовлетворения потребности населения в качественном продовольствии на уровне, при котором обеспечивается его нормальная жизнедеятельность. В то же время в ряде публикаций проблема продовольственной безопасности фактически сводится к проблеме само обеспечения страны продовольствием и, как следствие, к состоянию отечественного аграрного сектора и уровню аграрного протекционизма. Однако продовольственная безопасность определяется не только этими факторами, но и общеэкономической ситуацией в стране. Низкие реальные доходы значительной части населения делают продовольствие недоступным в необходимом для нормального жизнеобеспечения объеме, негативно сказываются на качестве питания. Слабый платежеспособный спрос населения ограничивает возможности развития национального производства продуктов питания. Обеспечение национальной безопасности – одна из главных функций государства. Продовольственная безопасность, в свою очередь,

важнейшая составляющая национальной безопасности любой страны. Продовольственная безопасность – важнейший элемент экономической безопасности. Значение продовольственной безопасности обусловлено ролью продовольственного обеспечения для поддержания социально-экономической стабильности в обществе. При этом важны физическая и экономическая доступность продовольствия для населения, уровень потребления, качество и структура рациона питания, качество продуктов питания. Не менее важны и проблемы само обеспечения страны продовольствием, независимости от импорта продуктов питания, формирования государственных резервов продовольствия на случай чрезвычайных ситуаций (стихийных бедствий, военных конфликтов, эпидемий и так далее) и для оказания продовольственной помощи неимущим слоям населения. Таким образом, продовольственная безопасность обуславливается уровнем экономического развития страны в целом и агропродовольственного сектора, в частности социальной, агропродовольственной и внешнеэкономической политикой государства, а также зависит от наличия эффективной системы контроля качества продовольствия [7, с. 86–87].

В целом продовольственная безопасность – это понятие, имеющее политические, социальные и экономические аспекты. При этом особое значение имеет вопрос о роли государства в регулировании социально-экономических процессов в этой сфере, формах и методах такого регулирования.

Продовольственную безопасность следует рассматривать с точки зрения надежности продовольственного обеспечения населения (стабильности формирования продовольственных ресурсов и их потребления), так и с точки зрения поддержания внутренних и внешних национальных интересов, суверенитета страны в продовольственной сфере (недопущение критической зависимости Казахстана от зарубежных стран или их сообществ в вопросах, связанных с продовольствием, защита экономических интересов отечественных потребителей и производителей, обеспечение их интересов). Кроме того, существует еще один аспект продовольственной безопасности – это готовность государства к предотвращению и ликвидации нарушений системы обеспечения населения продуктами питания, обусловленных чрезвычайными продовольственными ситуациями [6, с. 9-10].

Ключевую роль в обеспечении продовольственной безопасности играют меры, направленные, во-первых, на обеспечение роста реальных доходов населения, повышение его жизненного уровня; во-вторых, на устойчивое развитие и функционирование агропродовольственного сектора экономики страны; в-третьих, на эффективное регулирование внешней торговли сельскохозяйственной продукцией, сырьем и продовольствием, и прежде всего их импорта, с целью защиты внутреннего продовольственного рынка, экономических интересов отечественных товаропроизводителей от недобросовестной конкуренции.

Выводы

Анализируя действующее законодательство в области обеспечения продовольственной безопасности и качества пищевых продуктов можно сделать следующие выводы:

Следует отметить, что в развитых странах мира для обеспечения продовольственной безопасности приняты специальные законодательные акты. На уровне республики основным инструментом механизма обеспечения продовольственной безопасности, должна быть законодательная база. Необходимо отметить, что обеспечение продовольственной безопасности – основной составляющей национальной безопасности, – в республике регламентируется отдельными законодательными актами, подзаконными актами и техническими регламентами, отсутствует целостный нормативный правовой документ, где были бы четко обозначены цели, задачи, субъекты, меры по обеспечению продовольственной безопасности государства. В свете предстоящих изменений, происходящих в мировой экономической системе: роста цен на все продовольственные товары, нехватки продовольствия, кризисных явлений, затронувших все сектора экономики, – возникает серьезная угроза национальной продовольственной безопасности, что обуславливает необходимость разработки и принятия нормативного документа, регламентирующего механизм обеспечения продовольственной безопасности Республики Казахстан. Следует отметить, что принимаемый закон должен соответствовать Кодексу Алиментариусу, или пищевому кодексу, который является глобальным ориентиром для

потребителей, производителей и переработчиков пищевых продуктов, национальных органов по контролю качества пищевых продуктов и международной торговли пищевыми продуктами.

В настоящее время функции государственного контроля и надзора за качеством и безопасностью пищевых продуктов осуществляется различными государственными подразделениями, такими как, государственная санитарно-эпидемиологическая служба, государственная ветеринарная служба и комитет технического регулирования и метрологии, министерства здравоохранения и социального развития Республики Казахстан и другие. Это создает административные барьеры для отечественных товаропроизводителей и ведет к росту потребительских цен на продовольствие, а также размывает ответственность за достижение конечного результата – обеспечение безопасности продуктов питания для здоровья и жизни населения. В целях обеспечения безопасности и качества продуктов питания следует создать централизованный орган государственного контроля и надзора за качеством и безопасностью пищевых продуктов при Министерстве сельского хозяйства Республики Казахстан. Учитывая актуальность и необходимость разработки новой аграрной политики государства, а также высокую ответственность перед населением страны за продовольственное обеспечение, предлагается преобразовать Министерство сельского хозяйства Республики Казахстан в Министерство сельского хозяйства и продовольственной безопасности Республики Казахстан. Также, настоящее Министерство должно работать в тесной взаимосвязи с Продовольственной и сельскохозяйственной организацией Объединенных Наций (ФАО), которая занимает ведущую роль в международной деятельности направленной на борьбу с голодом.

Необходимо внедрять системы социальной защиты, чтобы дать возможность наиболее уязвимым слоям населения участвовать в экономическом процессе, вкладывать и получать выгоду. Меры социальной защиты могут внести вклад в улучшение питательной составляющей в рационе питания маленьких детей – инвестиции в будущее, чтобы вырастить более здоровое, сильное и образованное поколение. Голод и недоедание можно уничтожить с помощью эффективных мер социальной защиты в комплексе с всеобщим экономическим ростом.

А также на основании уже принятого закона должна быть разработана комплексная программа продовольственной безопасности, которая будет определять механизм ее обеспечения не только с позиций физической, но и экономической доступности продовольствия. Необходимо законодательное гарантирование определенного уровня цен на продовольственные товары. Это регулирование должно происходить путем устранения предельных надбавок к закупочной цене оптовых ярмарок. При этом следует стимулировать сокращение излишних посреднических звеньев и создать необходимую правовую базу для расширения прямых связей с оптовым звеном. Законодательство должно включать регламентацию по установлению цен на технику, оборудование для села, топливно-энергетические ресурсы, транспортные тарифы, минеральные удобрения, по ограничению монопольного поведения организаций по ремонту техники и по оказанию иных производственных услуг.

Для обеспечения продовольственной безопасности необходимо: развитие товаро-производительной составляющей, в том числе создание крупных логистических центров, создание мощной мониторинговой системы за качеством товаров поступающих на внутренний рынок.

Примечания:

1. Положение дел в связи с отсутствием продовольственной безопасности в мире // www.fao.org/icatalog/inter-e.htm

2. Продовольственная безопасность региона как составляющая безопасности экономики Казахстана при вступлении в ВТО (на примере ВКО) // Вестн. ВКГТУ. Усть-Каменогорск: ВКГТУ, 2006. № 4. С. 96–107 (в соавторстве).

3. Послание Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева народу Казахстана 2008 года «Повышение благосостояния граждан Казахстана – главная цель государственной политики» // Политика и право.

4. Codex Alimentarius Commission. Procedural Manual. Sixteenth edition. Joint FAO/WHO Food Standards Programme// <http://www.fao.org/icatalog/inter-e.htm>
5. Волончин К.В., Еделев Д.А., Кантере В.М. Технологии обеспечения безопасности и качества продуктов // Пищевая промышленность. 2010. № 5. С. 16-17.
6. Киршке Д. Международная аграрная экономика и аграрная политика // Международный сельскохозяйственный журнал. 2000. № 6. С. 5-13.
7. Аграрная политика / А.П. Зинченко, В.И. Назаренко, В.В. Шайкин и др.; Под ред. А.П. Зинченко. М.: КолосС, 2004. 304 с.
8. Kalinichenko V. Biogeosystem Technique as a Problem // Biogeosystem Technique, 2014, Vol.(1), № 1, pp. 4-19. DOI 10.13187/bgt.2014.1.4
9. Minakir P.A., Vlasyuk L.I., Goryunov A.P. Technological and Economic Approaches in Long-term Regional Forecasting (Russian Far East) // European Journal of Economic Studies, 2012, Vol.(2), № 2, pp. 117-130.
10. Samigullina G.Z. Secure Methods of Assessing Toxicity of Waste in Food Industry of the Udmurt Republic // Russian Journal of Biological Research, 2014, Vol. (1), № 1, pp. 69-72.

References:

1. Polozhenie del v svyazi s otsutstviem prodovol'stvennoi bezopasnosti v mire // www.fao.org/icatalog/inter-e.htm
2. Prodovol'stvennaya bezopasnost' regiona kak sostavlyayushchaya bezopasnosti ekonomiki Kazakhstana pri vstuplenii v VTO (na primere VKO) // Vestn. VKGTU. Ust'-Kamenogorsk: VKGTU, 2006. № 4. S. 96–107 (v soavtorstve).
3. Poslanie Prezidenta Respubliki Kazakhstan N.A. Nazarbaeva narodu Kazakhstana 2008 goda «Povyshenie blagosostoyaniya grazhdan Kazakhstana – glavnyaya tsel' gosudarstvennoi politiki» // Politika i pravo.
4. Codex Alimentarius Commission. Procedural Manual. Sixteenth edition. Joint FAO/WHO Food Standards Programme// <http://www.fao.org/icatalog/inter-e.htm>
5. Волончин К.В., Еделев Д.А., Кантере В.М. Технологии обеспечения безопасности и качества продуктов // Пищевая промышленность. 2010. № 5. С. 16-17.
6. Киршке Д. Международная аграрная экономика и аграрная политика // Международный сельскохозяйственный журнал. 2000. № 6. С. 5-13.
7. Аграрная политика / А.П. Зинченко, В.И. Назаренко, В.В. Шайкин и др.; Под ред. А.П. Зинченко. М.: КолосС, 2004. 304 с.
8. Kalinichenko V. Biogeosystem Technique as a Problem // Biogeosystem Technique, 2014, Vol.(1), № 1, pp. 4-19. DOI 10.13187/bgt.2014.1.4
9. Minakir P.A., Vlasyuk L.I., Goryunov A.P. Technological and Economic Approaches in Long-term Regional Forecasting (Russian Far East) // European Journal of Economic Studies, 2012, Vol.(2), № 2, pp. 117-130.
10. Samigullina G.Z. Secure Methods of Assessing Toxicity of Waste in Food Industry of the Udmurt Republic // Russian Journal of Biological Research, 2014, Vol. (1), № 1, pp. 69-72.

УДК 338/24

Правовое обеспечение продовольственной безопасности – как основной составляющей национальной безопасности Республики Казахстан

Валихан Муратович Калиев

Варненский свободный университет им.Черноризца Храбра, Болгария
г. Варна 9007, к.к. Чайка
Соискатель
E-mail: valihan-777@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются проблемы правового обеспечения продовольственной безопасности – как основной составляющей национальной безопасности

Республики. Проблема продовольственной безопасности страны является важнейшим приоритетом экономической стратегии политики любого государства, от эффективности решения которой зависит не только социальная, но и политическая, межнациональная стабильность в обществе. Автор анализируя действующее законодательства в области обеспечения продовольственной безопасности, выявляет недостатки и пробелы, предлагает пути его совершенствования.

Ключевые слова: продовольственная безопасность; Республика Казахстан; проблема; национальная безопасность; ресурсы; аграрный сектор; законодательство; Кодекс Алиментариус; продукты питания, здоровье нации.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
European Researcher
Has been issued since 2010.
ISSN 2219-8229
E-ISSN 2224-0136
Vol. 91, Is. 2, pp. 86-93, 2015

DOI: 10.13187/er.2015.91.86
www.erjournal.ru

UDC 33

Impact of Working Capital Management on Firm's Profitability: A Case Study of Cement Industry of Pakistan

¹ Farrukh Shahzad

² Zeeshan Fareed

³ Bushra Zulfiqar

¹ Lahore leads University, Lahore, Pakistan
MPhil/MS Management Sciences
E-mail: farrukh.hailian@gmail.com

² COMSATS Institute of Information Technology, Sahiwal, Pakistan
MS Scholar
E-mail: zeeshanfareed@hotmail.com

³ University of the Punjab, Lahore, Pakistan
M.A Economics
E-mail: Bushra_zulfiqar786@hotmail.com

Abstract

The fundamental purpose behind this study is to exactly test the effect of working capital management on profitability of cement industry of Pakistan. To explore this relationship between these two, the creator gathered auxiliary information from 12 listed firms in Karachi stock exchange (KSC) for the time period of 2007-2013. For this reason, in this study we utilize variable of return on assets ratio to gauge the benefit of organization and variables of CR, QR, NCA/TA, WCT and ITR as living up to expectations working capital management criteria. The consequences of the research demonstrate that there is a huge effect of the working capital management on profitability of cement industry of Pakistan. Accordingly, manager may improve the Profitability of their organizations by minimizing the inventory turnover ratio, and by diminishing working capital turnover ratio but there is no impact of expanding or diminishing the current proportion on profitability. Along these lines, the results show that through fitting working capital management the organization can expand its benefit. This study shall be helping hand for the cement industry of Pakistan in the management of their working capital in such an effective way thus, to the point that they can increase their profitability.

Keywords: Working capital management; Profitably; Current ratio; Working capital turnover; Inventory turns over.

Introduction

Ganesan, (2007) in financial issues of organizations, working capital management is a vital component, which has an immediate positive impact on benefit as well as liquidity of the organization. Liquidity and gainfulness are both the two diverse sides of same coin. Ideal level of liquidity ensures a firm to meet their transient obligations and the correct administration of stream

can be guaranteed by a gainful business. Liquidity demonstrates the capacity of organization in reacting to transient commitments. A firm should streamline its liquidity what's more gainfulness while directing its everyday business operations. Working Capital Management contains extent parity of working capital segments i.e. – debt holders, stock and payables and the utilization of money successfully for day by day business operations. Proper legitimate streamlining of working capital parity means minimizing the working capital prerequisite and acknowledging greatest conceivable revenue.

Ukaegbu, (2014) The target of working capital management is to guarantee that the firm has the capacity reach its working costs furthermore stay in a position to pay fleeting commitments as and when they fall due. The botch of working capital may prompt a liquidity emergency and a diminishment in gainfulness, henceforth influencing the capacity of the firm to keep on working as a going concern.

Muneeb Ahmad Attari, (2012) Working capital has been interesting issue in the field of finance in light of the fact that this single component has significant commitment in adding and decreasing the wealth of shareholders. Monetary system requests a suitable level of harmony between present resources and current liabilities so they are never over contributed nor they are over invested. The discoveries of the examination expresses that better execution of an organization as far as living up to working capital management improve the organization performance. As it were an ideal size of money change cycle can prompt better meeting working capital management lastly demonstrating more prominent effect on organization performance.

Productive management of working Capital is one of the preconditions for the achievement of an endeavor. Effective management of working capital means administration of different parts of working capital in such a route, to the point that a sufficient measure of working capital is kept up for smooth running of a firm and for satisfaction of twin destinations of profitability (Media, 2010)

Working capital Management productivity is key particularly for assembling and development firms, where a real piece of benefits is made out of current resources (Horne, & Wachowicz, 2000). It straightforwardly influences the productivity and liquidity of firms (Raheman, & Nasr, 2007). The benefit liquidity tradeoff is vital in light of the fact that if working capital administration is not given due contemplations at that point the organizations are liable to come up short and face chapter 11 (Kargar & Blumenthal, 1994). The noteworthiness of working capital management effectiveness is undeniable (Filbeck, 2005). Working capital is known as nurturing energy for any financial unit and its administration is considered among the most essential capacity of corporate management. Each association whether, benefit arranged or not, regardless of size and nature of business, obliges essential measure of working capital. Working capital is the most critical component for keeping up liquidity, survival, dissolvability and benefit of business. Working capital management is a standout amongst the most imperative territories while making the liquidity and benefit examinations among firms (Eljelly, 2004), including the choice of the sum and arrangement of current resources and the financing of these benefits. The more noteworthy the relative extent of fluid resources, the lesser the danger of using up money, all different things being measure up to. All individual segments of working capital including money, attractive securities, account receivables and stock administration assume an indispensable part in the performance of any firm.

Cement industries in Pakistan

The cement manufacturing in Pakistan has arisen a long way since independence when the country had less than half a million tons per annum production capacity. By now it has exceeded 10 million tons per annum as a result of formation of new manufacturing facilities and growth by the existing units. Denationalization and effective price deregulate in 1991-92 heralded a new era in which the industry has reached a level where surplus production after meeting local demand is predictable in 1997.

The cement industry in Pakistan expressions two serious threats: shutting of units based on wet process, and deprived cash flow execution the units incapable of debt overhauling due to swelling cost of electricity, furnace oil and imported craft paper used for cement packing. The cost of furnace oil alone has increased by nearly 100 % in the last 15 months alone. With the increase in furnace oil the increase in electricity tariff has also become inevitable

At present there are 24 cement industries are operation in Pakistan, 4 of these factories are in public sector and rest are included in private sector. The installed capacity of cement is 16300 thousand tons out of which 9935 thousand tons of cement was produced in 2012-13. The major industry of Pakistan has been allowed duty free import of plant and machinery.

Pakistan has remained a net importer of cement yet because of the privatization of units working under state control and ensuing development programs by the new holders upheld by monetary has pushed the business to a point where the nation is certain to achieve an oversupply circumstance. Be that as it may, the late increment in vitality expense gives chance to the productive units focused around dry methodology to support the circumstances for a moderately more period. It would likewise be conceivable in light of the fact that the extension by the current units and foundation of new units are generally deferred.

Pakistan's concrete business is separated into two different areas, North and South. The northern area includes the Punjab, NWFP, Azad Kashmir and upper parts of Balochistan, though the southern locale involves the whole region of Sindh and lower parts of Balochistan. Generally, the southern district has dependably been surplus in bond generation however with the foundation of more plants in the northern parts of the nation the locale has gotten to be very nearly independent in supply of concrete.

Working capital Concept

There are two following noteworthy ideas for working capital

- Net working capital
- Gross working capital

Net working capital

Net working capital is the contrast between current assets and current liabilities of an exchange and monetary nature.

Net working capital (NWC) = Curret assets – Curret liability

Gross working capital

The gross working capital is alluded as meeting expectations capital and it incorporate the total current assets of the organizations. On the off chance that the current assets oversee productively by the firm then it give more development and can build the estimation of the firm in the business.

Profitability concept

According to accounting, profit is the distinction in the middle of value and the expenses of bringing to market whatever it is that is accounted as an endeavor (whether by harvest, extraction, produce, or buy) regarding the part expenses of conveyed products and/or administrations and any working or different costs. Profit is sure gain from a investment or business operation in the wake of subtracting for all costs. The expression benefit fundamentally got from Latin word "profectus" intends to advance. Benefit is characterized in two separate courses, one for bookkeeping and other one for financial aspects, here just accounting definition will be taken.

Problem statement

The issue articulation to be dissected in this study is:

"Does Working Capital Management influence Profitability of Cement segment of Pakistan?"

Objective of research

Particular purposes of the study are:

- To inspect the proficiency of working capital administration practices of the concrete business.
- To test how quick the organizations have possessed the capacity to enhance their individual level of productivity in meeting expectations capital administration as for a target level (industry normal).

Literature review

Numerous studies have contemplated working capital from distinctive perspectives and in diverse situations. The accompanying are exceptionally fascinating and helpful for our examination:

Smith, & Begemann, (1997) exceptional that the remarkable objective of working capital Management is striking a harmony in the middle of benefit and liquidity of the firm. The issue emerged on the grounds that the amplification of an association's returns could genuinely undermine its liquidity, and the quest for liquidity tended to weaken returns. This study inspected the relationship in the middle of conventional and option working capital measures and rate of profitability (ROA) as an intermediary for gainfulness, particularly in modern firms recorded on the Johannesburg Stock Exchange (JSE). The issue under scrutiny was to create whether the all the more as of late created option working capital ideas indicated change connected with the degree of profitability to that of customary working capital proportions. Results showed that there were no noteworthy contrasts among the years concerning the autonomous variables. The aftereffects of their stepwise relapse authenticated that aggregate current liabilities partitioned by stores stream represented the vast majority of the variability in ROA. The factual test outcomes demonstrated that a customary working capital influence degree – current liabilities partitioned by trusts stream – showed the best relationship with rate of profitability. Remarkable liquidity ideas, for example, the present and speedy proportions enlisted immaterial affiliations whilst stand out of the more current working capital ideas, the exhaustive liquidity list, demonstrated noteworthy relationship with return on total assets.

Filbeck & Krueger, (2005) highlighted the essentialness of proficient working capital management by investigating the working capital management strategies of 32 non-financial commercial ventures in the United States (US). As per their discoveries, huge contrasts in living up to expectations capital practices exist among businesses over the long haul. In addition, these working capital practices change essentially inside commercial ventures over the long run. Comparable studies with comparative discoveries were led by Long et al (1993) and Maxwell et al (1998).

Sai Ding (2012) mulled over 116,000 distinctive Chinese firms having diverse proprietorship structure from year 2003 to 2007 and discovered the organizations with high meeting expectations capital are more delicate to interest in living up to expectations money to money streams and low sensitivities of interest in settled funding to money stream.

Sen, (2009) inspected different organizations recorded on Istanbul stock trade to focus relationship between living up to expectations capital administration and ROA (Return on Assets). Specialist discovered essentialness negative relationship between money change cycle, net working capital level, current degree, and debt claims period, stock period and profit for aggregate resources.

Nor Edi Azhar, (2010) inspected 172 recorded organizations arbitrarily from Malaysian stock trade from 2003 to 2007. Scientists dispassionately work to discover a relationship between firms' execution as far as ROA (return on assets), ROE (return on equity) and productivity and working capital administration. Results demonstrated (in the wake of applying measurable strategies) that there is fundamentally negative relationship between firm's execution and working capital variables. Quayyum, (2012) concentrated on assembling division of Bangladesh from 2005 to 2009 with a specific end goal to discover relationship in the middle of gainfulness and working capital management. Scientists found that with the exception of sustenance industry all assembling division has relationship between meeting expectations capital and productivity.

Ghosh, (2003) made an endeavor to analyze the effectiveness of working capital administration of the Indian bond organizations amid 1992 – 1993 to 2001 – 2002. For measuring the effectiveness of working capital management, execution, use and general proficiency records were ascertained as opposed to utilizing some normal working capital administration degrees. Discoveries of the study demonstrated that the Indian Cement Industry all in all did not perform astoundingly well amid this period.

Data collection and Methodology

Data collection

The data utilized for this study is originated from Reviewed Financial Statements of the recorded firms and Balance Sheet Analysis of joint stock companies listed on Karachi Stock Exchange (2007-2013).the organizations utilized are chosen by non-probability sampling method. An aggregate of 12 listed firms are utilized for analysis. Panel data system is tackling since it joins

time series and cross sectional data. Multiple regressions and estimation is Ordinary Least Squares (OLS) used for analysis of this systematic study.

Variables

Return on Assets (ROA)

ROA utilize as a responding variable. Benefit is measured by Return on Total Assets (ROTA). It is the proportion which measures organization's profit before investment and expenses (PBIT) against its aggregate net resources. The proportion is considered as a marker of how adequately an organization uses its resources for produce income before gathering contractual commitments. The more noteworthy the organization's income in extent to its advantages, the all the more adequately the organization is said to be utilizing its benefits.

Current Ratio (CR)

CR means to establish the relationship between current assets and current liabilities. Ordinarily, high current ratio is thought to be an indication of money related quality. It is the pointer of the association's capacity to speedily reach its fleeting liabilities

Quick ration (QC)

QC means to create an association between quick or fluid assets and current Liabilities. An advantage is fluid in the event that it can be changed over into money promptly or sensibly soon without a loss of worth. Money is the most fluid resource. It is otherwise called acid test Ratio.

Net Current Assets to Total Assets Ratio (NCA/TA)

It creates the association between current assets and total assets. This ratio furthermore elaborates extend of total resources invest in working capital.

Working capital turnover ratio (WCT)

Speaks to how successfully working capital is used. Working Capital Turnover Ratio is a relationship between Cost of Sales and net Working Capital.

Inventory turnover ratio (ITR)

ITR is the quantity of times stock turned over in a year. It is relationship between Cost of Goods Sold and normal stock at expense.

Model specification

A panel data methodology is utilized for this examination in light of the fact that, as indicated it encourages evacuation of the undetectable heterogeneity that may exist in the diverse firms. Yasser, (2011) inferred that, the first focal point of panel data regression is this that by joining the time series and cross sectional data gives better enlightening data, less co-linearity among the variable and more effectiveness. What's more besides, panel data minimizes the biasness that may be created if separate firm level data are isolated into wide totals. Furthermore at long last, panel data can quantify the impacts that are impractical to see in immaculate cross area or unadulterated time series data.

We used the following economic model for our study.

$$ROA = \beta_0 + \beta_1 CR + \beta_2 QC + \beta_3 NCA/TA + \beta_4 WCT + \beta_5 ITR + \mu$$

β_0 , β_1 , β_2 , β_3 , β_4 and β_5 are represent the coefficient of each variable or parameter of the regression. μ indicate the error term. Following are variables that used to build the study

Where,

ROA= Return on Assets

CR= Current Ratio

QC= Quick Ratio

NCA/TA= Net Current Assets over Total Assets

WCT= Working Capital Turnover Ratio

ITR= Inventory Turnover Ratio

μ = Error Term

Descriptive Statistics

Table 1. Descriptive

Variable	Mean	Std. Deviation
ROA	7.232	13.43284
CR	104.0300	67.26479
QR	91.0400	67.951423
NCA/TA	.38595	.148521
WCT	3.65971	39.95876
ITR	36.98562	65.45896

Empirical result of multiple regressions

Table 2. Regression result

Dependent Variable: ROA				
Method: Least Squares				
Date: 11/01/15 Time: 19:42				
Sample: 2007 2013				
Included observations: 84				
Variables	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.
C	2.22187992	0.9854	2.2548	0.0132
CR	4.22056248	1.2356	3.4158	0.0091
QR	-7.50149412	2.2548	-3.3269	0.0002
NCA/TA	0.31353192	.1548	2.0254	0.0012
WCT	-1.99017717	2.0211	-.9847	0.5231
ITR	2.865941	2.0254	1.415	0.2351
R Square = 0.54		Mean dependent var = 7.23207		
Adjusted R2 = 0.49		S.D. dependent var = 13.43284		
F-statistic = 6.853968		Sum squared resid = 109.1990		
Prob (F-statistic) = 0.008695		Durbin-Watson = 1.1236		

Analysis and Findings

Analyze the relationship between dependent and independent variables by multiple regression models that mentioned earlier. Descriptive statistics and regression results are given respectively on Table 1 and Table 2. The proposed model careful results are outlined by the above table. The slope coefficients of the CR, NCA/TA and ITR in the OLS researches have positive effect on ROA though the incline coefficients of the QR and WCT have negative effect on ROA.

The Adjusted R square is .49 which clarifies 49 % assortment in the dependent variable (ROA) spoke to by the illustrative variables CR, QR, NCA/TA, WCT and ITR. The estimation of Durbin Watson is 1.1236 which suggests that there is certain autocorrelation of remaining.

The change of one percent (%) in CR achieves 4.22 % change in ROA while QR, NCA/TA, WCT and ITR will realize -7.50 %, .31 %, -1.99 %, 2.86 % changed by 1 percent change in ROA respectively by considers other variable consistent. Evaluation of CR, NCA/TA and QR are highly significant. WCT and ITR reveal the insignificant relation with the ROA.

Conclusion and implication

In money related administration, you can about capital administration studies are not as mainstream as those identified with capital structure and capital planning. Of in this viewpoint, this study plans to investigate the determinants of firm gainfulness of variables connected with the administration of working capital with a specimen of steam for bonds organizations the period 2007-2013.

Results recommend that the benefit of the endeavor may be expanded by shortening of stock periods. The positive relationship between records receivable period and gainfulness can be diminished because of what clients need of a chance time to assess the nature of items that buy organizations with gainful. Nevertheless, this exact conclusion clashes with some budgetary models that clarify the business credit. Exchange receivables are for the most part less expensive (Emery, 1984b) debatable fleeting speculations, it is sensible that, most importantly, business high benefit that are most fluid exchange moderately a lot of business credit to their purchasers. Since, as indicated by the hypothesis of liquidity, fluids are less inclined to business credit application and more prone to offer. An alternate observational conclusion is comparable, the negative relationship in the middle of period and stock benefit and this may be the aftereffect of weight on pioneers in deals incomes to a level beneath and more stock, as examined in studio. Lever is an alternate variable that influence productivity adversely stops. This conclusion can be clarified recommendations that contending organizations are firmly prepared sweeter that will restrain venture. Accordingly their energy lacking rivalry can prompt a diminishing in benefit. The one of a kind variables in the model studio has a fundamentally positive impact on gainfulness is the development of the organization (available to be purchased). On account of an organization can get a few points of interest like restraining infrastructure or dealing force in view of development as an impression of economies of scale, a positive relationship in the middle of development and expected productivity. Results clearly have shown that my managing the working capital accordingly and efficiently will be positive effect on the productivity of the cement industry of the Pakistan.

References:

1. Eljelly, A. (2004). Liquidity-profitability tradeoff: An empirical investigation in an emerging market. *International Journal of Commerce and Management*, 14(2), 48-61.
2. Filbeck, G. &. (2005). An analysis of working capital management results across industries. *Mid-American Journal of Business*, 20(2), 11-18.
3. Filbeck, G., & Krueger, T. (2005). Industry related differences in working capital management. *Mid-American Journal of Business*, 20(2), 11-18.
4. Ganesan, V. (2007). An Analysis of Working Capital Management Efficiency in Telecommunication Equipment Industry". *Rivier Academic journal*, 3(2), 13.
5. Ghosh, D. S. (2003). Working capital management efficiency : A study on the Indian cement industry. *The Institute of Cost and Works Accountants of India*, 12.
6. Horne, J., & Wachowicz, J. (2000). *Fundamentals of Financial Management*. New york, NY: Prentice Hall Publishers.
7. Kargar, J., & Blumenthal, R. (1994). Leverage impact of working capital in small businesses. *TMA Journal*, 14(6), 46-53.
8. Long, M., Malitz, I., & Ravid, S. (1993). Trade credit, quality guarantees, and product marketability. *Financial Management*, 22(4), 117-127.
9. Maxwell, C., Gitman, L., & Smith, S. (1998). Working capital management and financial-service consumption preferences of US and foreign firms: a comparison of 1979 and 1996 preferences. *Financial Practice and Education*, 8(2), 46-52.
10. Media., B. L. (2010). *F9 Financial Management*. London, UK: SBS Publications.
11. Muneeb Ahmad Attari, K. R. (2012). The Optimal Relationship of Cash Conversion Cycle with Firm size and profitability. *International Journal of Academic Research in Business and Social sciences.*, 15(3).
12. Nor Edi Azhar, S. H. (2010). Working Capital Management: The Effect of Market Valuation and Profitability in Malaysia. *International Journal of Business and Management.*, 14(1).
13. Quayyum, S. T. (2012). Relationship between Working Capital Management and Profitability in Context of Manufacturing Industries in Bangladesh. *International Journal of Business and Management*.
14. Raheman, A., & Nasr, M. (2007). Working capital management and profitability case of Pakistan firms. *International Review of Business Research Papers*, 3(1), 279-300.
15. Sai Ding a, A. G. (2012). Investment and financing constraints in China: Does working capital management make a difference. *Journal of Banking & Finance*, 15(1), 125-136.

16. Sen, M. (2009). Relationship between Efficiency Level of Working Capital Management and Return on Total Assets in Ise. *international journal Of Business & finance.*, 11(2).
17. Smith, M., & Begemann, E. (1997). Measuring association between working capital and return on investment. South African. *Journal of Business Management*, 28(1), 28.
18. Ukaegbu, B. (2014). The significance of working capital management in determining firm profitability: Evidence from developing economies in Africa. *ScienceDirect Research in International Business and Finance*, 31(1), 1-16.
19. Yasser. (2011). Corporate governance and performance: evidence from listed companies. *International reserch journal of library information*, 2, 245-263.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
European Researcher
Has been issued since 2010.
ISSN 2219-8229
E-ISSN 2224-0136
Vol. 91, Is. 2, pp. 94-103, 2015

DOI: 10.13187/er.2015.91.94
www.erjournal.ru

UDC 622.8 (625.8)

Risk Analysis and Interventions to Reduce Injuries at the Mine “Zholymbet” PC “MSC Kazakhaltyn”

¹Yevgeniya V. Komleva
²Mira O. Baytuganova
³Nurmukhambet A. Medeubaev
⁴Meruyert Zh. Kakenova
⁵Alma Zh. Akhmetova
⁶Nurija N. Akimbekova
⁷Pahchan N. Naguman

¹⁻⁷ Karaganda State Technical University, Kazakhstan

Karaganda, Bulvar Mira street, 56

¹ Senior Lecturer, Master of Health and Safety

² Senior Lecturer

E-mail: bomira@mail.ru

³ Associate Professor, Ph.D.

E-mail: bomira@mail.ru

⁴ Senior Lecturer, Master of Health and Safety

⁵ Senior Lecturer, PhD

E-mail: al_ma67@mail.ru

⁶ Associate Professor, Ph.D.

⁷ Associate Professor, Ph.D.

Abstract

The article describes the method of identifying hazards and assessing the risk of injury. The article explores the tasks of risk analysis and assessment of weight and frequency of injuries. It presents the matrix for assessing the risk level of occupational injuries at work objects. There offered the measures implemented to control the technogenic risk.

Keywords: risk; danger; analysis; monitoring; technogenic objects; identification; rate; weight; frequency.

Введение

Производственные риски — это вид рисков, возникающие в процессе производства, научно-исследовательских и конструкторских разработок (НИОКР), реализации и послереализационного обслуживания продукции (услуг). Одним из критериев эффективности действующей системы управления охраной здоровья персонала и производственной безопасности (ЗПиПБ) является ее соответствие требованиям спецификации OHSAS 18001:2007 [1].

Материалы и методы

Основой системы управления охраной ЗПиПБ являются корректное проведение идентификации опасностей, оценка риска и выбор эффективных способов его контроля. В редакции OHSAS 18001-2007 эти требования сформулированы следующим образом. Одним из примеров реализации требований безопасности является методика идентификации опасности и оценки риска травматизма, профзаболеваний и нарушений условий труда на рабочих местах (при проведении рабочих операций), аварий и инцидентов (далее — методика). Методика обеспечивает:

- полуколичественный подход к оценке и управлению риском (по сравнению с часто практикуемым способом фиксации результатов аттестации рабочих мест по условиям труда: аттестован, не аттестован, условно аттестован — последняя категория имеет явно субъективный подтекст);

- возможность вероятностной оценки, учёта не только опасных и вредных факторов производственной среды, но и предыстории травматизма (профзаболеваний) на предприятии;

- возможность принятия аргументированного решения по выбору корректирующих и предупреждающих мероприятий, определению количественно измеряемых целей и задач по охране труда.

При анализе рисков используются типовые уровни последствий и связанные с ними определения (табл. 1).

Таблица 1. Определение степени опасности

	Определение для травмоопасности (по видам работ)	Определение для нарушений условий труда (по рабочим местам, на промышленной площадке в целом)
Угрожающая степень опасности	Отмечены случаи гибели при проведении подобных работ на предприятии либо имеется потенциал нанесения травмы такой степени тяжести	Зафиксированы случаи профзаболеваний, связанных с рассматриваемым фактором, приведших к инвалидности (потере работоспособности по данной специальности)
Значительная степень опасности	На предприятии при проведении подобных работ отмечены случаи травм, приводящих к потере трудоспособности по данной специальности на срок более 90 суток, либо имеется потенциал нанесения травмы такой степени тяжести	Зафиксированы случаи профзаболеваний, связанных с рассматриваемым фактором
Критическая степень опасности	На предприятии при проведении подобных работ отмечены случаи травм средней тяжести (потеря трудоспособности от 1 до 90 суток) либо имеется потенциал нанесения травмы такой степени тяжести	Превышение величины вредного производственного фактора значения ПДК в рабочей зоне или значения, указанного в соответствующих санитарных нормах и правилах и государственных стандартах; невозможность ее определения с достаточной степенью точности и периодичности
Терпимая	Превышение 0,1 ПДК в рабочей зоне	

степень опасности	или значения, указанного в соответствующих санитарных нормах и правилах и государственных стандартах
-------------------	--

Приведем определения основных терминов приведенных в данном разделе.

Безопасность (Safety) – отсутствие недопустимого риска, связанного с возможностью нанесения вреда, в заранее заданных процессах.

Риск – сочетание вероятности события и его последствий.

Идентификация риска – процесс выявления, опознания и описания элементов риска.

Оценка риска – общий процесс, включающий идентификацию риска, анализ риска и оценивание риска.

Оценивание риска – процесс сравнения результатов анализа риска с критериями риска для определения приемлемости или допустимости риска и/или его величины.

Анализ риска – процесс осознания (понимания) происхождения риска и определения уровня риска [2].

Основные задачи этапа анализа риска связаны с:

- определением частот возникновения иницирующих и всех нежелательных событий;
- оценкой последствий возникновения нежелательных событий;
- обобщением оценок риска.

В качестве приемлемого риска производственного травматизма принята величина, равная 1×10^{-6} , как максимально допустимое значение для всякого риска, в том числе и промышленного. Системный подход в области управления безопасностью и здоровьем предполагает идентификацию, оценку и устранение или снижение риска на каждом рабочем месте и непрерывное совершенствование СУОТ. Производя оценку риска, необходимо четко выделить объект защиты. Риск может быть профессиональным (объект защиты – работник), техническим (объект защиты – оборудование, сооружения), экологическим (объект защиты – окружающая среда) [3].

Риск имеется практически на каждом рабочем месте. Например, на рабочем месте имеется опасность – движущаяся конвейерная лента или вращающийся элемент оборудования. Выясняем возможные причины реализации опасности в нежелательные события, каковыми обычно являются:

- отсутствие ограждения, экранов, блокировок, исключая случайный и преднамеренный контакт работников с источником риска;
- несоответствие предохранительных, защитных устройств;
- недостаточная скорость срабатывания механизмов защиты;
- неудобное расположение и неправильная окраска кнопок управления;
- плохая освещенность;
- несоответствующий микроклимат;
- наличие вредных химических веществ, аэрозолей и пыли;
- высокая скорость движения конвейера;
- расположение оборудования вблизи других рабочих мест или маршрута движения работников;
- несоответствующие средства индивидуальной защиты (далее – СИЗ);
- другие возможные причины и несоответствия.

Алгоритм анализа профессионального риска для защиты персонала от несчастных случаев и профессиональных заболеваний на рабочем месте может быть представлен следующим образом:

- идентификация опасностей (выявление вредных и опасных факторов рабочей среды и трудового процесса);
- определение возможных причин, приводящих к нежелательным событиям;
- оценка риска (вероятность осуществления риска, определение масштаба последствий нежелательного события с учётом возможной тяжести инцидента и вреда здоровью человека, вывод о приемлемости или неприемлемости риска);
- выбор и оценка средств защиты от каждого вида опасности;
- оценка остаточного риска после внедрения системы защиты;

- оценка системы защиты жизни и здоровья персонала в целом в соответствии с классом условий труда [4].

В соответствии с приказом Министра труда и социальной защиты населения Республики Казахстан от 3 марта 2009 года № 74-п «Об утверждении форм документов связанных с несчастным случаем на производстве» выделяются четыре степени тяжести производственной травмы:

- легкая;
- средняя;
- тяжелая;
- смертельная.

Классификация промышленных предприятий по степени травмоопасности осуществляется на основе результатов оценки риска производственного травматизма, как по отдельному участку, так и по объекту в целом.

Для оценки риска производственного травматизма применяются два критерия – частота и тяжесть травм (утрата трудоспособности). Коэффициент частоты производственного травматизма рассчитывается по формуле (1):

$$K_{\text{ч}} = \frac{n}{N}, \quad (1)$$

где n – количество травмированных работников на производственном предприятии за прошедший год;

N – среднесписочное количество работников на производственном предприятии за прошедший год.

Оценка частоты производственного травматизма на производственном предприятии производится по таблице 2.

Таблица 2. Степень частоты производственного травматизма

$K_{\text{ч}}$	Степень частоты производственного травматизма
$K_{\text{ч}} = 0$	Отсутствует
$K_{\text{ч}} \leq 10^{-6}$	Незначительная
$10^{-6} < K_{\text{ч}} \leq 10^{-5}$	Низкая
$10^{-5} < K_{\text{ч}} \leq 10^{-4}$	Умеренная
$10^{-4} < K_{\text{ч}} \leq 10^{-3}$	Значительная
$10^{-3} < K_{\text{ч}} \leq 10^{-2}$	Высокая
$K_{\text{ч}} > 10^{-2}$	Сверхвысокая

Оценка степени тяжести производственной травмы работника производится по величине его стойкой утраты общей трудоспособности. Установление степени утраты трудоспособности производится путем проведения медико-социальной экспертизы (далее – МСЭ) территориальными подразделениями центрального исполнительного органа в области социальной защиты населения согласно «Правилам проведения медико-социальной экспертизы», утвержденным Постановлением Правительства Республики Казахстан от 20 июля 2005 года №750 [5,6]. По итогам проведенной МСЭ пострадавший работник получает справку с установленной степенью утраты трудоспособности.

Для предприятия в целом по степеням стойкой утраты трудоспособности работников определяется показатель тяжести вреда здоровью работникам в результате производственной травмы по формуле (2):

$$P_{\text{тяжж}} = \frac{\sum_{i=1}^n W_i}{n}, \quad (2)$$

где n – количество травмированных работников на предприятии;

W – величина стойкой утраты общей трудоспособности i -го пострадавшего определенная медико-социальной экспертной комиссией (МСЭК).

Для оценки риска производственных травм, полученных в результате аварий, в формулах (1 и 2) за n принимается количество работников травмированных на предприятии в результате аварий.

Показатель тяжести вреда здоровью работников в результате производственных травм полученный по формуле (2) оценивается по таблице 3.

Таблица 3. Степень тяжести вреда здоровью работников в результате производственных травм

Показатель тяжести вреда здоровью ($P_{\text{тяж}}$), %	Степень тяжести вреда здоровью
$P_{\text{тяж}} = 0$	Отсутствует
$P_{\text{тяж}} \leq 10$	Легкая
$10 < P_{\text{тяж}} \leq 33$	Средняя
$33 < P_{\text{тяж}} \leq 100$	Тяжелая
Наличие одного и более несчастного случая со смертельным исходом	Сверхтяжелая

Для оценки риска производственного травматизма на производственном объекте составлена матрица, изображенная в таблице 4, в которой представлены различные сочетания степени частоты травм с тяжестью вреда здоровью и выделено пять уровней риска: незначительный, малый, умеренный, повышенный и критический [2].

Таблица 4. Матрица для оценки уровня риска производственного травматизма на производственных объектах

Степень частоты производственного травматизма	Степень тяжести вреда здоровью			
	легкая	средняя	тяжелая	сверхтяжелая
Незначительная	незначительный	малый	умеренный	повышенный
Низкая	малый	умеренный	умеренный	повышенный
Умеренная	умеренный	умеренный	повышенный	критический
Значительная	умеренный	повышенный	повышенный	критический
Высокая	повышенный	повышенный	критический	критический
Сверхвысокая	повышенный	критический	критический	критический

Для проведения комплексного анализа производственного травматизма данный методологический подход позволяет детализировать оценку риска производственного травматизма до уровня отдельного производственного участка промышленного предприятия, а также оценить риск травматизма в результате аварии.

По результатам оценки риска производственного травматизма определяется класс травмоопасности промышленного предприятия по таблице 5, где каждому уровню риска производственного травматизма соответствует класс травмоопасности.

Таблица 5. Определение класса травмоопасности производственного объекта

Уровень риска производственного травматизма	Класс травмоопасности	Характеристика класса травмоопасности
Критический	I класс	Производственный объект чрезвычайно высокой опасности
Повышенный	II класс	Производственный объект высокой опасности
Умеренный	III класс	Производственный объект средней опасности
Малый	IV класс	Производственный объект низкой опасности
Отсутствует или незначительный	V класс	Производственный объект незначительной опасности

Обсуждение

Оценка риска производится по следующим этапам.

Этап 1. На первом этапе производится изучение структуры исследуемого производственного объекта и на всех участках основного производственного процесса определяется общее количество рабочих мест. Определение рабочих мест производится с учетом специфики производственного участка, марки действующего оборудования, периода его эксплуатации и воздействия вредных факторов производственной среды.

Для определения класса вредности условий труда промышленного предприятия в целом необходимо рассматривать рабочие места, участвующие в осуществлении основного процесса производства.

Этап 2. Для каждого рабочего места производственного объекта в зависимости от степени отклонения действующих факторов производственной среды от гигиенических нормативов, а также на основании аттестации рабочих мест по условиям труда, проводимой в соответствии с Руководством Р 2.2.755-99 «Гигиенические критерии оценки и классификация условий труда по показателям вредности и опасности факторов производственной среды, тяжести и напряженности трудового процесса» [1] определяется класс условий труда по степени вредности и опасности по следующим санитарно-гигиеническим факторам: химическому, биологическому, аэрозолям преимущественно фиброгенного действия (ПФД), шуму, инфразвуку, ультразвуку, вибрации общей и локальной, ионизирующим и неионизирующим излучениям, микроклимату, освещению, тяжести и напряженности труда. Исходя из гигиенических критериев, выделяют 7 классов условий труда по степени вредности: оптимальные, допустимые, вредные (4 степени) и опасные.

Этап 3. Определяется класс условий труда в целом по рабочему месту. Согласно [3] класс условий труда в целом по рабочему месту принимается по максимальному показателю из полученных значений класса условий труда по всем санитарно-гигиеническим факторам. При наличии трех и более одинаковых максимальных показателей класса условий труда принимается следующий за ним класс.

Этап 4. На основании класса условий труда по рабочему месту определяется показатель вредности условий труда $K_{вп}$ производственного объекта в целом по формуле (3):

$$K_{вп} = \frac{\sum_{i=1}^7 n_i \times R_i}{N_p}, \quad (3)$$

где n_i – количество рабочих мест производственного объекта в i -ом классе условий труда;

R_i – численное значение i -ого класса условий труда (для класса 1 принимается значение 1; для класса 2 – 2; для класса 3.1 – 4; для класса 3.2 – 8; для класса 3.3 – 16; для класса 3.4 – 32; для класса 4 – 64);

№ – общее количество рабочих мест производственного объекта.

Этап 5. По рассчитанному значению показателя вредности условий труда $K_{вр}$ по таблице 6 определяется уровень риска развития профессиональных заболеваний на производственном объекте в целом.

Таким же образом можно определить показатель вредности производственного объекта по определенному вредному фактору и оценить уровень риска развития профзаболевания, для которого он является ведущим этиологическим фактором. В этом случае в формуле (3) класс условий труда R_i принимается по выбранному вредному фактору.

Например, в случае, если на производственном объекте определяется показатель вредности по фактору аэрозоли преимущественно фиброгенного действия, то в результате производится оценка риска профессиональных заболеваний органов дыхания среди работников данного предприятия: хронический обструктивный бронхит, пневмокониозы (антракозы, антракосиликозы, силикозы, асбестозы и так далее).

Таблица 6. Уровень риска развития профессиональных заболеваний в зависимости от показателя вредности условий труда $K_{вр}$ на производственном объекте

$K_{вр}$	Уровень риска развития профессиональных заболеваний на производственном объекте в целом
$K_{вр} = 1$	Риск отсутствует
$K_{вр} \leq 2$	Пренебрежимо малый (переносимый) риск
$2 < K_{вр} \leq 4$	Низкий (малый) риск
$4 < K_{вр} \leq 8$	Средний (существенный) риск
$8 < K_{вр} \leq 16$	Высокий (непереносимый) риск
$16 < K_{вр} \leq 32$	Очень высокий (непереносимый) риск
$32 < K_{вр} \leq 64$	Сверхвысокий риск

Воспользуясь данными о производственном травматизме приведенными в таблице 1 и формулой 1 выполним расчет риска профессионально травматизма.

$$K_{ч} = \frac{n}{N} \text{ отсюда следует } K_{ч2011} = \frac{n}{N} = 10/1030 = 0,0097;$$

$$K_{ч2012} = \frac{n}{N} = 6/1020 = 0,00588;$$

$$K_{ч2013} = \frac{n}{N} = 10/1005 = 0,0095.$$

Таим образом, с учетом таблицы 6 имеем

$$2011 \text{ год} - K_{ч} \sim 9 \times 10^{-3}$$

$$2012 \text{ год} - K_{ч} \sim 5 \times 10^{-3}$$

2013 год – $K_{ч} \sim 9 \times 10^{-3}$ – полученные значения свидетельствуют о высокой степени частоты производственного травматизма.

Для предприятия в целом по степеням стойкой утраты трудоспособности работников определим показатель тяжести вреда здоровью работникам в результате производственной травмы по формуле (2):

$$P_{тяж_j} = \frac{\sum_{i=1}^n W_i}{n}$$

Величина стойкой утраты общей трудоспособности по документам МСЭК в 2011 году составила 20 %, в 2012 – 15 %, в 2013 – 23 %. Под значительной стойкой утратой общей трудоспособности менее чем на одну треть следует понимать стойкую утрату трудоспособности от 10 до 30 % включительно. Таким образом:

$$P_{тяж2011} = \frac{W_i}{n} = 20\%/8 = 0,025;$$

$$P_{тяж2012} = 0,025;$$

$$P_{тяж2013} = 0,023.$$

Показатель тяжести вреда за 2011–2013 год составил от 23 до 25 %, при условии данных таблицы 17 $10 < P_{тяж} \leq 33$ – означает, что средняя степень тяжести вреда здоровью.

Уровня риска производственного травматизма по таблице 4 с учетом таблиц 2 и 3 оценивается как повышенный уровень риска. По результатам оценки риска

производственного травматизма определяется класс травмоопасности промышленного предприятия по таблице 5, где каждому уровню риска производственного травматизма соответствует класс травмоопасности. Таким образом, согласно таблицы 5, анализируемый объект относится ко II классу опасности, т.е. производственный объект высокой опасности.

На основании класса условий труда по рабочему месту определяется показатель вредности условий труда $K_{вр}$ производственного объекта в целом по формуле $K_{вр} = \frac{\sum_i^7 n_i \times R_i}{N_p}$.

По результатам аттестации рабочих мест в 2011 году на 82 рабочих места 52 относилось к классам 2 и 3.1, а именно класс 1 – 30 рабочих мест, класс 2 – 37, класс 3.1 – 15 рабочих мест.

$$\text{Тогда } K_{вр1} = \frac{30 \times 1}{82} = 0,366; K_{вр2} = \frac{37 \times 2}{82} = 0,9; K_{вр3} = \frac{15 \times 4}{82} = 0,73, K_{вр} = 1,99$$

Согласно таблицы, 6 $K_{вр} \leq 2$, говорит о том, что уровень риска развития профессиональных заболеваний на производственном объекте в целом – Пренебрежимо малый (переносимый) риск.

Средней величиной приемлемого риска, в профессиональной сфере обычно принимают $2,5 (10^{-4})$ гибели человека в год). Условия профессиональной деятельности считаются безопасными, если риск для персонала ниже приемлемого, и опасными, если превышает его [1, 2, 3].

Если индивидуальный риск превосходит приемлемый, имеет место недопустимый риск. Деятельность в этом случае не должна осуществляться, если даже она выгодна для общества в целом. Однако на практике опасная деятельность бывает столь необходима, что и в условиях недопустимого риска ее приходится вести. Поэтому при экспертизе проектов, не исключаящих в случае их реализации недопустимый риск, могут быть приняты разные решения – отвергнуть проект, принять особые меры защиты, предусмотреть для подвергающихся риску привлекательные социально-экономические компенсации.

Кроме уровня приемлемого и недопустимого риска устанавливается также уровень пренебрежимо малого риска, который обычно принимается равным 10^{-6} 1/год. Условия деятельности, в которых индивидуальный риск меньше пренебрежимо малого, находятся в области безусловно приемлемого (пренебрежимо малого) риска. Любая деятельность в этой области не требует дополнительных мер по повышению безопасности и не контролируется регулирующим органом [3, 7]. Категории риска приведены в таблице 7.

Таблица 7. Классификация объектов промышленности по категориям в соответствии с риском для профессиональной деятельности

Категория объекта	Уровень индивидуального риска, 1/год	Оценка приемлемости риска	Необходимые мероприятия по снижению риска и смягчению последствий ЧС на объекте и прилегающих территориях
Безопасный	$\leq 10^{-5}$	Пренебрежительно малый	Нет
Практически безопасный	$10^{-5} \dots 10^{-4}$	Малый	Нет
Относительно безопасный	$10^{-4} \dots 10^{-3}$	Относительно высокий	Мониторинг, создание защитных зон, разработка планов мероприятий на случай возникновения аварий, лицензирование, страхование
Опасный	$10^{-3} \dots 10^{-2}$	Высокий	Предыдущие мероприятия, меры безопасности
Особо опасный	$\geq 10^{-2}$	Исключительно высокий	Предыдущие мероприятия, ограничения, меры защиты, социально-экономические компенсации

Заключение

Поскольку рудник согласно, расчетных данных относится ко II классу опасности, т.е. производственный объект высокой опасности, в качестве примеров реальных мер, осуществляемых с целью управления техногенным риском, могут быть названы:

- мониторинг состояния техногенных объектов;
- прогнозирование чрезвычайных ситуаций техногенного характера и оценка их риска;
- рациональное размещение производительных сил по территории страны с точки зрения техногенной безопасности;
- предотвращение аварий и техногенных катастроф путем повышения технологической безопасности производственных процессов и эксплуатационной надежности оборудования;
- разработка и осуществление инженерно-технических мер по снижению возможных потерь и ущерба от чрезвычайных ситуаций (смягчению их возможных последствий) на конкретных объектах и территориях;
- подготовка объектов экономики и систем жизнеобеспечения населения к работе в условиях чрезвычайных ситуаций;
- декларирование промышленной безопасности и лицензирование видов деятельности в области промышленной безопасности;
- проведение государственной экспертизы в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций;
- проведение государственного надзора и контроля по вопросам и техногенной безопасности;
- страхование техногенных рисков;
- информирование населения о потенциальных техногенных угрозах на территории проживания;
- осуществление мер защиты персонала и населения, проживающего на территориях, прилегающих к потенциально опасным объектам;
- поддержание в готовности органов управления, сил и средств, предназначенных в случае аварий для проведения аварийно-спасательных и других неотложных работ и т.д.

Примечания:

1. Харьковский В.С., Апачиди А.И., Плотников В.М. Оценка показателей надежности систем функционирования промышленных объектов / Монография. Караганда, 2012.
2. Комлева Е.В. Харьковский В.С., Байтуганова М.О. Монография «Методология оценки техногенного риска»./ Deutschland, LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014.
3. Kharkovskij V.S., Plotnikov V.M., Drizhd N.A., Sharipov N.Kh., Kakenov K.S., Komleva E.V., Kharlamova A.V. Methodology of Manufacturing Hazards and Accidents Rates Assessment // European Resercher, 2012. №8-1. Pp. 1127-1134.
4. Оценка риска на примере КЛИМЗ Корпорации «Казахмыс». Комлева Е.В., Байтуганова М.О. Международная научно-практическая конференция «MODERNI VYMOZENOSTI VEDI-2013». 27 ledna-05 unora. Praha, 2013. С. 91-94
5. ГОСТ 22.0.05-97. Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Техногенные чрезвычайные ситуации. Термины и определения.
6. ГОСТ Р 51901.11-2005. Менеджмент риска. Исследование опасности и работоспособности.
7. Харьковский В.С., Плотников В.М., Дрижд Н.А., Шарипов Н.Х., Комлева Е.В., Харламова А.В. Методика оценки опасностей и аварийности технологических процессов // Безопасность в промышленности. 2011. №1(38). С. 11-15.

References:

1. Khar'kovskii V.S., Apachidi A.I., Plotnikov V.M. Otsenka pokazatelei nadezhnosti sistem funktsionirovaniya promyshlennykh ob"ektov / Monografiya. Karaganda, 2012.
2. Komleva E.V. Khar'kovskii V.S., Baituganova M.O. Monografiya «Metodologiya otsenki tekhnogennogo riska»./ Deutschland, LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014.

3. Kharkovskij V.S., Plotnikov V.M., Drizhd N.A., Sharipov N.Kh., Kakenov K.S., Komleva E.V., Kharlamova A.V. Methodology of Manufacturing Hazards and Accidents Rates Assessment // European Resercher, 2012. №8-1. Pp. 1127-1134.
4. Otsenka riska na primere KLMZ Korporatsii «Kazakhmys». Komleva E.V., Baituganova M.O. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «MODERNI VYMOZENOSTI VEDI-2013». 27 ledna-05 unora. Praha, 2013. S. 91-94
5. GOST 22.0.05-97. Bezopasnost' v chrezvychainykh situatsiyakh. Tekhnogennye chrezvychainye situatsii. Terminy i opredeleniya.
6. GOST R 51901.11-2005. Menedzhment riska. Issledovanie opasnosti i rabotosposobnosti.
7. Khar'kovskii V.S., Plotnikov V.M., Drizhd N.A., Sharipov N.Kh., Komleva E.V., Kharlamova A.V. Metodika otsenki opasnosti i avariinosti tekhnologicheskikh protsessov // Bezopasnost' v promyshlennosti. 2011. №1(38). S. 11-15.

УДК 622.8 (625.8)

Анализ риска и мероприятия по снижению травматизма на руднике «Жолымбет» ОАО «ГМК Казахалтын»

¹ Евгения Владимировна Комлева

² Мира Олжатаевна Байтуганова

³ Нурмухамбет Альмагамбетович Медеубаев

⁴ Меруерт Жамбуловна Какенова

⁵ Алма Жолдыбаевна Ахметова

⁶ Нурия Нуретдиновна Акимбекова

⁷ Пахчан Негматулаулы Нагуман

¹⁻⁷ Карагандинский государственный технический университет, Казахстан
Караганда, Бульвар Мира, 56

¹ Старший преподаватель, магистр по безопасности жизнедеятельности

² Старший преподаватель

E-mail: bomira@mail.ru

³ Доцент, к.т.н.

E-mail: bomira@mail.ru

⁴ Старший преподаватель, магистр по безопасности жизнедеятельности

⁵ Старший преподаватель, к.м.н.

E-mail: al_ma67@mail.ru

⁶ Доцент, кандидат технических наук

E-mail:

⁷ Доцент, Кандидат химических наук

E-mail:

Аннотация. В статье приведена методика идентификации опасностей и оценки риска травматизма. Рассмотрены задачи анализа риска и оценка степени тяжести и частоты травматизма. Представлена матрица для оценки уровня риска производственного травматизма на производственных объектах. Предложены меры, осуществляемые с целью управления техногенным риском.

Ключевые слова: риск; опасность; анализ; мониторинг; техногенный объект; идентификация; коэффициент; тяжесть; частота.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
 European Researcher
 Has been issued since 2010.
 ISSN 2219-8229
 E-ISSN 2224-0136
 Vol. 91, Is. 2, pp. 104-113, 2015

DOI: 10.13187/er.2015.91.104
www.erjournal.ru

UDC 330(075.8)

Managerial Accounting as a Conceptual Basis of Integrated Management System in Small Businesses (Kazakhstan's Agro-Industrial Sector)

Sandugash M. Tokenova

Kazakh Agro-Technical University named by S.Seifullin, Kazakhstan
 Senior Lecturer, Department of Accounting and Audit Faculty of Economics
 010000, Astana city, Sh Kudayberdiuly street, flat 320
 E-mail: idt12@mail.ru

Abstract

The article considers the modern scientific approaches to the integration of management systems, interpretation of the concepts of managerial accounting and understanding of management and accounting in small businesses. The article presents the main results of the analysis of Kazakhstan's agro-industrial sector problems, ways of their solution, based on international experience and the characteristics of Kazakhstan's small business entity. There is presented the authors' vision of ways to enhance the competitiveness of small farms.

Keywords: managerial accounting; integrated management system; small business; agro-industrial sector; supply chains; the competitiveness of small farms.

Введение

Наблюдаемое в настоящее время в казахстанском агропромышленном комплексе (АПК) противоречие между уровнем управления и финансового учёта на крупных /средних предприятиях и в субъектах малого предпринимательства. Это «реальное противоречие, требующее своего разрешения» [19] является препятствием: а) интеграции малого бизнеса (МБ) в производственно-сбытовые цепочки АПК и б) повышению конкурентоспособности предприятий МБ, входящих в АПК.

Анализ интеграции систем менеджмента и различные подходы к трактовке концепции управленческого учёта

1. Интеграция систем менеджмента

Точно так же, как в языках многих малых народов Севера нет понятия снега «вообще» - а есть два десятка слов для обозначения снега «только что выпавшего», «тающего», «покрытого ледяной коркой» и т.д. - в английском языке различные аспекты управления обозначаются разными терминами. Management – это не управление «вообще», а «умение принимать управленческие решения, основанное на бережном, осторожном и внимательном отношении к объекту управления, на максимальном учёте и использовании в процессе управления его специфических особенностей» [45] – тогда как управление организацией, основанное на приоритетности учёта особенностей не объекта, а субъекта

управления обозначается совсем другими терминами (governance, administration, direction). [31]

Т.е. менеджер – это специалист, использующий различные подходы к представлению объекта управления как некой совокупности проектов, рисков, стратегий, человеческих ресурсов, знаний, показателей качества, финансовых показателей и т.д. Отсюда – множество очень разных систем менеджмента и специализаций менеджеров. [32]

В 1990-х гг. в контексте проблемы снижения издержек компаний на внедрение международных стандартов менеджмента во всём мире получила распространение идея объединения разных систем менеджмента в единую интегрированную систему. Изначально такая интеграция ограничивалась разработкой на предприятиях единой терминологии и документооборота при поэлементном совмещении требований международных стандартов менеджмента качества (ИСО 9001), профессиональной безопасности и охраны труда (OHSAS 18001), экологической безопасности (ISO 14000), безопасности пищевой продукции (ISO 22000) и т.п. [42]

Распространение в последнее десятилетие новой формы организации корпоративного бизнеса – т.н. интегрированных корпоративных структур (ИКС), не имеющих единой организационной структуры «неформальных» бизнес-сообществ [3]. Главным характеристическим признаком и объединяющим элементом ИКС являются не структуры собственности и управления (как у холдинга), а наличие института. «Совокупности формальных и неформальных норм, относительно устойчивых по отношению к изменяющемуся поведению или интересам отдельных социально-экономических субъектов (как физических, так и юридических лиц) и их групп, регулирующих их деятельность и взаимодействие». [16]

Стремительное распространение в мировой экономике ИКС повлекло за собой дальнейшее развитие ИСМ [43]. Которые стали трактоваться как единая унифицированная система корпоративных норм и правил управления, охватывающая все аспекты деятельности всех хозяйствующих субъектов, входящих в ИКС [32]. При этом критерием включения субъектов малого предпринимательства в производственно-сбытовые цепочки ИКС становится их способность соблюдать эти нормы на практике.[40]

2. Различные подходы к трактовке концепции управленческого учёта

Какая же из многочисленных концепций и отраслей менеджмента должна стать концептуальной, системообразующей основой таких ИСМ? Многие разработчики ИСМ остановили свой выбор на концепции управленческого учёта. В англоязычных источниках встречается её обозначение терминами «managerial accounting» [6; 41] «management accounting» [33] и «controlling» [15; 35]; управленческий учёт – буквальный перевод «managerial accounting».

При этом специалиста, в чьи должностные обязанности входит ведение управленческого учёта, в англоязычном деловом обороте называют отнюдь не менеджер и не бухгалтер, а обозначают специфическим термином «контроллер» - очевидно, потому что эти три работника имеют в компании совершенно разные функциональные обязанности, это три совершенно разные специальности. О специфике деятельности менеджера мы уже написали в предыдущем разделе. Бухгалтер – это, во-первых, «счетовод» (accountant, comptroller) и, во-вторых, «хранитель книги учёта» (bookkeeper, booker). Контроллер же, образно говоря, является «переводчиком» этой «книги учёта». С «языка бухгалтеров» на «язык менеджеров и инвесторов» – точно так же, как юрист в каком-то смысле занимается «переводом» этой книги на «язык законов». Разница между бухгалтером и контроллером примерно такая же, как между лингвистом (который, например, занимается подсчётом количества метафор в книге) – и переводчиком этой книги на иностранный язык. Общее у них – только книга; всё остальное – задачи, методы, инструменты – всё совершенно разное. В большинстве бизнес-организаций контроллер постоянно не требуется, его, как адвоката, приглашают только тогда, когда у акционеров, топ-менеджеров или инвесторов компании возникает потребность в «переводе».

Возникновение в конце XIX – начала XX вв. двух взаимодополняющих концепций управления бизнес-организациями – управленческого учёта и менеджмента – как известно, было обусловлено качественным изменением методов промышленного производства.

В XX в. непрерывное развитие процессов специализации / разделения труда между различными странами, предприятиями и работниками повлекло за собой необходимость постоянного обновления методов планирования и управления в бизнесе, разработки всё новых и новых концепций менеджмента и управленческого учёта.[27]

Поэтому с развитием корпоративного управления в XX в. управленческий учёт, который изначально трактовался, как «отрасль бухгалтерского дела, которая связана с представлением информации, используемой внутри предприятия» [6] и «ведение счетов исходя из потребностей управления»[33], постепенно преобразовывался – разрабатывались всё новые и новые методы анализа финансовых, а затем и нефинансовых показателей. [37]

В результате управленческий учёт сначала стал «концепцией управления предприятием с ориентацией на бухгалтерский учёт» [30].

Затем, в 1980-х гг., стал трактоваться как:

- «набор методов и приемов, направленных на обеспечение менеджеров финансовой информацией, чтобы помочь им принимать решения и поддерживать эффективный контроль над корпоративными ресурсами» [37],

- «инструмент планирования, учета, анализа состояния дел на фирме, используемый для принятия решений на базе компьютеризированной системы сбора и обработки информации» [20],

- «современная комплексная технология управления предприятием, представляющую собой интегрированную систему информационно-аналитической и методической поддержки руководителей в процессе планирования, контроля, анализа и принятия управленческих решений по всем функциональным сферам деятельности предприятия» [21].

А к началу XXI в. стал восприниматься многими специалистами как «новая концепция управления компанией, порожденная практикой современного менеджмента» [15], как «мегасистема управления предприятием» [39], которая «интегрирует учёт, планирование, маркетинг, менеджмент, финансы» [8].

В современной литературе по управленческому учёту нет единства мнений; все перечисленные нами научные трактовки имеют весьма авторитетных сторонников; каждый исследователь использует тот подход, который ему нужен для решения стоящих перед ним проблем.

При трактовке управленческого учёта как мегасистемы управления предприятием, которая интегрирует учёт, планирование, маркетинг, менеджмент, финансы, совершенно естественным является выбор этой концепции в качестве системообразующей основы ИСМ.

3. Особенности менеджмента и управленческого учёта в субъектах малого предпринимательства

Во многих развитых странах на долю предприятий МБ приходится более половины ВВП. Во всём мире субъекты малого предпринимательства в последние два десятилетия вносят всё более существенный вклад в решение проблем занятости и повышения конкурентоспособности национальных экономик. МБ – это весомый и стабильный источник налогов, залогом стабильности которого является непрерывный процесс самообновления: на место неудачников постоянно приходят новые предприниматели – работает механизм естественного отбора наиболее конкурентоспособных предприятий [36].

Главные отличительные черты, определяющие специфику малого бизнеса:

- ориентация на специфические целевые группы потребителей: деятельность субъектах малого предпринимательства может быть вполне успешной благодаря наличию у него всего нескольких (нескольких десятков) постоянных клиентов; общее количество клиентов, как правило, не превышает нескольких сотен;

- глубокая личная заинтересованность управляющего собственника и выстраивание им со своими клиентами неформальных межличностных отношений [45].

При этом многие стандарты и формализованные методы менеджмента, разработанные для нужд среднего и крупного бизнеса, представляются управляющему собственнику субъекта малого предпринимательства не только непосильными, но и совершенно излишними – он ведь и так интуитивно понимает, что нужно нескольким десяткам (двум-трём сотням) клиентов, с которыми он лично хорошо знаком [31].

Специалисты отмечают, что методы финансового менеджмента предприятий МБ имеет неоднозначную трактовку в теории финансового анализа и слабую прикладную реализацию в управленческой деятельности [44]. Прежде всего, это объясняется значительно более низким требованиям к раскрытию информации в субъектах малого предпринимательства. Для привлечения внешних инвестиций, без которых невозможен бизнес, все крупные компании стремятся стать «публичными»; при этом используются два разных методологических принципа доступа к внутрифирменной информации: «детальное раскрытие» и «полное и справедливое раскрытие» [4]. Однако значительная часть предприятий МБ этим принципам не следует (не только у нас, но и на Западе [34]); даже действуя в рамках общепринятых международных стандартов бухгалтерского учета (GAAP) могут и сегодня довольно легко показать доход даже тогда, когда его денежные резервы иссякли. [40] Поэтому вполне естественно, что между корпорациями и субъектами малого предпринимательства имеются существенные различия в возможности доступа к ресурсам, в постановке целей, рисках и уровне ликвидности. Предприятию МБ на первых стадиях существования характерно парадоксальное сочетание наибольшего риска с наименьшей доходностью. Поэтому финансирование для развития МБ сильно затруднено [38].

Отсюда – принципиальные различия между методами управления и финансового учёта на крупных /средних предприятиях и в субъектах малого предпринимательства, проблема нашего исследования.

Цель исследования – поиск новых подходов к повышению конкурентоспособности предприятий МБ, входящих в казахстанский АПК.

Результаты

1. Современное состояние и проблемы казахстанского АПК

Состояние казахстанского АПК оценивается специалистами как неудовлетворительное [13; 23]

Объёмы продукции АПК в последние годы имеют положительную динамику – если сравнивать показатели с предыдущим, а не, например, с 1990 годом, уровень производства продукции АПК которого по очень многим позициям не достигнут до сих пор.

По сравнению с 1990 г. объем производства важнейших видов продовольствия на душу населения сократился от 4 до 50 раз. По среднедушевому потреблению жизненно важных продуктов питания современный Казахстан находится на уровне: по мясу и мясопродуктам – 1965 г., по молоку и молочным продуктам – 1958 г., по сахару – 1955 г., по растительным маслам – 1976 г., по фруктам и ягодам – 1960 г. [23]

Анализ производства и потребления продукции АПК в Казахстане показывает: несбалансированность отраслевой структуры АПК (как производства, так и переработки); неравномерность распределения по территории Казахстана производства и потребления; зависимость большинства сегментов казахстанского рынка продуктов питания от импорта [14].

В перерабатывающей отрасли АПК доминируют примитивные производственные циклы. В структуре продукции отрасли, доля которой в ВВП по сравнению с 1990 г. упала более чем вдвое, 71 % приходится на производство муки и хлебобулочных изделий, ещё 11 % на выпуск напитков, на все остальные виды пищевой продукции приходится только 18 % [23].

Коэффициент фактического использования мощностей в перерабатывающей отрасли АПК низок и колеблется от 25 % в молочной промышленности до 60 % – в плодоовощеконсервной. Среди основных проблем перерабатывающей отрасли АПК можно назвать необеспеченность сырьём, отсутствие серьёзных инвестиций в отрасль, хронический недостаток оборотных средств, высокие процентные ставки по кредитам, неконкурентоспособность продукции по цене и качеству в сравнении с импортными аналогами [2].

В Казахстане неоднократно разрабатывались государственные программы по поддержке и развитию АПК. Однако ещё ни одна из этих программ не была полностью выполнена: так и не были достигнуты запланированные результаты «Программы развития сельскохозяйственного производства РК на 2000–2002 гг.», «Программы импортозамещения в отраслях легкой и пищевой промышленности на 2001–2003 годы»,

«Агропродовольственной программы на 2003–2005 гг.» и «Программы развития сельских территорий на 2004–2010 гг.» В программе «Агробизнес-2020», принятой в 2012 г., в очередной раз поставлены нереальные задачи [1].

Многие специалисты уверены, что ставка на приоритетное развитие малого и среднего бизнеса, как основного структурного элемента отраслей казахстанского АПК, совершенно не оправдалась. [23]

2. Мировой опыт развития АПК

В развитых странах производство, переработка и сбыт продукции АПК – это масштабный бизнес, глобальная конкуренция, ведущую роль в которой занимают транснациональные корпорации [5].

Государственное регулирование субъектов АПК – «глобальная политика»:

- сильные и богатые государства (такие как США и Китай) жёстко и бескомпромиссно защищают свои рынки и интересы национальных производителей;

- менее сильные и богатые (например, Россия) пытаются их отстаивать, но, в итоге, под давлением вынуждены соглашаться на некий компромисс;

- самые слабые и бедные страны мира получают продовольственную гуманитарную помощь, а вместе с ней – продовольственную и политическую зависимость; если их лидеры что-то делают «неправильно» (например, пытаются как-то избавиться от этой зависимости) - они немедленно сталкиваются с разного рода «санкциями» [17].

Главным инструментом этой глобальной конкуренции стали стандарты менеджмента безопасности и качества продукции АПК: чтобы поставить конкурентоспособную продукцию на мировые рынки, предприятиям АПК требуется сначала израсходовать огромные средства на их соблюдение. Во всём мире большинство субъектов малого предпринимательства АПК из-за нехватки средств на сертификацию своей продукции не могут включиться в глобальные производственно-сбытовые цепочки и реализуют свою продукцию на локальных рынках [9].

По мнению специалистов, субъектам малого предпринимательства АПК присущи: низкая доля заёмного капитала; низкая стоимость активов; небольшой объем средств, дополнительно мобилизуемых на рынке ссудных капиталов; низкая доля долгосрочных кредитов; относительно высокая доля товарных кредитов; широкое использование основных фондов, взятых в аренду [11].

Мировой опыт показывает:

- что большинство предприятий АПК во всех странах, формально являясь самостоятельными и независимыми субъектами рынка, тем не менее, не являются самодостаточными и инвестиционно-привлекательными, не способны развиваться на принципах самокупаемости и самофинансирования, в полной мере и на равных участвовать в межотраслевой конкуренции;

- что основная тенденция развития предприятий АПК – создание интегрированных корпоративных образований), в состав которых входят предприятия всех звеньев производственно-сбытовой цепочки «производство (отрасли растениеводства и животноводства) – переработка (пищевая отрасль) – дистрибуция (оптовая и розничная торговля)». [18; 24; 29]

3. Особенности казахстанского малого бизнеса как субъекта предпринимательства

Казахстану очень нужно развивать МБ. Ещё в 2005 году Президентом РК Н.А. Назарбаевым была поставлена задача по увеличению его вклада в ВВП республики к 2012 году до 40 %. Однако, как следует из отчётов Агентства РК по статистике, до настоящего времени эта задача не выполнена. *За последние десять лет доля МБ в казахстанском ВВП выросла с 17 до 32 %, в стоимостном выражении* объем продукции, выпускаемой субъектами малого предпринимательства, вырос почти в 4 раза [12].

Государственная поддержка субъектов малого предпринимательства осуществляется путём льготного кредитования в рамках программы «Дорожная карта бизнеса 2020». [25] Однако включению в программу объективно препятствует целый ряд факторов, главный из которых – недостаточный уровень раскрытия информации [10]. Казахстанский МБ, до сих

пор преимущественно «серый»: по оценке Агентства по борьбе с экономической и коррупционной преступностью РК в 2012 году теневой оборот в Казахстане превышал \$30 млрд. (цит. по [22]). При этом речь не идёт о недобросовестности отдельных предпринимателей; причины информационной закрытости МБ имеют системный характер – административные барьеры, возникающие при осуществлении хозяйственной деятельности [26].

По мнению экспертов, в числе наиболее остро стоящих проблем МСБ – ограниченность рынков сбыта, недобросовестная конкуренция, административные препоны и недостаток квалифицированных кадров. Нехватка финансовых, материальных, технологических и интеллектуальных ресурсов для модернизации, диверсификации и расширения бизнеса остается хронической проблемой малого предпринимательства [2]. По данным опросов, примерно половина казахстанских предпринимателей балансируют на грани выживания. Особенно это касается крестьянских хозяйств и индивидуальных предпринимателей, среди которых доля тех, у кого хватает средств только для поддержания бизнеса (или чей бизнес находится в критическом состоянии), составляет соответственно 65 % и 50 % [7]. Поэтому не удивительно, что международные эксперты отмечают общий низкий уровень управления и финансового менеджмента в казахстанских предприятиях МБ (методы управленческого учёта в них практически не применяются) [28].

Выводы

1. В настоящее время конкурентоспособность казахстанских сельхозпредприятий МБ зависит, прежде всего, от их способности интегрироваться в производственно-сбытовые цепочки крупных компаний АПК.

2. Для её развития управление в субъектах малого предпринимательства должно удовлетворять стандартам корпоративного управления крупных предприятий, формирующих в АПК республики основные производственно-сбытовые цепочки.

Перед управляющими собственниками МБ встаёт задача внедрения на своих предприятиях ИСМ, которые должны быть, с одной стороны, удобны и понятны для восприятия менеджерами крупных предприятий АПК, а с другой, не требовать значительных расходов на их внедрение и особых компетенций от их пользователей – управляющих собственников МБ.

3. В этих условиях концепция управленческого учёта и институт контроллеров могут быть использованы для организации ИСМ, обеспечивающей, образно говоря, «перевод» основных показателей и характеристик МБ с «языка субъектов малого предпринимательства» на «язык корпоративного управления».

Эффективным способом решения проблемы исследования может стать массовое внедрение в практику управления малых сельхозпредприятий специально разработанных ИСМ, центральным (системообразующим) элементом которых является концепция управленческого учёта.

Примечания:

1. Программа по развитию агропромышленного комплекса в Республике Казахстан на 2013-2020 годы (Агробизнес – 2020). Астана, 2012. 97 с.

2. Распоряжение Премьер-Министра Республики Казахстан от 7 декабря 2012 года № 226-р «Об утверждении Плана мероприятий по поддержке и развитию переработки сельскохозяйственной продукции и пищевой промышленности» // ИПС "Әділет", <http://adilet.zan.kz/rus/docs/R1200000226>

3. Белый Е.М., Рожкова Е.В., Тюлин А.Е. Интегрированные структуры в современной экономике: сущность, тенденции развития // Фундаментальные исследования. 2013. №6. С. 1482-1484. // http://www.rae.ru/fs/?section=content&op=show_article&article_id=10000974

4. Брегг С. Настольная книга финансового директора / Пер. с англ. 4-е изд. М.: Альпина Паблицер, 2013. 608 с.

5. Васильева Н.А. Развитие стратегического потенциала предприятий пищевой промышленности России в условиях глобальной конкуренции: методология, теория, практика: Дисс. ... д.э.н. Саратов, 2012. 404 с.

6. Гаррисон Р., Норин Э., Брюэр П. *Управленческий учет [Managerial Accounting]* / Пер с англ. СПб.: Питер, 2013. 592 с.
7. Гуревич Л. *Казахстанский предприниматель: самооценка собственной истории, предназначения и перспектив*// Сайт Центра бизнес-информации, социологических и маркетинговых исследований BISAM Central Asia <http://www.bisam.kz/research/reports/msb.html>
8. Демеуова Г.Т. *Формирование и функционирование системы контроллинга в Казахстане: опыт оценки и расширение ее масштабов: Автореферат дисс. ... д.э.н. Алматы, 2010. 47 с.*
9. Доклад Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО) *The State of Food Insecurity in the World, 2013* <http://www.fao.org/docrep/018/i3434e/i3434e00.htm>
10. Доступность банковского кредитования в Казахстане Отчет по результатам изучения мнения клиентов банков, 2012 // Сайт Центра исследований Сандж http://www.sange.kz/files/8413/6022/0568/___u.pdf
11. Запорожцева Л.А. *Внутренний мониторинг финансовой устойчивости сельскохозяйственных предприятий: формирование и развитие: Дисс.... к.э.н. Воронеж, 2007. 212 с.*
12. *Казахстан в 2013 году. Статистический сборник /под ред. А.А. Смаилова. Астана, 2014. 484 с.*
13. Кайгородцев А.А. *Экономическая и продовольственная безопасность Казахстана. Вопросы теории, методологии, практики: монография. Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2006. 440 с.*
14. Камински Б., Митра С. *Клубок шелка: безграничные базары и приграничная торговля в Центральной Азии. Всемирный Банк, 2012. 132 с.*
15. Карминский А. М., Фалько С. Г., Жевага А. А., Иванова Н. Ю. *Контроллинг. М.,: Форум, 2013. 336 с.*
16. Клейнер Б.Г. *Эволюция институциональных систем. М.: Наука, 2009. 240 с. с. 20.*
17. Костенкова В.Г. *Продвижение на рынке современных продуктов пищевой промышленности в условиях широкомасштабной экспансии импортных товаров*// Вестник удмуртского университета. 2009. № 2. с. 63-68
18. Май-Борода Г.Н. *Потенциал интеграционных образований как объектов управления в агропромышленном комплексе: Дисс. ... к.э.н. Пятигорск, 2011. 194 с.*
19. Новиков А.М., Новиков Д.А. *Методология: словарь системы основных понятий. М.: Либроком, 2013. 208 с.*
20. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. *Современный экономический словарь. 5-е изд, перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2006.*
21. Румянцева Е.Е. *Новая экономическая энциклопедия. 4-е изд. М.: ИНФРА-М, 2010.*
22. Сатпаев Д. *Коррупция в Казахстане и качество государственного управления // Interim Report for Exploring Informal Networks in Kazakhstan: A Multidimensional Approach, IDE-JETRO, 2013. http://www.ide.go.jp/Japanese/Publish/Download/Report/2012/pdf/C24_ch3.pdf*
23. Саханова Г.Б. *Развитие конкурентоспособности экономики Республики Казахстан: проблемы и перспективы (на примере пищевой промышленности): Дисс. PhD. Алматы, 2012. 167 с.*
24. Скиперская Е.В. *Социально-экономическая эффективность функционирования интегрированных структур в АПК: на материалах Ставропольского края: Дисс. ... к.э.н. Ставрополь, 2012. 172 с.*
25. *Структуры поддержки предпринимательства // Сайт АО «Фонд развития предпринимательства «Даму», 2013 <http://www.damu.kz/127>*
26. Сулейменова Г.К. *Административные барьеры в развитии предпринимательства (теоретическое осмысление) // Казахстан-Спектр. 2005. №2. с. 91-97*
27. Терехова В.А. *Зарубежные концепции управленческого учета и российская практика / В.А. Терехова // Экономический анализ. 2010. №1. С. 36-38.*
28. *Улучшение доступа к финансированию в агропромышленном комплексе Казахстана. Руководство по политике в области развития частного сектора. Фаза 2 проекта «Стратегия повышения отраслевой конкурентоспособности Казахстана». январь 2013 года.*

- 107 с. // Сайт Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)(The Organisation for Economic Cooperation and Development (OECD)), 2013 <http://www.oecd.org/>
29. Эмануэль И.В. Развитие вертикально интегрированных структур в агропродовольственном комплексе России: Дисс. ... д.э.н. Саратов, 2012. 384 с.
 30. Balakrishnan R. (2008) *Managerial Accounting*/ R.Balakrishnan, K.Sivaramakrishnan, G.Sprinkle. Hardcover. 704 p.
 31. Bennett R. J. (2014) *Entrepreneurship, Small Business and Public Policy Evolution and revolution* Routledge. 168 p.
 32. Bugdol M., Jedynak P. (2014) *Integrated Management Systems*. Springer International Publishing. 194 p.
 33. Drury C. (2012) *Management and Cost Accounting*. M Com Book. 850 p.
 34. Hatten T.S. (2011) *Small Business Management: Entrepreneurship and Beyond* Hardcover. 260 p.
 35. Hilmar J.V. (2007) *Controlling-Instrumente von A - Z: Die wichtigsten Werkzeuge zur Unternehmenssteuerung* Haufe Lexware. 478 p.
 36. *International Growth of Small and Medium Enterprises (2011)* Edited by N. Nummela Routledge .310 p.
 37. Jiambalvo J. (2013) *Managerial Accounting*. John Wiley & Sons Ltd.August. 544 p.
 38. Johnson P. (2008) *The Formation and Development of Small Business. Issues and Evidence*. Routledge. 256 p.
 39. Kaplan R.S., Matsumura E. M. (2011) *Management Accounting: Information for Decision-Making and Strategy Execution*. M Com Book. 551 p.
 40. Longenecker J. G. (2013) *Small Business Management / J. G. Longenecker, J. W.Petty, L. E. Palich, F.Hoy* Hardcover. 340 p.
 41. Noreen E. (2010) *Managerial Accounting for Managers / E.Noreen, P. Brewer, R. Garrison*. Irwin/McGraw-Hill. 628 p.
 42. Pardy W., Andrews T. (2009) *Integrated Management Systems: Leading Strategies and Solutions*. Hardcover. 280 p.
 43. Pilot M. J. (2014) *Driving Sustainability to Business Success: The DS Factor - Management System Integration and Automation*. John Wiley & Sons, Inc. 346 p.
 44. Reid G. (2007) *The Foundations of Small Business Enterprise. An Entrepreneurial Analysis of Small Firm Inception and Growth*. Routledge. 404 p.
 45. *The Management of Small and Medium Enterprises (2011)* Edited by M. Fink, S.Kraus Routledge. 312 p.

References:

1. Programma po razvitiyu agropromyshlennogo kompleksa v Respublike Kazakhstan na 2013-2020 gody (Agrobiznes – 2020). Astana, 2012. 97 s.
2. Rasporyazhenie Prem'er-Ministra Respubliki Kazakhstan ot 7 dekabrya 2012 goda № 226-r «Ob utverzhdenii Plana meropriyatii po podderzhke i razvitiyu pererabotki sel'skokhozyaistvennoi produktsii i pishchevoi promyshlennosti» // IPS "Әdilet", <http://adilet.zan.kz/rus/docs/R1200000226>
3. Belyi E.M., Rozhkova E.V., Tyulin A.E. Integrirovannye struktury v sovremennoi ekonomike: sushchnost', tendentsii razvitiya // Fundamental'nye issledovaniya. 2013. №6. S. 1482-1484. // http://www.rae.ru/fs/?section=content&op=show_article&article_id=10000974
4. Bregg S. *Nastol'naya kniga finansovogo direktora / Per. s angl. 4-e izd. M.: Al'pina Pabliisher, 2013. 608 s.*
5. Vasil'eva N.A. *Razvitie strategicheskogo potentsiala predpriyatii pishchevoi promyshlennosti Rossii v usloviyakh global'noi konkurentsii: metodologiya, teoriya, praktika: Diss. ... d.e.n. Saratov, 2012. 404 s.*
6. Garrison R., Norin E., Bryuer P. *Upravlencheskii uchet [Managerial Accounting] / Per s angl. SPb.: Piter, 2013. 592 s.*
7. Gurevich L. *Kazakhstanskii predprinimatel': samootsenka sobstvennoi istorii, prednaznacheniya i perspektiv// Sait Tsentra biznes-informatsii, sotsiologicheskikh i*

marketingovykh issledovaniy BISAM Central Asia <http://www.bisam.kz/research/reports/msb.html>

8. Demeuova G.T. Formirovanie i funktsionirovanie sistemy kontrollinga v Kazakhstane: opyt otsenki i rasshirenie ee masshtabov: Avtoreferat diss. ... d.e.n. Almaty, 2010. 47 s.

9. Doklad Prodovol'stvennoi i sel'skokhozyaistvennoi organizatsii OON (FAO) The State of Food Insecurity in the World, 2013 <http://www.fao.org/docrep/018/i3434e/i3434e00.htm>

10. Dostupnost' bankovskogo kreditovaniya v Kazakhstane Otchet po rezul'tatam izucheniya mneniya klientov bankov, 2012 //Sait Tsentra issledovaniy Sandzh http://www.sange.kz/files/8413/6022/0568/___u.pdf

11. Zaporozhtseva L.A. Vnutrennii monitoring finansovoi ustoychivosti sel'skokhozyaistvennykh predpriyatii: formirovanie i razvitiye: Diss.... k.e.n. Voronezh, 2007. 212 s.

12. Kazakhstan v 2013 godu. Statisticheskii sbornik /pod red. A.A. Smailova. Astana, 2014. 484 s.

13. Kaigorodtsev A.A. Ekonomicheskaya i prodovol'stvennaya bezopasnost' Kazakhstana. Voprosy teorii, metodologii, praktiki: monografiya. Ust'-Kamenogorsk: Media-Al'yans, 2006. 440 s.

14. Kaminski B., Mitra S. Klubok shelka: bezgranichnye bazary i prigranichnaya trgovlya v Tsentral'noi Azii. Vsemirnyi Bank, 2012. 132 s.

15. Karminskii A. M., Fal'ko S. G., Zhevaga A. A., Ivanova N. Yu. Kontrolling. M.,: Forum, 2013. 336 s.

16. Kleiner B.G. Evolyutsiya institutsional'nykh sistem. M.: Nauka, 2009. 240 s. s. 20.

17. Kostenkova V.G. Prodvizhenie na rynke sovremennykh produktov pishchevoi promyshlennosti v usloviyakh shirokomasshtabnoi ekspansii importnykh tovarov// Vestnik udmurtskogo universiteta. 2009. № 2. s. 63-68

18. Mai-Boroda G.N. Potentsial integratsionnykh obrazovaniy kak ob'ektov upravleniya v agropromyshlennom komplekse: Diss. ... k.e.n. Pyatigorsk, 2011. 194 s.

19. Novikov A.M., Novikov D.A. Metodologiya: slovar' sistemy osnovnykh ponyatii. M.: Librokom, 2013. 208 s.

20. Raizberg B.A., Lozovskii L.Sh., Starodubtseva E.B. Sovremenniy ekonomicheskii slovar'. 5-e izd, pererab. i dop. M.: INFRA-M, 2006.

21. Rumyantseva E.E. Novaya ekonomicheskaya entsiklopediya. 4-e izd. M.: INFR A-M, 2010.

22. Satpaev D. Korruptsiya v Kazakhstane i kachestvo gosudarstvennogo upravleniya // Interim Report for Exploring Informal Networks in Kazakhstan: A Multidimensional Approach, IDE-JETRO, 2013. http://www.ide.go.jp/Japanese/Publish/Download/Report /2012/ pdf/C24_ch3.pdf

23. Sakhanova G.B. Razvitiye konkurentosposobnosti ekonomiki Respubliki Kazakhstan: problemy i perspektivy (na primere pishchevoi promyshlennosti): Diss. PhD. Almaty, 2012. 167 s.

24. Skiperskaya E.V. Sotsial'no-ekonomicheskaya effektivnost' funktsionirovaniya integrirovannykh struktur v APK: na materialakh Stavropol'skogo kraya: Diss. ... k.e.n. Stavropol', 2012. 172 s.

25. Struktury podderzhki predprinimatel'stva // Sait AO «Fond razvitiya predprinimatel'stva «Damu», 2013 <http://www.damu.kz/127>

26. Suleimenova G.K. Administrativnye bar'ery v razvitiy predprinimatel'stva (teoreticheskoe osmyslenie) // Kazakhstan-Spektr. 2005. №2. s. 91-97

27. Terekhova V.A. Zarubezhnye kontseptsii upravlencheskogo ucheta i rossiiskaya praktika / V.A. Terekhova // Ekonomicheskii analiz. 2010. №1. S. 36–38.

28. Uluchshenie dostupa k finansirovaniyu v agropromyshlennom komplekse Kazakhstana. Rukovodstvo po politike v oblasti razvitiya chastnogo sektora. Faza 2 proekta «Strategiya povysheniya otraslevoi konkurentosposobnosti Kazakhstana». yanvar' 2013 goda. 107 s. // Sait Organizatsii ekonomicheskogo sotrudnichestva i razvitiya (OESR)(The Organisation for Economic Cooperation and Development (OECD)), 2013 <http://www.oecd.org/>

29. Emanuel' I.V. Razvitiye vertikal'no integrirovannykh struktur v agroprodovol'stvennom komplekse Rossii: Diss. ... d.e.n. Saratov, 2012. 384 s.

30. Balakrishnan R. (2008) Managerial Accounting/ R.Balakrishnan, K.Sivaramakrishnan, G.Sprinkle. Hardcover. 704 p.

31. Bennett R. J. (2014) *Entrepreneurship, Small Business and Public Policy Evolution and revolution* Routledge. 168 p.
32. Bugdol M., Jedynek R. (2014) *Integrated Management Systems*. Springer International Publishing. 194 r.
33. Drury C. (2012) *Management and Cost Accounting*. M Com Book. 850 p.
34. Hatten T.S. (2011) *Small Business Management: Entrepreneurship and Beyond* Hardcover. 260 r.
35. Hilmar J.V. (2007) *Controlling-Instrumente von A - Z: Die wichtigsten Werkzeuge zur Unternehmenssteuerung* Haufe Lexware. 478 r.
36. *International Growth of Small and Medium Enterprises (2011)* Edited by N. Nummela Routledge .310 p.
37. Jiambalvo J. (2013) *Managerial Accounting*. John Wiley & Sons Ltd. August. 544 r.
38. Johnson P. (2008) *The Formation and Development of Small Business. Issues and Evidence*. Routledge. 256 p.
39. Kaplan R.S., Matsumura E. M. (2011) *Management Accounting: Information for Decision-Making and Strategy Execution*. M Com Book. 551 p.
40. Longenecker J. G. (2013) *Small Business Management / J. G. Longenecker, J. W. Petty, L. E. Palich, F. Hoy* Hardcover. 340 r.
41. Noreen E. (2010) *Managerial Accounting for Managers / E. Noreen, P. Brewer, R. Garrison*. Irwin/McGraw-Hill. 628 p.
42. Pardy W., Andrews T. (2009) *Integrated Management Systems: Leading Strategies and Solutions*. Hardcover. 280 r.
43. Pilot M. J. (2014) *Driving Sustainability to Business Success: The DS Factor - Management System Integration and Automation*. John Wiley & Sons, Inc. 346 r.
44. Reid G. (2007) *The Foundations of Small Business Enterprise. An Entrepreneurial Analysis of Small Firm Inception and Growth*. Routledge. 404 p.
45. *The Management of Small and Medium Enterprises (2011)* Edited by M. Fink, S. Kraus Routledge. 312 p.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
 European Researcher
 Has been issued since 2010.
 ISSN 2219-8229
 E-ISSN 2224-0136
 Vol. 91, Is. 2, pp. 114-126, 2015

DOI: 10.13187/er.2015.91.114
www.erjournal.ru

UDC 33

Corporate Failure Prediction of Public Listed Companies in Malaysia

¹Qaiser Rafique Yasser

²Abdullah Al Mamun

¹ University Malaysia Sarawak, Malaysia
 Faculty of Economics and Business

² University of Newcastle, Australia
 Newcastle Business School

Abstract

This paper aims to extend the prediction model of financial distress among Malaysian public listed companies from period 2006 to 2010. Altman Z-Score Models was used to identify classification on three main zones which are safe, grey or distress zone. The results specify that 56 % of listed companies were classified as 'distress zone', 24 % are known as 'grey zone' while 20 % are classified in 'safe zone'. Two likely to fail companies was correctly predict at distress zone which Z-Score was lower than 1.81. Moreover, the findings show most of the companies were facing financial distress during global financial crisis on 2008. Industrial transportation and industrial engineering sectors are generally classified as 'safe zone' while food and staplers retailing, real estate investment and services and industrial metals and mining sectors are classified as 'distress zone'.

Keywords: Altman Z-Score Models; Corporate failure prediction.

Introduction

After the skyscraper financial scandals in early 2000, the corporate failure has become the mere dream for investor and regulators. Corporate failure is a phenomenon happen in developing countries as well as developed countries due to abrupt grounds. Economic crisis sudden occurred in the middle of 1997 and brought many impacts to Asian corporations which increase number of corporations facing financial difficulties. Financial failure can be form into financial distress, bankruptcy or insolvency. Insolvency can be defined as where a corporate was unable to meet the obligations or working capital is negative. However, bankruptcy defined as when total liability was exceeding fair value of assets (Odipo & Sitati, 2010). According to Thai (2003), corporate failure was developed slowly over many years. Few symptoms can lead to corporate failures which are declining on earning, working capital and increasing in debt.

Economic crisis was begun to affect Malaysia's economic in July 1997, these cause many corporate face financial distress. Corporate was unable to face the unexpected changes in economic and fail to generate profit for the companies. Business failure can be caused by poor management on the company which are management styles and rapid changes of technologies or economic changes (Blocher, Ko, & Lin, 1999). Besides that, Khor (2009) state that global financial crisis was

began in 2007 and worsened in first half of 2008, hence it lead little effect on Malaysia and other Asian countries.

There are many company failures in Malaysia capital market at last decade. Corporate failure prediction was very important challenging issue (Zulkarnain, 2006). In Malaysia's studies, most of the failed companies were classified by Bursa Malaysia (Kuala Lumpur Exchange Stock) under Practice Note 4 (PN 4) and Practice Note 17 (PN 17). Companies which categories into these classifications most probably because the firms are mainly deficit in the company shareholders' funds where the financial conditions does not continue trading and listing in the stock exchange. Hence, the companies have been given certain time to regularize and take actions on their financial position which can release the companies from the Practice Note classification (Haniff, Shanmugam, Yap, & Yap, 2011). There are many public listed companies in Malaysia was success obtain Restraining Orders pursuant to Section 176 (10) of the Companies' Act, 1965, where the purpose is to restructure the company debts (Thai, 2003).

Based on the Altman (1968), corporate failure prediction models were extremely valuable to many industry sectors. Altman model which establish in 1968 is known as Altman Z-Score Models formula. It defined as financial model to predict the probability of bankruptcy of a company. Odipo and Sitati (2010) define purpose of the Z-Score model is to measure the financial situation of a corporate and estimate the probability of the company which face bankruptcy within two years. This study provides on relevant financial ratios of a corporate which is useful in predicting the probability of corporate failure. The accuracy classified is 94% of one year before the corporate facing bankruptcy (Altman, 1968). In contrast, Z-Score define 97% of the non-bankruptcy firms in the research. Suppliers of capital, creditors, investors, management and employees are very seriously affected from the business failures. Therefore, this study would like to predict the corporate failure using Altman Z-Score Models (Odipo & Sitati, 2010).

The purpose of this study is to make a contribution to international distress prediction research by responding to the call for international comparisons and uniform models in financial distress prediction. It is worth stressing that a major benefit of a well performing international model would be that its users could carry out their international analyses within the realm of one single model. Different models, their structures, and their outputs are difficult to compare and impairing the decision making process.

Literature review

Corporate failure is a worldwide problem, the number of corporate failure was important for the all countries economic. Bankruptcy can affect firms all around the world and bring lot of impact on the economics of the countries. Corporate failure was an important role in financial theory and accounting (Bhimani, Gulamhussen, & Lopes, 2010). Corporate failure defines as firm was unable to pay back the financial obligations when mature. When a company was face bond default, overdraft on bank or nonpayment for preference stock dividend, the corporate might consider as financial failure (Beaver, 1966). According to Altman (1968), corporate failure defines as company fail to earn a return on risk capital, hence the company was failed to pay its financial obligation when due. Insolvency on a company means the company's total liabilities were greater than the fair value of assets. In the view of accounting, bankruptcy occurs when total of realize and debt obligations greater than expected cash flow (Guo, 2008).

Brabozon et al. (2002) defined range of corporate failure is to earn economic rate of return from capital invested given the business risk. Legal bankruptcy was followed by liquidity of assets in the firm. Brabazon and Neill (2006) stated that financial failure occurs when corporate was fail to repaid liquid from resources in financial. There are reduce on liquidity and serious losses at the end of period declining in financial. Failure in financial was happened when liabilities unable to repaid from liquid financial resources. When liabilities of a firm were unable to repay at the end of period of financial decline, these might lead to financial distress for the company.

According to Malaysia Bankruptcy Law, Malaysia was focuses on insolvency as main qualifier to consider the bankruptcy. Word of bankruptcy can immediately bring negative vision towards our minds. It was happened in every country around the world. Bankruptcy is a legal process set going by a company due to not able to settle corporate debt owed to a party who give the loan which known as creditors. The creditors can lay their claims once the companies were getting into

bankruptcy. Individual, public listed companies, public limited companies and members of partnership have probability of getting bankruptcy (Jacquelyn, 2006).

Corporation which under financial distress can be showed by five criteria which can show as: Firm that was restructured and protect by Scheme of Arrangement and Reconstruction pursuant to Section 176 of Companies Act 1965, corporate that restructure under the Corporate Debt Restructuring Committee, corporate loans was sold to Pengurusan Danaharta Nasional Berhad by financial institutions, corporate which worked on restructure individual with the corporate creditors and firm that classified under Practice Note No. 4 (PN 4), and Practice Note No. 17 (PN 17) by Bursa Malaysia.

In this study, most of the failed public listed companies were classified in Bursa Malaysia which formerly the Kuala Lumpur Stock Exchange. Main reason those companies state in the classification because the companies mainly deficit in their stakeholders funds and companies do not continue trading or listing in the stock exchange market.

Research model

Corporate failure prediction was dominant in business failure studies. Bankruptcy prediction models were applied frequently to examine to financial situation of the selected company. According to Andreev (2006), corporate failure prediction models were proved to obtain high accuracy assessment of financial situation of a corporation. Managers were train by using selected bankruptcy prediction model and proven financial ratios as tools to analysis on bankruptcy prediction. Corrective and prevent action can be taken to prevent bankruptcy in the companies. Therefore, prediction knowledge and skills was importance to continue the company was going concern.

According to Kidane (2004), bankruptcy prediction models used financial informations such like balance sheet and income statement from the corporation. The financial information and various type of financial ratios was act as predictor on the symptoms of corporate failure. Corporate failure prediction models can be categories into three types of models which are Statistical models, Artificial Intelligence and Expert Systems (AIES) models and Theoretic models. Bankruptcy prediction models were show in table 1.

Table 1: Bankruptcy Prediction Models

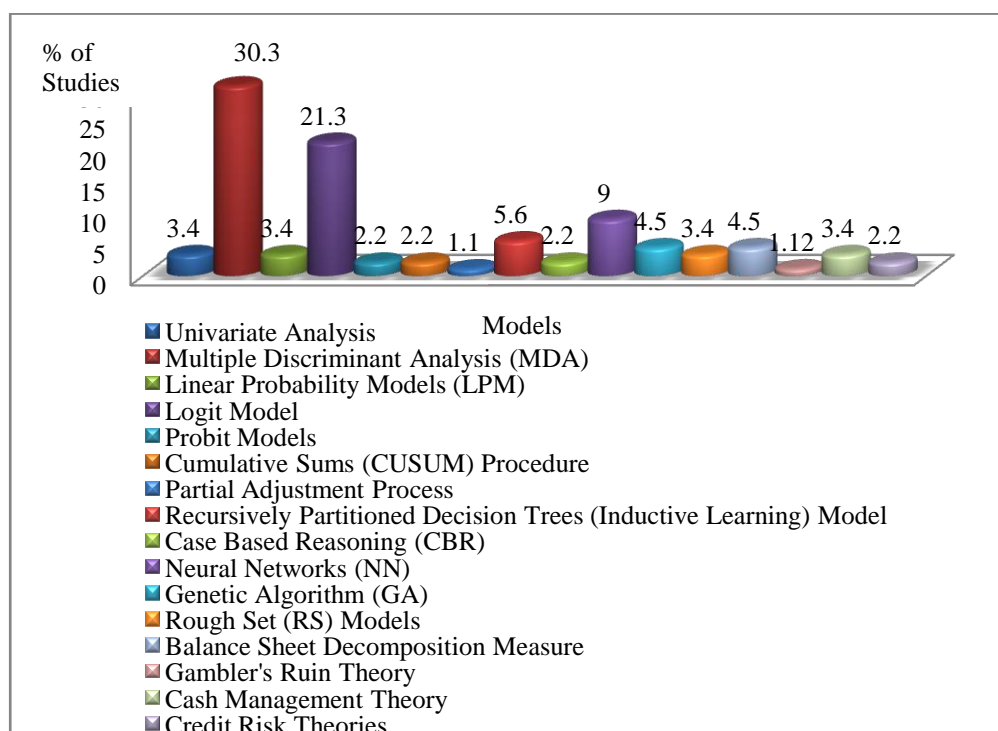
Category	Models
Statistical Models	Univariate Analysis Multiple Discriminant Analysis (MDA) Linear Probability Models (LPM) Logit Model Probit Models Cumulative Sums (CUSUM) procedure Partial Adjustment Process
Artificial Intelligence and Expert Systems (AIES) Models	Recursively Partitioned Decision Trees (Inductive Learning) Model Case Based Reasoning (CBR) Model Neural Network (NN) Genetic Algorithm (GA) Rough Set (RS) Models
Theoretic Models	Balance Sheet Decomposition Measure Gambler's Ruin Theory Cash Management Theory Credit Risk Theories

Sources: Kpodoh (2009)

Aziz and Dar (2006) indicate that there are 64 % studies use statistical models, 25 % was use AIES models and 11 % was use theoretic models to predict corporate failure. Categories of corporate failure prediction models from past studies were showed in figure 1.

The flowing chart show 3 categories of corporate failure prediction models and it consists of 16 models. According to Aziz and Dar (2006), the percentage of prior studies which is use Multiple Discriminant Analysis (MDA) is 30.3 % and followed by Logit model which is 21.3 % in statistical model. Besides that, the highest studies use in AIES model is Neural Networks (NN) which is 9 %. Balance Sheet Decomposition Measure showed the highest used in Theoretic models which consist of 4.5 %. Proportion of corporate failure prediction models from past studies can be showed at figure 1.

Figure 1: Proportion of Corporate Failure Prediction Models from Past Studies

Sources: Aziz and Dar (2006)

Theoretical framework

The theoretical framework use for bankruptcy prediction is notional one theory. Altman (1968) showed that measuring liquidity, profitability, and solvency are the most significant ratios. This study was mentioned implicitly financial measures in economic concept. Blums (2003) state notional theory was expressed from financial ratio perception as indicators of corporate health. A health firm's indicator showed "good"; while if the indicator is poor, the firms are perceived as risk in bankruptcy or unhealthy which consist risk of bankruptcy. There are three types of measurement which is liquidity, profitability and wealth. Higher positive measurement of these measurements shows lower risk of bankruptcy. Notional theory was developed from perception on financial ratios. Financial ratios were act as indicators to determine the corporate health. When the indicators showed good which mean the corporate was perceived as healthy company (Blums, 2003).

Liquidity was indicating as the ability of a firm to meet the corporate current liabilities. Profitability defined as the reservoir of resources which being drained supplemented while wealth are indicate as current magnitude of the reservoir. Company showed low risk of corporate failure when positive sign and high measurement of liquidity, profitability and wealth. Blums (2003) viewed the firm as reservoir of liquid assets, which supplied by inflows and drained by outflows. Technique of Multiple Discriminant Analysis (MDA) Models was combines a lot of factors based on important of weight to be given to each factor. Besides that, it also determines composite score to differentiate good customers from bad customers (Satish, 2011).

Research Methodology

These study focus on sector of public listed companies in Sarawak which test on the rank on probability of corporate getting failure. This study compares the entire sector to developed Altman Z-Score Models the sample of data. This study was conduct by used financial ratios from balance sheet and income statement on the sample. Working capital, total assets, total liability and numbers of shares capital can be obtained from balance sheet. Conversely, retained earnings, earnings before interest and taxes, and sales can be obtained from income statement. However, market value equity can get from the share price at end of the years which is on December 31 on every year time in Yahoo Finance. Based on Bursa Malaysia, there are 32 public listed companies in Sarawak from 2006 to 2010, due to there are some listed companies do not have fully data from 2006 to 2010, so the sample data was eliminate to 25 out of 32 public listed companies was been use in this research. There are 7 companies been eliminate due to data was less than 5 years. There are 23 companies are not likely to fail companies and 2 likely to fail companies. The methodology use in this research is quantitative research. The 2 likely to failed companies are categories in PN 17 Company at Bursa Malaysia.

Data Collection

There are total 25 public listed companies' data in Sarawak (Malaysian State) was been use in this research. Sample of companies was categories into 8 difference sectors which are construction and materials, industrial transportation, food producers, real estate investment and services, forestry and paper, industrial engineering, industrial metals and mining and food and staplers retailing. There are 23 not likely to fail companies and 2 likely to fail companies (Table 7 & 8).

All the public listed companies in Sarawak from 2006 to 2010 was classified into 8 sectors which are 8 companies from construction and materials sector, 4 companies from industrial transportation sector, 4 companies are from food producers sector, 2 companies are from real estate investment and services sector, 3 companies are from forestry and paper sector, 2 companies are from industrial engineering sector, a company from industrial metals and mining sector and a company from food and staplers retailing sector.

This study tests the credit risk towards public listed companies in Sarawak. Altman Z-Score Models used to examine the prediction of failed based on secondary data. Altman Z-Score Models developed to identify financial failure firms by using financial data from period 2006 to 2010. Data used in this study is five set of financial ratios and the sample of companies used in this study was selected from firms that listed on Bursa Malaysia from 2006 to 2010. Companies selected are 25 public listed firms from 2006 to 2010 in Sarawak, Malaysia. Altman Z-Score Models was chosen to predict the corporate failed is because one of the ratio market value of equity is divided by total liabilities. Obviously, if a company was not publicity traded, its equity has no market value. Therefore, private firm cannot use Altman Z-Score Models. In this study, the model was widely test around 40 years and it is introduced by Altman at 1968 in United State.

The data show are list of listed companies from list of listed companies from 2006-2010 (5 years). There are only 25 out of 32 companies financial data can be collect from period 2006 until 2010, which is 5 years period. Some of the companies was not yet been listed as listed companies at the moment. The financial data from the 25 companies can be categories into 8 sectors which are 8 companies from construction and materials sector, 4 companies from industrial transportation sector, 4 companies from food producers sector, 2 company from real estate investment and services sector, 2 companies from industrial engineering sector, 3 companies from forestry paper sector, 1 company from for and staplers retailing sector and 1company from industrial metals and mining sector.

Analysis of Data

Altman Z-Score Models can be analyzed by using financial ratios to discriminant corporate failure. Besides Altman Z-Score Models to test the probability of corporate failure. The companies were categories into 5 years financial year which is from period 2006 until 2010. After that, financial data of the companies was divided into sector and calculate the Z-Score on the sector.

Altman Z-Score Models

Bankruptcy prediction studies by Altman on 1968 has been an effective indicator to determine the public listed companies that has goes to bankruptcy by analyzing company's financial performance. According to Kpodoh (2009), a number of variables from financial ratios was analyzed to examine internal liquidity, risk of financial, performance on operating and companies growth. In addition, use of Z-Score Models did not direct tell how managers operate the business. Variable, definition and coefficient factor can be showed in table 2.

Table 2: Variable, Definition and Coefficient Factor

Variable	Definition (Ratio)	Coefficient Factor
X1	Working capital/total assets	1.2
X2	Retained earnings/total assets	1.4
X3	Earnings before interest and taxes/total assets	3.3
X4	Market value equity/book value of total liabilities	0.6
X5	Sales/total assets	0.999

Sources: Altman (1968)

The financial statements for fiscal years 1968 are presented as below Altman (1968).

$$Z = 1.2 X_1 + 1.4 X_2 + 3.3 X_3 + 0.6 X_4 + 0.999 X_5$$

Where;

- X1=Working capital/total assets
- X2=Retained earnings/total assets
- X3=Earnings before interest and taxes/total assets
- X4=Market value equity/book value of total liabilities
- X5=Sales/total assets
- Z=Overall index

Findings and discussion

The finding on Altman Z-Score data and graph from 2006 to 2010 are likely and not likely to fail companies. Moreover, discussion on each sector classified by zone to determine amount of companies classified as safe, grey and distress zone. On the other hand, average Z-Score for each sector from 2006 to 2010 was calculated in each sector to indicate ranking of average sector's Z-score categories by each sector was discuss. Discussion on hypothesis was show at last part.

Altman Z-Score for List of Listed Companies from 2006 to 2010

Altman Z-Score for list of listed companies from 2006 to 2010 (5 years period) shown in table 3.

Table 3: Altman Z-Score for List of Listed Companies from 2006 to 2010

#	Year	2006	2007	2008	2009	2010
	Company Name					
1	B.I.G Industries Berhad	1.15	1.01	0.69	0.47	0.49
2	Bintulu Port Holdings Berhad	11.57	11.25	8.09	10.72	10.82
3	BLD Plantation Berhad	1.11	1.52	1.17	1.41	2.05
4	CCK Consolidated Holdings Berhad	3.43	3.59	3.46	4.10	4.58
5	Cahaya Mata Sarawak Berhad	-0.18	1.71	1.07	1.47	2.01
6	Encorp Berhad	0.18	0.77	0.58	-0.19	-0.16
7	Harbour-Link Group Berhad	1.86	1.76	2.03	2.10	2.09
8	Hock Seng Lee Berhad	2.39	2.72	1.96	2.28	2.44

9	Hubline Berhad	1.19	1.15	1.41	0.93	0.87
10	Ibraco Berhad	1.43	1.05	1.66	3.86	2.19
11	Jaya Tiasa Holdings Berhad	2.11	2.16	0.99	0.80	1.04
12	Kim Hin Industry Berhad	3.77	3.67	3.12	3.98	4.00
13	KKB Engineering Berhad	2.71	4.70	3.41	6.39	6.58
14	Naim Holdings Berhad	3.59	3.74	2.01	2.56	3.14
15	Ngiu Kee Corporation (M) Berhad	1.30	1.13	1.30	1.47	1.39
16	Quality Concrete Holdings Berhad	1.78	2.16	1.81	1.59	1.50
17	Rimbunan Sawit Berhad	1.06	1.61	2.02	1.17	0.38
18	Sarawak Consolidated Industries Berhad	1.10	0.47	0.51	1.65	1.39
19	Sarawak Oil Palms Berhad	1.37	2.72	2.61	2.34	2.86
20	Subur Tiasa Holdings Berhad	5.49	3.08	1.72	1.74	2.05
21	Swee Joo Berhad	1.55	1.43	0.61	0.11	-1.80
22	Ta Ann Holdings Berhad	5.41	3.14	1.41	1.59	1.85
23	Weida (M) Berhad	1.99	1.47	1.04	1.39	1.19
24	Yung Kong Galvanising Industries Berhad	0.94	1.11	1.12	0.90	1.11
25	Zecon Berhad	0.77	0.91	0.72	0.58	0.69

There are 25 companies data was gather from annual report on listed companies in Sarawak at Bursa Malaysia from period 2006 to 2010. Bintulu Port Holdings Berhad show Z-Score are fluctuation from 2006 to 2010.

Altman Z-Score for List of Data of Not Likely to Fail Companies

According to Altman (1968), the researcher was discriminant between bankruptcy companies and non-bankruptcy companies. Hence, this research was use to discriminant likely to fail companies and non-likely to fail companies. Lists of likely to fail companies obtained from PN 17 Company at Bursa Malaysia. PN 17 Company was relating to companies financial distress, hence the companies fall into this categories need to submit proposal to the Approving Authority to restructure and revive on the company to maintain the company (Business Company Information, 2009).

The company, Swee Joo Berhad had a Z-Score which classified as distress zone. This company was clearly showed Z-Score was slightly decreased from 2006 to 2010. Swee Joo Berhad has persistent negative working capital over the period except 2007. Low working capital of total assets ratio indicates the company has liquidity problems. Firms which have experiencing consistence operating losses tend to have dismissing current assets relative to total assets. However, the firm had negative ratio on retained earnings to total assets (X₂) and ratio on EBIT to total asset (X₃) on 2009 and 2010. These can indicate the firms made losses persistently due to unable to generate needed revenue and inefficient use of assets. At 2010, Z-Score show by Swee Joo Berhad show -1.80, which Z-Score accuracy classified the financial difficulties of Swee Joo Berhad, with average Z-Score of 0.38 over the five year period. Subsequently, Bursa Malaysia also list Swee Joo Berhad as PN 17 Company since 30 August 2010 and delisted on 26 September 2011.

Figure 2: Graph for Likely to Fail Companies

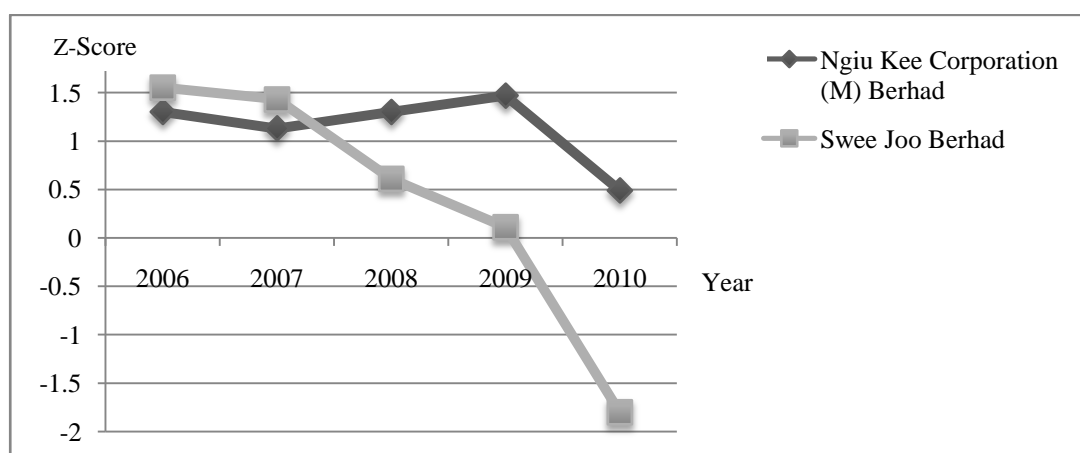

Figure 2 shows likely to fail companies were classified as PN 17 Company and suspend from Bursa Malaysia to restructure and revive in order to maintain the status of listing (Webmaster, 2008). There are 2 companies was classified as PN 17 Company in listed companies in Sarawak are Ngiu Kee Corporation (M) Berhad and Swee Joo Berhad. Besides that, Ngiu Kee Corporation (M) Berhad and Swee Joo Berhad were classified as distress zone in Altman Z-Score Models which the Z-Score for both of the companies was below 1.81. The Z-Score for Swee Joo Berhad show there are drop slightly from 2006 to 2010. At 2010, the Z-Score was -1.80. However, Ngiu Kee Corporation (M) Berhad show fluctuation and start to decrease slightly at 2010.

Classified of Companies by Zones

In Table 4 companies were classification into sector to determine amount of companies in each zone. Average Z-Score was obtained from 2006 to 2010 which is 5 years period. Using Altman Z-Score Models, the table 4 described the placement of all sectors in 3 main zones.

Table 4: Placement of All Sector in 3 Main Zones

#	Year Company Name	Avg.	Sector	Zone
1	Kim Hin Industry Berhad	3.71	Construction and Materials	Safe
2	Naim Holdings Berhad	3.01	Construction and Materials	Safe
3	Hock Seng Lee Berhad	2.36	Construction and Materials	Grey
4	Quality Concrete Holdings Berhad	1.77	Construction and Materials	Distress
5	Cahaya Mata Sarawak Berhad	1.22	Construction and Materials	Distress
6	Sarawak Consolidated Industries Berhad	1.03	Construction and Materials	Distress
7	B.I.G Industries Berhad	0.76	Construction and Materials	Distress
8	Zecon Berhad	0.73	Construction and Materials	Distress
9	Bintulu Port Holdings Berhad	10.49	Industrial Transportation	Safe
10	Harbour-Link Group Berhad	1.97	Industrial Transportation	Grey

11	Hubline Berhad	1.11	Industrial Transportation	Distress
12	Swee Joo Berhad	0.38	Industrial Transportation	Distress
13	CCK Consolidated Holdings Berhad	3.83	Food Producers	Safe
14	Sarawak Oil Palms Berhad	2.38	Food Producers	Grey
15	BLD Plantation Berhad	1.45	Food Producers	Distress
16	Rimbunan Sawit Berhad	1.05	Food Producers	Distress
17	Subur Tiasa Holdings Berhad	2.82	Forestry and Paper	Grey
18	Ta Ann Holdings Berhad	2.68	Forestry and Paper	Grey
19	Jaya Tiasa Holdings Berhad	1.42	Forestry and Paper	Distress
20	KKB Engineering Berhad	4.76	Industrial Engineering	Safe
21	Weida (M) Berhad	1.42	Industrial Engineering	Distress
22	Ibraco Berhad	2.04	Real Estate Investment and Services	Grey
23	Encorp Berhad	0.24	Real Estate Investment and Services	Distress
24	Ngiu Kee Corporation (M) Berhad	0.49	Food and Staplers Retailing	Distress
25	Yung Kong Galvanising Industries Berhad	1.04	Industrial Metals and Mining	Distress

Average Z-Score obtain to calculate sector classification by each zone and determine how many companies were classified as each zone on each sector. Hence, there are 14 companies were classified as distress zone, 6 companies were known as grey zone and 5 companies were known as safe zone. Number of sector which classified in each zone can be clearly showed in table 5.

Table 5: Sector Classification by Zone from 2006 to 2010

#	Sector	Safe		Grey		Distress		Total %
		Amount	%	Amount	%	Amount	%	
1	Construction and Materials	2	25	1	12.5	5	62.5	100
2	Industrial Transportation	1	25	1	25	2	50	100
3	Food Producers	1	25	1	25	2	50	100
4	Forestry and Paper	-	0	2	66.67	1	33.33	100
5	Industrial Engineering	1	50	-	0	1	50	100
6	Real Estate Investment and services	-	0	1	50	1	50	100
7	Food Staplers Retailing	-	0	-	0	1	100	100
8	Industrial Metals and Mining	-	0	-	0	1	100	100
Total Companies		5	20	6	24	14	56	25

Table 5 shows number of companies classified at each sector and zone. The result indicate that most of the companies are in distress zone, there are 14 companies with 56 % over total sample, followed by grey zone and safe zone with 6 and 5 companies. The percentage prediction on grey zone is 24 % while safe zone was only consist of 20 %. This shows proportion of low performance of the sectors which classified at distress zone. Food staplers retailing sector and industrial metals and mining sector has 100 % of its companies under distress zone, followed by construction and materials sector by 62.50 %. On the other hand, under the grey zone, forestry and paper place the most company by 66.67 %, followed by real estate investment and services sector which is 50 %. Furthermore, industrial engineering sector are most company by 50 % overall on safe zone.

Ranking of Average Sector's Z-Score

The illustration of the Z-Score for each sector for 6 years period, Average Z-Score for each industry was obtained to calculate the average Z-Score from 2006 to 2010 on each sector. The data was show at appendix. Average Z-Score for 5 years period and ranking on each sector was shows at table 6.

Table 6: Average Sector's Z-Score

Sector	Average Z-Score					Average	Rank
	2006	2007	2008	2009	2010		
Industrial Transportation	4.04	3.90	3.04	3.47	3.00	3.49	1
Industrial Engineering	2.35	3.09	2.23	3.89	3.89	3.09	2
Forestry and Paper	4.34	2.79	1.37	1.38	1.65	2.31	3
Food Producers	1.74	2.36	2.32	2.26	2.47	2.23	4
Construction and Materials	1.80	2.05	1.49	1.82	1.96	1.82	5
Food and Staplers Reatiling	1.30	1.13	1.30	1.47	1.39	1.32	6
Real Estate Investment and Services	0.81	0.91	1.12	1.84	1.02	1.14	7
Industrial Metals and Mining	0.94	1.11	1.12	0.90	1.11	1.04	8

Observing the finding by Z-Score on each sector, table above shows the illustration of average Z-Score for each sector for 5 years period. On average, it shows industrial transportation sector and industrial engineering sector have highest Z-Score with an average 3.49 and 3.09 (safe zone), whereas the lowest average of Z-Score are real estate investment and service sector and industrial metals and mining sector with an average 1.14 and 1.04. The trend of the Z-Score on most of the sectors was decrease on 2008 which is industrial transportation section, industrial engineering sector, forestry and paper sector, food producers sector and construction and materials sector. This is because there are global financial crisis at 2008. On 2009, some of the sector was start to recovery from the crisis and it can show on the increase Z-Score on 2009.

Conclusion

Altman Z-Score Models of corporate failure prediction for companies in Sarawak was successfully developed in this study. Besides that, Altman Z-Score Models also identify the probability of financial ratio in Altman Z-Score Models can predict the probability bankruptcy of public listed companies in Sarawak.

This prediction result was in line with Altman (1968). The model was tested to predict the corporate failure prediction of public listed companies. This model show 56 % of the listed companies classified as distress companies which also known as likely to fail companies. This high percentage of corporate failure prediction showed and investigation on company's failure prediction is a useful tool for financial analysts and managers. On the other hand, there are 24 % and 20 % of listed companies are classified as safe and grey zone. Altman (1968) indicate grey zone as 'zone of ignorance'. Firm which categories in this area was known as firms share distress and non-distress characteristics of financial and need to beware of the financial status before it is too late for remedial action. However, safe zone showed that companies are classified as not likely to

fail companies. The percentage of failure makes the investigation and prediction of company failure is a useful tool for financial managers and analysts since there are so valuable for predict on corporate failure.

Christopoulos et al. (2009) state that Altman Z-Score Models are useful in predicts corporate failure because it matches on accounting and market value data. Besides that, Altman Z-Score was successful predict the financial distress companies such as Swee Joo Berhad as financial distress companies from 2006 to 2010, the companies was classified as PN 17 Company at 30 August 2010 and officially delisted at 26 September 2011. In addition, Ngiu Kee Corporation (M) Berhad known as financial distress companies also successful classified as distress zone from 2006 to 2010. According to Bursa Malaysia (2011), Ngiu Kee Corporation (M) Berhad was classified as PN 17 Company at 1 July 2010.

According to Zulkarnain (2006), symptoms of distress were existence before Global Financial Crisis on 2008, hence we can conclude that if financial distress symptoms have been detected earlier, the impact of financial crisis can be minimal and corporate can saved from bailing as financial distress firms.

References:

1. Abbas, Q., & Rashid, A. (2011). Predicting bankruptcy in Pakistan. *Theoretical and Applied Economics*, XVIII(9 (562)), 103-128.
2. Abor, J., & Appiah, K. O. (2009). Predicting corporate failure: Some empirical evidence from the UK. *Benchmarking: An International Journal*, 16(3), 432-444.
3. Adiana, H. A. N. (2008). Predicting corporate failure of Malaysia's listed companies: Comparing Multiple Discriminant Analysis, Logistic Regression and the Hazard model. *International Research Journal of Financial and Economics* (15), 201-217
4. Adibah, W. I. W., Adzrin, R. A. R., Annuar, K. K., & Rusliza, Y. (2005). Corporate failure prediction: An investigation of PN4 companies. *National Accounting Research Journal*.
5. Alkhatib, K. (2011). Predicting corporate bankruptcy of Jordanian listed companies: Using Altman and Kida models. *International Journal of Business and Management*, 6(3), 208-215.
6. Allen, F., Brealey, R. A., & Myers, S. C. (2008). *Principles of Corporate Finance* (9th ed.). Singapore: The McGraw-Hill Companies.
7. Altman, E. I. (1968). Financial Ratios, Discriminant analysis and the prediction of corporate bankruptcy. *The Journal of Finance*, 23(4), 589-609.
8. Andreev, Y. A. (2006). *Predicting financial distress: A multinomial Logistic approach to Spanish firms*. Autonomous University of Barcelona, Bellaterra.
9. Aziz, M. A., & Dar, H. A. (2006). *Predicting corporate bankruptcy: Whither do we stand?*, Loughborough University, United Kingdom.
10. Bagatiuk, O., & Dzhamalova, V. (2009). *The determinants of bank failure: The evidence from Ukraine and Russia*. Unpublished Master Essay, Lund University.
11. Bandyopadhyay, A. (2006). Predicting probability of default of Indian corporate bonds: Logistic and Z-Score model approach. *The Journal of Risk Finance*, 7(3), 255-272.
12. Beaver, W. H. (1966). Financial ratios as predictors of failure. *Journal of Accounting Research*, 4, 71-111.
13. Bhimani, A., Gulamhussen, M. A., & Lopes, S. D.-R. (2010). Accounting and non-accounting determinants of default: An analysis of privately-held firms. *J. Account. Public Policy*, 29, 517-532.
14. Black, F., & Scholes, M. (1973). The pricing of options and corporate liabilities. *The Journal of Political Economy*, 81(3), 637-654.
15. Blocher, E. J., Ko, L. J., & Lin, P. P. (1999). Prediction of corporate financial distress: An application of the composite rule induction system. *The International Journal of Digital Accounting Research*, 1(1), 69-85.
16. Blums, M. (2003). *D-Score: Bankruptcy prediction model for middle market public firms*. Macalester College.
17. Brabazon, A., & Keenan, P. B. (2004). A hybrid genetic model for the prediction of corporate failure. *Computational Management Science*, 293-310.

18. Brabazon, A., Matthews, R., Neill, M. O., & Ryan, C. (2002). *Grammatical evolution and corporate failure prediction*. University of Limerick, Ireland.
19. Brabazon, A., & Neill, M. O. (2006). *Biologically Inspired Algorithms for Financial Modelling*. New Yorks.
20. Bradley, D. B. I. (2004). Small business: Causes of bankruptcy. 205-219.
21. Bursa Malaysia. (2009). *Bursa Malaysia Securities Berhad*. Retrieved November 7, 2011, from http://www.bursamalaysia.com/website/bm/regulation/rules/listing_requirements/downloads/bm_main_pn29.pdf
22. Bursa Malaysia. (2011). *Company Announcements*. Retrieved December 16, 2011, from http://www.bursamalaysia.com/website/bm/listed_companies/company_announcements/annual_reports/index.jsp
23. Christopoulos, A. G., Gerantonis, N., & Vergos, K. (2009). Can Altman Z-Score Models predict business failures in Greece. *Research Journal of International Studies* (12), 21-28.
24. Chung, K. C., Holdsworth, D. K., & Tan, S. S. (2008). Insolvency prediction model using Multivariate Discriminant Analysis and Artificial Neural Network for the finance industry in New Zealand. *International Journal of Business and Management*, 3(1), 19-29.
25. Dawis, D. S., Hermawan, M. S., & Tirok, J. (2011). The degree of company vulnerability using Altman model: A survey of public listed companies in Indonesia. *Journal of Applied Finance and Accounting*, 2(2), 88-99.
26. Feelders, A. J., & Pompe, P. P. M. (1997). Using machine learning, Neural Networks, and statistics to predict corporate bankruptcy. *Microcomputers in Civil Engineering*, 12, 267-276.
27. Fraser, L., & Ormiston, A. (2001). *Understanding Financial Statement* (9th ed.). New Jersey: Pearson Education.
28. Grice, J. S., & Ingram, R. W. (2001). *Tests of the generalizability of Altman's bankruptcy prediction model*. Troy State University.
29. Guo, W. Y. (2008). *Financial ratios as predictors of failure: Evidence from Hong Kong using Logit Regression*. Rotterdam School of Management.
30. Haniff, M. H. M., Shanmugam, M., Yap, B. C. F., & Yap, J. R. (2011). The predictive abilities of financial ratios in predicting company failure in Malaysia using a Classic Univariate approach. *Australian Journal of Basic and Applied Sciences*, 5(8), 930-938.
31. Hislop, M. (2004). Secondary Data. Retrieved December 12, 2011, from [http://www.forestry.gov.uk/pdf/tboxsecondarydata.pdf/\\$FILE/tboxsecondarydata.pdf](http://www.forestry.gov.uk/pdf/tboxsecondarydata.pdf/$FILE/tboxsecondarydata.pdf)
32. Jacquelyn. (2006). What Do You Know About Bankruptcy. Retrieved November 4, 2011, from <http://kclau.com/wealth-management/bankruptcy/>
33. Khong, R. W. L., Ong, S. W., & Yap, V. C. (2011). Corporate failure prediction: A study of public listed companies in Malaysia. *Managerial Finance*, 37(6), 553-564.
34. Kolodner, J. L. (1992). An introduction to Case-Based Reasoning. *Artificial Intelligence Review*, 6, 3-34.
35. Kpodoh, B. (2009). *Bankruptcy and financial distress prediction in the mobile telecom industry*. Unpublished Master' Degree in Business Administration.
36. Lev, B. (1973). Decomposition measures for financial analysis. *Financial Management*, 56-63.
37. Low, S. W., Nor, F. M., & Yatim, P. (2001). Predicting corporate financial distress using Logit model : The case of Malaysia. *Asian Academy of Management Journal*, 6(1), 49-61.
38. Newton, G. W. (2000). *Bankruptcy and Insolvency Accounting* (6th ed. Vol. II). United States: John Wiley & Sons, Inc.
39. Nolin, K. A., Sundlof, R., & Wikstrom, D. (2009). *Automotive captives a risky business*. Unpublished Master Thesis in Business Administration, Lund University.
40. Odipo, M. K., & Sitati, A. (2010). *Evaluation of applicability of Altman's Revised model in prediction of financial distress: A case of companies quoted in the Nairobi stock exchange*. University of Nairobi.
41. Ohlson, J. A. (1980). Financial ratios and the probabilistic prediction of bankruptcy. *Journal of Accounting Research*, 18(1), 109-131.
42. Page, E. S. (1954). Continuous inspection schemes. *Biometrika*, 41, 110-114.
43. Pawlak, Z. (1982). Rough set. *International Journal of Information and Computer Sciences*, 11(5), 341-356.

44. Poon, W. C., Yap, B. C. F., & Yong, D, G, F., (2010). How well do financial ratios and Multiple Discriminant Analysis predict company failures in Malaysia. *International Research Journal of Financial and Economics*(54), 166-175.

45. Taffler, R. J. (1982). Forecasting company failure in UK using Discriminant Analysis and financial ratio data. *J. R. Statist Soc. A*, 145(3), 342-358.

46. Thai, S. B. (2003). *Predicting corporate failure in Malaysia during financial crisis using Logistic model approach*. Unpublished Degree of Master of Science, Universiti Putra Malaysia.

47. Webmaster. (2008). Bursa PN4 and PN 17 Companies. Retrieved November 4, 2011, from <http://protradeshares.com/bursa-malaysia/25/bursa-pn4-pn17>

48. Wilcox, J. W. (1970). A simple theory of financial ratios as predictors of failure. *Journal of Accounting Research*, 9(2), 389-395.

49. Zulkarnain, M. S. (2006). *Prediction of corporate financial distress: Evidence from Malaysian listed firms during the Asian financial crisis*. Universiti Putra Malaysia, Selangor.

Table 7: Number of Not Likely to Fail Companies

Sr. #	Not Likely to Fail Company	Sector
1.	B.I.G Industries Berhad	Construction and Materials
2.	Bintulu Port Holdings Berhad	Industrial Transportation
3.	BLD Plantation Berhad	Food Producers
4.	CCK Consolidated Holdings Berhad	Food Producers
5.	Cahaya Mata Sarawak Berhad	Construction and Materials
6.	Encorp Berhad	Real Estate Investment and Services
7.	Harbour-Link Group Berhad	Industrial Transportation
8.	Hock Seng Lee Berhad	Construction and Materials
9.	Hubline Berhad	Industrial Transportation
10.	Ibraco Berhad	Real Estate Investment and Services
11.	Jaya Tiasa Holdings Berhad	Forestry and Paper
12.	Kim Hin Industry Berhad	Construction and Materials
13.	KKB Engineering Berhad	Industrial Engineering
14.	Naim Holdings Berhad	Construction and Materials
15.	Quality Concrete Holdings Berhad	Construction and Materials
16.	Rimbunan Sawit Berhad	Food Producers
17.	Sarawak Consolidated Industries Berhad	Construction and Materials
18.	Sarawak Oil Palms Berhad	Food Producers
19.	Subur Tiasa Holdings Berhad	Forestry and Paper
20.	Ta Ann Holdings Berhad	Forestry and Paper
21.	Weida (M) Berhad	Industrial Engineering
22.	Yung Kong Galvanising Industries Berhad	Industrial Metals and Mining
23.	Zecon Berhad	Construction and Materials

Sources: *Bursa Malaysia (2011)*

Table 8: Number of Likely to Fail Companies

Sr. #	Likely to Fail Company	Sector
1.	Ngiu Kee Corporation (M) Berhad	Food and Staples Retailing
2.	Swee Joo Berhad	Industrial Transportation

Sources: *Bursa Malaysia (2011)*

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
 European Researcher
 Has been issued since 2010.
 ISSN 2219-8229
 E-ISSN 2224-0136
 Vol. 91, Is. 2, pp. 127-133, 2015

DOI: 10.13187/er.2015.91.127
www.erjournal.ru

UDC 159.99

Image-Technologies in the Formation of Female Management Style Features

Anar B. Valiyeva

Kazakhstan University for Economics, Finance and International Trade, Kazakhstan
 Astana city, A. Zhubanova street, 7, 010000
 E-mail: valieva.anar@mail.ru

Abstract

This article targets to reveal attractive invariants in female management style. The author researches the styles and strategies of female management based on two main methods: a) the method of lenient interview, used for specifics of female management detection and evaluation of a woman-in-chief themselves, b) questionnaires of a team management and the personnel of the companies about the level of satisfaction with the management and features of the female head.

Keywords: female management; gender politics; attraction; carrier; imageology; image-technologies.

Введение

При проведении как интервью, так и анкетного опроса не акцентировалось внимание на задаче изучения именно женского менеджмента, чтобы не вызвать дополнительных ассоциаций противопоставления, была предложена более нейтральная позиция, при этом респондентам объяснялось, что изучаются технологии управления казахстанскими компаниями на современном этапе.

В процессе интервью диалог концентрировался вокруг четырех основных аспектах: особенности менеджмента на современном этапе; оптимальные стратегии и стили управления, способствующие успеху компании; оценка собственного стиля управления и его успешности для деятельности компании; оценки степени эффективности менеджмента со стороны персонала и управленческой команды.

Анкетный опрос включал в себя оценку уровня удовлетворенности стилем руководства со стороны персонала и команды, оценку образа эффективного менеджера в сопоставлении с качествами реального руководства, оценку распространенности тех или иных технологий в деятельности женщины топ-менеджера.

В выборку исследования, которое проводилось в 2011–2012 гг., вошли 35 женщин-руководителей частных компаний Астаны, в основном обслуживающего профиля (риэлтерские компании, туристские, консалтинговые фирмы, крупные торговые предприятия, в том числе оптовые и др.), с которыми были проведены интервью. Численность персонала в этих организациях составляла от 15 до 87 человек. В 10 компаниях был проведен анкетный опрос членов управленческих команд и персонала. Всего в опросе приняло участие 148 человек – 84 женщины и 64 мужчины. В каждой организации было опрошено от 10 до 18 чел.

Женский менеджмент в Казахстанских компаниях: аттрактивный имидж женщин-руководителей.

Смена экономической формации в Казахстане, стремительное развитие института частной собственности, изменения в политике послужило толчком к формированию новой социальной категории людей, добившихся успехов во многом, благодаря своим личным и профессиональным качествам. Это предприниматели, менеджеры, политические лидеры, активно влияющие на экономические и политические процессы в стране. С появлением представителей новой бизнес-элиты в обществе возрос интерес к проблемам карьерного роста. Успешная социальная реализация отдельных руководителей привлекла общественное внимание к механизмам ее осуществления, так появился социальный заказ на исследования в области психологии управления, разработки моделей успешной самопрезентации личности в рамках психологии имиджа. В ситуации некоторой стабилизации экономики в стране, в условиях перехода системы управления из условий «дикого рынка» к «либеральной стабильности», в бизнес кругах, вновь стали значимы представления о морально-этических ценностях, таких как «безупречная репутация» и «позитивное общественное мнение». На сегодняшний момент в обществе сложились уникальные возможности для всестороннего раскрытия потенциала личности проведения работ по изучению формирования новых имидж-технологий, позволяющих создавать позитивный имидж субъекта, в особенности женщины-руководителя, т.к. вопреки конституционным нормам, провозглашенным нашим обществом. И демографическим изменениям, положение женщины в профессиональной сфере продолжает оставаться приниженом, ущемляющим права женщин на рынке труда, не позволяющим ей осуществлять карьерный рост на равноправных позициях с мужчиной.

Поэтому проблема карьерного роста женщины в целом и позитивного имиджа женщины-руководителя в частности, как фактора, способствующего профессиональному продвижению, является социально-значимой на данном этапе развития современного общества.

По мнению некоторых западных авторов [1] существуют "традиционно женские отрасли": общественное питание, бытовое обслуживание, розничная торговля, гостиничное хозяйство и др. Казахстанские исследователи также склонны утверждать, что отраслевая специфика "женского бизнеса" в условиях Казахстана прослеживается достаточно отчетливо. В промышленности, сельском хозяйстве, оптовой торговле, деятельности по обеспечению функционирования рынка, финансовой сфере доля женщин-предпринимателей составляет от 13 % (в промышленности) до 20 % (финансы). И наиболее активно осваиваются женщинами розничная торговля, общепит, наука, культура, здравоохранение, где доля предпринимательниц составляет от 39 % (в розничной торговле) до 56 % (в науке). Такие выводы согласуются с данными других опросов, что подтверждает их обоснованность [2].

В числе факторов указанной отраслевой специфики, называются причины не только экономического характера. Многие авторы, исследующие данную проблему, склонны отдавать приоритет причинам социально-психологического свойства. Именно они определяют "повышенную проницаемость" бизнеса для женщин в тех сферах, которые требуют в первую очередь терпения, умения договариваться с партнерами, стремления к порядку и "одомашнивания" бизнеса. Однако следует признать. Что по экономическим показателям, а также по численности предприятия, которыми руководят женщины, все таки уступают "мужским". Эта тенденция, впервые выявленная на западных предприятиях, остается значимой и для Казахстана. По оценкам исследователей, этому могут способствовать различные факторы, основными из которых являются следующие: женское предпринимательство сконцентрировано в отраслях, технология которых не предполагает многочисленности работников; женщины-предприниматели более ориентированы на контроль за своим временем, иногда в ущерб росту прибыли, и попытка найти удачный баланс между работой и домом выступает ограничителем расширения масштаба предприятия (причем это не чисто казахстанское явление); скромный размер женского бизнеса во многом определяется "незначительным возрастом" возглавляемых женщинами предприятий. Наиболее интенсивно женщины вторгаются в предпринимательскую деятельность в течение последних двух лет, что связано со значительным снижением

неопределенности "правил игры" бизнес-среды и непредсказуемости последствий участия в ней. Так, по данным анкетного опроса, среди пришедших в бизнес в начале 2000 г. женщины составили более трети (33 %), а в 2011 гг. их доля среди пополнивших руководящий корпус была почти в два раза меньше (17 %).

Однако социально-экономические объяснения данного феномена должны дополняться, на мой взгляд, анализом особенностей женского менеджмента, его технологий, что позволит значительно расширить потенциал объясняющих гипотез за счет социально-психологических, а не только социально-экономических факторов.

Рассмотрим понятие имиджа. В современной науке «имидж» стал предметом социального интереса и научно-психологического исследования в середине 1980-х гг. Возникновению повышенного интереса к проблеме имиджа способствовали изменения социально-экономических условий жизни общества в конце XX века, развитие в стране рыночной экономики, составляющими которой являются конкуренция и борьба за рынки сбыта, что в свою очередь привело к бурному развитию PR-технологий, практического имиджмейкинга, дизайна и других прикладных направлений, связанных с продвижением товаров и услуг в условиях конкуренции.

Практический запрос на разработку проблем имиджа и породил новую науку – «имиджологию», которая возникла на стыке философии, психологии, социологии, политологии, культурологии, экономики, костюмологии, истории и других дисциплин [3].

Предметом имиджологии является «изучение роли и функций имиджей в общественном бытии, их филогенетических и онтогенетических предпосылок, условий, движущих сил и закономерностей формирования, функционирования, управления, а также описание и раскрытие причинно-следственных взаимосвязей между различными имиджами (людей, организаций, общественной и политических движений, товаров, услуг и др. [4]

Многие справочные издания раскрывают содержание понятия имидж, трактуя его как «целенаправленно формируемый образ» [5]; как «сложившийся в массовом сознании и имеющий характер стереотипа эмоционально окрашенный образ» [6]; как «набор определенных качеств, которые люди ассоциируют с определенной индивидуальностью» или как «мысленное представление чего-то ранее видимого конкретного или абстрактного, сильно напоминающего в представлении о другом».

Имидж успешного руководителя в современной социальной психологии рассматривается в рамках психологии управления и анализируется в контексте следующих проблем: формирование имиджа организации; влияние имиджа на деловые отношения, взаимосвязь профессиональных и личностных качеств имиджа руководителя, восприятие управленческой команды, восприятие руководителя, представление об идеальном руководителе, коммуникативные качества руководителей, психологических особенностей личности руководителя, психологических особенностей профессиональной деятельности руководителя, гендерного аспекта в сфере правления, гендерных особенностей поведения, связанных с личностью современного менеджера, вопросов межличностного восприятия в группе, семантики межличностного общения, гендерного и этнического аспекта, психологии лидерства и др.

Имидж руководителя – это «интегральная, индивидуальная характеристика его управленческих (профессиональных) и личностных качеств, которая в виде целостного образа отображается у членов коллектива и других лиц, находящихся в прямом и косвенном взаимодействии» [2].

Обсуждение

Современные исследования В.А. Лабунской, Л.Г. Лаптева, Е.А. Петровой, Е.Б. Перельгиной и т.д. В области имиджологии показывают, что при формировании имиджа нельзя учитывать влияние стереотипов, сформировавшихся в обществе. На современном этапе в обществе достаточно распространенным является мнением о превосходстве мужчины над женщиной. Эта установка возникла достаточно давно. Так например, в книге «Пол и характер», первый перевод которой появился на русском языке в 1912 году, О. Вайнингера, говоря о различиях в психологии мужчин и женщин,

отметил у последних отсутствие ума, характера и воли. Это приводит к тому, что женщина никогда не может понять мужчину, который всем этим обладает».

О «хронической» неизменности стереотипов социальной роли женщины в обществе с традиционным укладом пишет В.А. Лабунская в книге 2001 года «Социальная психология личности в вопросах и ответах» и приводит исторический обзор мнений зарубежных исследователей по данной проблеме. Она говорит, что еще в конце 50-х годов Макки, Шеррифс, О'Лири, указывали, что в рамках традиционной европейской культуры мужской образ характеризуется такими чертами, как: компетентность, рациональность, активность и эффективность, социально неограниченный стиль поведения [7].

Типично женскому образу, напротив, приписываются такие черты, как: эмоциональная поддержка, теплота чувств, высокий уровень эмпатии, направленность на социально-коммуникативные умения. Таким образом, традиционно в целом мужчины имели больше положительных качеств, чем женщины, и при этом успехи мужчин в профессиональной сфере чаще объясняются их способностями, в то время как успехи женщин – случайностями и другими «нестабильными причинами» [8].

Психологами отмечается тот факт, что в консервативном обществе для женщин компетентность в личностном плане оказывается отрицательным качеством. Высококвалифицированные женщины-специалисты не пользуются особым расположением ни женщин, ни мужчин, поскольку это нарушает иерархию взаимоотношений между мужчиной и женщиной и опровергает сложившиеся стереотипы. Данное явление нашло подтверждение в исследованиях Р. Хаген, А. Кан (1975). Они обнаружили, что в условиях, и кооперативного, и соревновательного взаимодействия мужчины и женщины стремятся исключить из своей группы компетентных женщин [9].

Исследования в этой области показывают, что без положительного делового имиджа становится невозможным серьезное карьерное продвижение и приобретение авторитета в деловых кругах. Имидж деловой женщины – это сложное создание неповторимого, органичного, целостного и гибкого образа, постоянное поддерживание внимания к нему. Имидж должен формироваться по двум основным направлениям: 1. Соответствие требованиям канала массовой коммуникации (ТВ, пресса). Это аудио- и визуальная информация: манера одеваться, говорить. Это – прическа, взгляд, поза, жесты, мимика, то есть 69 % информации о человеке, которая не дублируется в словах. 2. Характеристики, которое деловое окружение считает важными, – образ мыслей, интеллект, интересы, ценности, хобби, тезаурус понятий и идей. Это – профессионализм, доверие, авторитет. То есть личностные характеристики, оценивающиеся окружающими позитивно. Удачный деловой имидж влияет не только на восприятие личности деловым окружением, но и на восприятие личности самой себя. Э. Семпсон личностный имидж определяет как сочетание ряда внешних и внутренних факторов, задающих самоимидж, который отражает состояние самоуважения, воспринимаемый имидж, то есть представление окружающих о личности и требуемый имидж, который предполагает соответствие определенным имиджевым характеристикам. Личностный имидж воздействует на личность в той же степени, в какой он воздействует и на окружающих его людей.

Выделяют целый ряд принципов построения делового имиджа. К основным принципам относятся: 1) реалистичная, непредвзятая самооценка; 2) учет ожиданий делового окружения; 3) ясные, четко сформулированные цели; 4) изменение собственного имиджа в сторону большего профессионализма; 5) создание делового имиджа во многих направлениях; 6) соответствие основным параметрам выбранного имиджа.

Гибких творческих технологий в условиях кризиса требуют не только конфликтные ситуации. Важнейшая составляющая профессионализма женщин-лидеров – умение вести переговоры без поражения для себя и для партнеров. "Наши партнеры за столом, как справедливо отмечает одна из руководительниц, – обладают эмоциями, глубокой приверженностью к определенным ценностям, различными взглядами. Более того, они непредсказуемы. Этот факт может быть полезным или разрушительным для переговоров. Все зависит от того, насколько вы умеете его заставить работать на достижение целей".

Выводы

Итак, проведенное исследование позволяет утверждать, что женщины-руководители совсем не стремятся в бизнес-деятельности к повышенной открытости и излишней щедрости, предпочитая более умеренные оценки подобных качеств. Одновременно они демонстрируют высокие этические стандарты, предпочитая “честные” отношения “лживым”. Как следует из полученных результатов, такие личностные качества в картине самооценки, как скромность, честность и приветливость, получили 50 % и более в максимальных оценках (5 баллов). Максимальные оценки были поставлены и таким деловым качествам, как трудолюбие, ответственность и уравновешенность. Наименьшее число максимальных оценок получили: активность, щедрость, доверчивость и открытость. Таким образом, бытующее в массовом сознании представление о том, что женщина – более мягкий и доверчивый менеджер, не подтверждается оценками, которые сами руководительницы дают своим качествам и стилю управления.

И хотя идеальный образ смещен у женщин в сторону гуманного менеджера, собственный стиль управления, который они вынуждены реализовывать в конкретной жизни компании, подобным образом можно охарактеризовать лишь отчасти.

Анкеты, по сути, представляют собой оценочные шкалы, состоящие из 18 парных качеств личности. В левой части содержится негативный набор личностных качеств, справа – позитивный. В задачу респондентов входило оценить степень выраженности названных качеств у успешного менеджера, у себя лично или у руководителя и успешного менеджера в случае, когда его оценивали члены управленческой команды, персонал. Опрошенные проставляли соответствующий балл (от 1 до 5).

Примечания:

1. Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: Социально-психологические проблемы. М.: Изд-во МГУ, 1990. 240 с.
2. Абульханова-Славская К.А. Взаимосвязь профессиональных и личностных качеств имиджа руководителя: дис. ... канд. психол. наук: Казань, 2002. 179 с.
3. Бриджан Е.С. Имидж деловой женщины как фактор карьерного продвижения // «Имиджелогия — 2005»: феноменология, теория, практика: Материалы 2-го Межд. симпозиума по имиджелогии / Под ред. Е.А. Петровой. М.; РИЦ АИМ. М., 2005. С. 251–254.
4. Петрова Е.А. Псиносемиотика предметной среды как фактор формирования персонального имиджа: дис. ... доктора псих. наук: Москва. 2003. 166 с.
5. Прохоров А.М. Советская энциклопедия. М.: 1981. 1600 с.
6. Фридман Л.М. Психологический справочник учителя. М.: Издание Просвещение, 1991. 288 с.
7. Лабунская В.А. Психология затрудненного общения. М.: 2013.
8. Kiesler S.B. Actuarial prejudice towards women and its implication // J. of Appl. Soc. Psychol. 1975. V. 5. P. 98–110.
9. Hagen R.L., Kahn J. Discrimination against competent women // J. of appl. social psychology. 1975. V. 5. № 4. P. 362–376.
10. Миллер В.К. Англо-русский словарь. М.: ОГИЗ, 1948.
11. Борисов Б.Л. Реклама, паблик релейшинз. Алхимия власти. М.: ИНФРА-М, 1998.
12. Браун Л. Имидж — путь к успеху. СПб.: Питер, 2000. 192 с.
13. Вейнингер О. Пол и характер. Принципиальные исследования / Пер. с 10-го нем. изд. С. Пресса / Под ред. А. Грена. 3-е изд. М.: Сфинкс, 1909. 420 с.
14. Быков А.В. Ораторское искусство и пластическая выразительность как средства достижения карьерного роста политика // Имиджелогия — 2004: состояние, направления, проблемы: Материалы 2-го Междунар. симпозиума по имиджелогии / Под ред. Е.А. Петровой. М.: РИЦ АИМ, 2004. 374 с.
15. Веретенникова И.В. Влияние имиджа человека на деловые отношения в организации: дис. ... канд. псих. наук. М., 2001. 125 с.
16. Шкурко Н.М. Значение имиджа для успешного создания карьеры // Имиджелогия — 2004: состояние, направления, проблемы: Материалы 2-го Междунар. симпозиума по имиджелогии / Под ред. Е.А. Петровой. М., 2004. С. 161–164.
17. Современный словарь иностранных слов. М., 1997. 229 с.

18. Стрекалова Н.Д. Социально-психологическая типология активности женщины: дис. ... канд. психол. наук. М., 1999. 179 с.

19. Pheterson G.I., Kiesler S.B., Goldberg P.-A. Evaluation of the performance of women as a function of their sex, achievement and personal history // J. of Pers. and Soc. Psychol. 1971. V. 19. P. 234-241.

References:

1. Ageev B.C. Mezhrupovoe vzaimodeistvie: Sotsial'no-psikhologicheskie problemy. M.: Izd-vo MGU, 1990. 240 s.

2. Abul'khanova-Slavskaya K.A. Vzaimosvyaz' professional'nykh i lichnostnykh kachestv imidzha rukovoditelya: dis. ... kand. psikh. nauk: Kazan', 2002. 179 s.

3. Bridzhan E.S. Imidzh delovoi zhenshchiny kak faktor kar'ernogo prodvizheniya // «Imidzhelogiya — 2005»: fenomenologiya, teoriya, praktika: Materialy 2-go Mezhd. simpoziuma po imidzhelologii / Pod red. E.A. Petrovoi. M.; RITs AIM. M., 2005. S. 251—254.

4. Petrova E.A. Psinosemiotika predmetnoi sredy kak faktor formirovaniya personal'nogo imidzha: dis. ... doktora psikh. nauk: Moskva. 2003. 166 s.

5. Prokhorov A.M. Sovetskaya entsiklopediya. M.: 1981. 1600 s.

6. Fridman L.M. Psikhologicheskii spravochnik uchitelya. M.: Izdanie Prosveshchenie, 1991. 288 s.

7. Labunskaya V.A. Psikhologiya zatrudnennogo obshcheniya. M.: 2013.

8. Kiesler S.B. Actuarial prejudice towards women and its implication // J. of Appl. Soc. Psychol. 1975. V. 5. P. 98—110.

9. Hagen R.L., Kahn L. Discrimination against competent women // J. of appl. social psychology. 1975. V. 5. № 4. P. 362—376.

10. Miller V.K. Anglo-russkii slovar'. M.: OGIZ, 1948.

11. Borisov B.L. Reklama, pablik releishinz. Alkhimiya vlasti. M.: INFRA-M, 1998.

12. Braun L. Imidzh — put' k uspekhu. SPb.: Piter, 2000. 192 s.

13. Veininger O. Pol i kharakter. Printsipial'nye issledovaniya / Per. s 10-go nem. izd. S. Pressa / Pod red. A. Grena. 3-e izd. M.: Sfinks, 1909. 420 s.

14. Bykov A.V. Oratorskoe iskusstvo i plasticheskaya vyrazitel'nost' kak sredstva dostizheniya kar'ernogo rosta politika // Imidzhelogiya — 2004: sostoyanie, napravleniya, problemy: Materialy 2-go Mezhdunar. simpoziuma po imidzhelologii / Pod red. E.A. Petrovoi. M.: RITs AIM, 2004. 374 s.

15. Veretennikova I.V. Vliyanie imidzha cheloveka na delovye otnosheniya v organizatsii: dis. ... kand. psikh. nauk. M., 2001. 125 s.

16. Shkurko N.M. Znachenie imidzha dlya uspeshnogo sozdaniya kar'ery // Imidzhelogiya — 2004: sostoyanie, napravleniya, problemy: Materialy 2-go Mezhdunar. simpoziuma po imidzhelologii / Pod red. E.A. Petrovoi. M., 2004. S. 161—164.

17. Sovremenniy slovar' inostrannykh slov. M., 1997. 229 s.

18. Strekalova N.D. Sotsial'no-psikhologicheskaya tipologiya aktivnosti zhenshchiny: dis. ... kand. psikh. nauk. M., 1999. 179 s.

19. Pheterson G.I., Kiesler S.B., Goldberg P.-A. Evaluation of the performance of women as a function of their sex, achievement and personal history // J. of Pers. and Soc. Psychol. 1971. V. 19. P. 234-241.

УДК 159.99

Имидж-технологии в формировании особенностей стиля женского менеджмента

Анар Бахытжановна Валиева

Казахский университет экономики, финансов и международной торговли, Казахстан
г. Астана, ул. А.Жубанова, 7, 010000

Старший преподаватель

E-mail: valieva.anar@mail.ru

Аннотация. В данной статье автор раскрывает тему имидж-технологий в формировании особенностей стиля именного менеджмента. На сегодняшний момент в обществе сложились уникальные возможности для всестороннего раскрытия потенциала личности при изучении формирования новых имидж-технологий.

Ключевые слова: женский менеджмент; гендерная политика; аттракция; карьерный рост; имиджелогия; имидж-технологии.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
European Researcher
Has been issued since 2010.
ISSN 2219-8229
E-ISSN 2224-0136
Vol. 91, Is. 2, pp. 134-143, 2015

DOI: 10.13187/er.2015.91.134
www.erjournal.ru

Philological sciences

Филологические науки

UDC 81'23:811.111

Development of Concepts of the Category of Time in Linguistics. The Role of the Subjective Factor in the Creation of Linguistic Models of Time

¹ Ella V. Nesterik

² Aigerim A. Mukhataeva

¹ Karaganda State University named after E.A.Buketov, Kazakhstan
Mukanov street 1a, Karaganda city, Karagandinskaya Oblast, 100026
PhD (philology), Assistant Professor
E-mail: ella_nesterik@mail.ru

² Karaganda State University named after E.A.Buketov, Kazakhstan
Mukanov street 1a, Karaganda city, Karagandinskaya Oblast, 100026
Master's Degree Student (foreign philology)
E-mail: mukhataeva1011@mail.ru

Abstract

This article provides an overview of the development of concepts of time in linguistics from the end of the XIX th century to the present day, during which the role of the subjective factor in their growth is revealed. The article attempts to answer the questions, what time is reflected in linguistic time, what role is played by the subjective (human) factor in the creation of linguistic models of time.

Keywords: Category of time; linguistic conceptions of time; grammatical category of time; category of temporality; linguistic time: subjective factor, human factor.

Введение

Языковое время, как и время философское, весьма многообразно. Познавая окружающий и собственный внутренний мир, человек осваивает все новые аспекты бытия и вместе с тем все новые аспекты времени, т.к. «время представляет собой общий кадр, в котором имеет место бытие и всякое бытие может переходить во время и время может переходить в различные формы бытия» [1, 124]. Результаты человеческого познания аккумулируются в языке, постепенно складываясь в своеобразную картину мира, сотканную из различных представлений, когда-либо существовавших и ныне существующих. В языковой картине мира время занимает «определенное нозетическое поле», иначе называемое семантическим пространством времени [1, 122]. Это поле характеризуется многообразием своих компонентов, причем как внешним, так и внутренним – разнообразием средств выражения темпоральности и выражаемым с их помощью

многообразием времен. Как отмечает Н.К.Рябцева, «концепт времени неоднороден. В нем содержатся представления, принадлежащие разным мирам – физическому, духовному, обыденному, научному, вербальному, акциональному» [2, 78].

Изучение концепта времени (под концептом в данной работе понимается многомерное культурно-значимое ментальное образование [3; 4]), его роли в формировании языковой картины мира началось сравнительно недавно – в 90-х годах XX-го века. До тех пор же лингвистические исследования времени замыкались главным образом на времени глагола.

Цель данной работы – проследить развитие представлений о времени в лингвистике с конца позапрошлого века и до наших дней и выявить роль субъективного фактора в их становлении.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили труды таких видных лингвистов, как А.М. Пешковский, О. Есперсен, А.И. Смирницкий, Л.С. Бархударов, А.В. Бондарко, В.Н. Телия, А. Вежбицкая, Н.Д. Арутюнова, В.Г. Гак, Е.С. Яковлева и другие.

Цель исследования достигается индуктивным, гипотетико-дедуктивным и описательным методами, а также методом систематизации и классификации материала.

Обсуждение

В разные периоды развития языковедческой науки категория глагольного времени трактовалась то как субъективная категория сознания, то как воплощение физического и философского времен.

Первое характерно для русской лингвистической традиции XIX – начала XX-го веков. В большинстве грамматических учений, созданных в этот период, время русского глагола выступает как некая субъективно-психологическая сущность. Так, согласно А.М. Пешковскому, «говорящий при помощи категории времени определяет отношение времени действия ко времени своей собственной речи» [5, 79]. Время речи по Пешковскому есть момент речевого сознания, т.е. время, представляемое говорящим субъективно [5, 79]. Категория времени соответственно трактуется как отражение субъективного представления о соотношении момента речи и момента мыслимого действия.

Результатом субъективно-психологического толкования категории глагольного времени явилась «абстрактная схема трех времен» – настоящего, прошедшего и будущего. Эта схема, по мнению В.В. Виноградова, не могла в полной мере отразить специфику времен русского глагола, т.к. в ней не принимались в расчет живые глагольные формы во всем многообразии их функций и значений [6, 441].

Последние начинают активно изучаться лишь в 60-70-е годы XX-го века, что приводит к расширению системы грамматических времен и созданию новых грамматических теорий. Отличительной чертой лингвистических концепций времени второй половины XX-го столетия является то, что в них настойчиво подчеркивается объективный характер глагольных времен: «Лингвистическим аспектом категории времени, или лингвистическим временем (= темпоральностью), мы называем всю совокупность способов выражения средствами языка сущности физического и философского аспектов рассматриваемой категории» [7, 111].

Стремление максимально объективизировать язык и особенно грамматическую систему языка приводит некоторых исследователей к мысли о том, что общепринятая трактовка глагольного времени как грамматической категории, определяющей время событий по отношению к моменту речи, противоречит представлению о времени как об объективном явлении. В частности, Н.С.Поспелов высказывает мнение, что в основе подобных толкований грамматической категории времени лежит идеалистическое понимание этой категории, т.к. они апеллируют не к обобщенному значению высказывания, а к его конкретному психологическому содержанию [Цит. по: 8, 75]. Согласно его учению, грамматическое глагольное время представляет собой зеркальное воспроизведение реальных временных отношений и как таковое «непосредственно включает глагольное действие в реальную действительность» [8, 75].

Однако даже в том случае, когда признается, что языковое время не является прямым отражением времени философского, объективный характер грамматического времени не

подвергается сомнению. Так, у А.И.Смирницкого читаем: «Ясно, что тот или иной прием отсчета и обозначения времени и философское понимание самого существа времени – две принципиально различные вещи. То, что время того или другого события или процесса грамматически обозначается в языке (посредством глагольных временных форм) по отношению к моменту данной речи, никак не предопределяет философскую концепцию времени как такового и нисколько не препятствует тому, чтобы обозначаемое таким образом время материалистически понималось как действительное, объективно, независимо от нашего сознания, существующее время» [9, 330]. Аналогичную точку зрения высказывают лингвисты, признающие зависимость времени в языке от восприятия объективного времени говорящим. «Момент речи, – пишет Г.М.Милейковская, – субъективен лишь постольку, поскольку он немыслим вне индивидуальных актов общения; во всем остальном момент речи объективен, и установление его в языке происходит на объективных основаниях» [8, 76].

Объективизируется и «абстрактная схема трех времен». По мнению Б.Л. Уорфа, она является лишь частью более широкой схемы объективизации мира средствами языка [10, 148-149]. Он утверждает, что трехвременная система глагола есть результат объективизированного представления о времени как о некоем ряде или точках на линии – настоящем, прошедшем и будущем [10, 148-149]. (Ср. у О. Есперсена: «Без сомнения, мы вынуждены (исходя из самого существа времени или, во всяком случае, по необходимости нашего мышления) представлять себе дело так, что время имеет только одно измерение и, таким образом, может быть представлено в виде прямой линии» [11, 300].)

В то же время, данное представление не является отражением философского времени. Скорее наоборот, то или иное философское понимание времени возникает под влиянием времени языкового [10, 159-160].

Изучение «живых» глагольных форм приводит исследователей к двум важнейшим выводам: 1) о тесной связи категории времени с категориями вида и наклонения; 2) о взаимодействии различных средств выражения временных отношений в языке и речи.

Важность первого вывода заключается в том, что обнаружение связи между временем и видом, с одной стороны, и временем и наклонением, с другой, позволяло объяснить способность временных глагольных форм передавать разнообразные аспектуальные и модальные оттенки значений. Как известно, именно эта особенность глагольных форм времени – способность сочетать в себе значения различных категорий – нередко побуждала ученых исключать эти формы из категории времени и относить их либо к категории наклонения, либо к категории вида.

Так, к примеру, аналитические формы английского глагола, обозначающие действия в процессе их осуществления в настоящем, прошедшем и будущем, большинством исследователей определяются как чисто видовые (длительный вид [9; 12], демонстрирующий [13], прогрессив [14; 15], продолженный вид [16], вид развития [17]), а конструкция *shall/will* + инфинитив, употребляемая для обозначения будущих действий, нередко трактуется как средство выражения модальных значений [11, 304-308, 328-329].

Другой причиной неоднозначного истолкования одних и тех же форм глагола явилось общепринятое понимание грамматической категории как системы противопоставленных друг другу форм или значений. [18, 82; 19, 127]. В рассматриваемый период (60-70-е годы XX-го века) и в более позднее время принцип оппозиции или противопоставления составлял основу выявления и описания фактов языка. Все, что выходило за рамки оппозитивных отношений, не имело права на существование не только в грамматическом строе языка, но и в рамках всей языковой системы. «Основной принцип существования чего бы то ни было в рамках языка – это принцип противопоставления; нечто существует в языке лишь в той мере, в какой оно противопоставляется чему-то другому, связанному с ним, но отличному от него» [20, 144]. Принцип противопоставления в грамматике допускает соединение различных категорий в одной грамматической форме [9, 9]. Поэтому наличие тесной связи между временем и видом, а также временем и наклонением не является уже достаточным основанием для исключения тех или иных глагольных форм из грамматической категории времени. Существует, однако, другая проблема: наряду со значениями различных категорий формы глагола способны выражать различные значения одной грамматической категории, а это противоречит пониманию грамматической категории как системы взаимоисключающих грамматических форм. Исходя из этого,

Л.С. Бархударов и А.И. Смирницкий исключали форму будущего времени из категории времени, а форму перфекта из категории вида, т.к. будущее может выражаться в глаголе одновременно с прошедшим (форма будущего в прошедшем), а перфект одновременно с континуумом (форма длительного перфекта) [21; 9].

В последние десятилетия прошлого века в языкознании намечаются новые подходы к изучению и описанию грамматических явлений языка. В частности, А.В. Бондарко выдвигает концепцию, согласно которой отношение оппозиции между членами грамматической категории не является единственно возможным. Существенную роль в организации грамматических категорий может играть отношение иного рода – отношение неопозитивного различия [22, 17]. Разграничение отношений оппозиции и неопозитивного различия связано с признанием структурного многообразия в грамматической системе языка. Последнее в свою очередь обусловлено существованием языковых структур, выходящих за пределы оппозитивных отношений. Концепция А.В. Бондарко основана на принципе естественной классификации. Этот же принцип лег в основу его определения грамматического строя языка: «Грамматический строй языка трактуется как естественная система, характеризующаяся многообразными отношениями ее компонентов» [22, 27].

Признание структурного многообразия в грамматике разрешало многие проблемы, связанные с толкованием различных категорий, в том числе и грамматической категории времени. Изучение реального многообразия языковых структур приводило исследователей к выводу о том, что грамматические категории входят в более широкие структурные образования. Выявлением и описанием этих образований занимается функциональная грамматика. Предмет функциональной грамматики – грамматический строй языка, однако, в отличие от грамматики традиционной, функциональная грамматика изучает этот строй «в системе его функций, в его функционировании при взаимодействии с элементами окружающей среды» [23, 565]. Вступая во взаимодействие с единицами различных уровней, грамматические единицы образуют более широкие структуры, чем грамматические категории – категории более высокого ранга. В функциональной грамматике для их обозначения используется термин «функционально-семантическая категория» [24, 18]. Правда этот термин нередко заменяется другим – «функционально-семантическое поле», т.к. считается, что обсуждаемые категории обладают полевой структурой [24, 18]. Функционально-семантическая категория (или функционально-семантическое поле) – это система разноуровневых средств языка (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических и т.п.), «взаимодействующих на основе общности их функций, базирующихся на определенной семантической категории» [23, 566-567]. Под последней подразумевается определенное общее понятие, например, понятие времени, объединяющее разноуровневые элементы в единую систему – функционально-семантическое поле темпоральности.

Таким образом, вывод о взаимодействии различных средств выражения времени в языке и речи принадлежит функциональной грамматике. Этот вывод представляется еще более важным, чем первый: обнаружение тесной взаимосвязи между разноуровневыми средствами языка, служащими для передачи временных отношений, стало возможным благодаря привлечению широкого языкового материала, а это в свою очередь означало выход за рамки грамматической категории времени, трансформацию проблемы глагольного времени в проблему языкового времени.

Одновременно с этим происходит переосмысление вопроса о соотношении объективного и лингвистического времени. Точнее изменяется сама формулировка этого вопроса – отражением какого времени является языковое время, какую роль играет субъективный фактор (фактор человека) в формировании языкового времени? В советской лингвистической литературе подобные вопросы решались однозначно – время в языке есть ничто иное, как специфическое отражение объективно существующего времени. Фактор человека исключался из грамматического строя языка, да и в целом в языке признавался только как второстепенный, зависимый от объективных факторов. Объяснялось это тем, что большинство теорий языка строилось в то время на основе широко распространенного марксистского учения о соотношении объективного и субъективного миров. Суть его довольно хорошо изложена в монографии Г.В. Колшанского «Объективная картина мира в

познании и языке»: «Идеальный мир человека является в соответствии с марксистским положением вторичным миром, а, следовательно, не самостоятельным, зависимым от материального и порождаемым этим материальным миром...Объективность двух миров – объективного и субъективного, человеческого и внечеловеческого – не снимается ни при каких условиях, и только единственный вопрос – вопрос об отображаемости первичного мира во вторичном является принципиальным и существенным для жизнедеятельности человека» [25, 11-14]. При таком истолковании идеального мира человека поиски человеческого фактора в языке теряли всякий смысл: «исследование языка, как бы оно ни было нацелено на собственно человека, рассматриваемого в сфере его духовной деятельности, не может дать основание для разграничения двух миров – оно может лишь открыть в языке человека – со всеми его индивидуальными и родовыми качествами – сам мир» [25, 17]. Таким образом, весь субъективный характер языка заключается лишь в том, что он «выражает человеческий мир как форму отражения объективного мира» [25, 26].

Лингвистическая наука так долго занималась поисками в языке того, что «является принципиальным и существенным для жизнедеятельности человека», т.е. поисками объективного мира в языке, что упустила из вида самое главное – «человек остается человеком только благодаря языку» [26, 313], т.к. язык «является неотъемлемой, сущностной характеристикой человека, отличающей его от всего окружающего мира» [27, 6]. И дело здесь не только в том, что человек в отличие от всех других живых существ владеет языком. В языке наиболее ярко и полно проявляется другое уникальное свойство человека – когнитивная способность, т.е. способность к познанию и преобразованию себя и окружающего мира. Являясь непосредственным участником процесса освоения действительности, язык отображает существующие в ней предметы и явления, но в то же время, «будучи одним из основных атрибутов человека, естественно, не может не отражать в своей системе антропологических «следов»» [28, 58]. Обнаружение этих «следов» в системе отражаемых в познании и языке объектов является не менее принципиальным и существенным для жизнедеятельности человека, чем выявление закономерностей внечеловеческого мира. Ведь когнитивная способность человека во многом, если не во всем, определяется его способностью к познанию своей специфики, обнаружению своего сущностного я: «У я как сущности идеальной есть одна главная функция – быть субъектом познания (чувственного, рационального, эмпирического и теоретического). Сам процесс познания возможен лишь при условии неизменности сущностного я, его устойчивости при постоянных изменениях внешнего мира, при условии сохранения тождества я человека самому себе, своему самосознанию» [28, 59]. Очевидно, что язык как неотъемлемая часть когнитивного процесса и как сущностное свойство человека не может выражать человеческий мир лишь как форму отражения объективного мира. В первую очередь, он призван отражать сущностное я познающего субъекта, его специфику, человеческую природу, осознание которых позволяет ему выделить себя из разряда всех других живых существ, противопоставить свое я окружающему миру. Самопознание или осознание себя как я происходит опосредованно, через концептуализацию и категоризацию непосредственно воспринимаемой окружающей среды [28, 64]. Иначе говоря, внутренний мир человека моделируется по образу и подобию внешнего мира. Однако отправной точкой этого процесса, впрочем, как и всей познавательной деятельности в целом, является не объективная действительность, а сам человек как познающий и самопознающий субъект. Антропоцентризм познания проявляется прежде всего в том, что «человек может представить нечто в мире как соизмеримое с его возможностями восприятия и ценностной ориентации» [29]. Иначе эту способность человека называют антропометричность. В свою очередь, язык как непосредственный участник когнитивного процесса не может не отображать антропоцентризм последнего и тем самым сам становится антропоцентричным. Этим объясняется общепризнанный сегодня факт, что «язык не передает мир непосредственно: он отражает концептуализацию мира человеком, то есть обыденные, или, как говорят лингвисты, наивные представления человека о мире» [30, 189]. Таким образом, человек остается человеком благодаря тому, что «существует язык как абсолютное проявление человеческой когнитивной способности» [31]. Язык же остается языком человека благодаря тому, что человек запечатлел в его структуре свою специфику, т.е. специфику субъекта знания/познания. Человек занимает центральное место в языковой

картине мира и им определяется «палитра красок», которыми эта картина пишется [31]. Эта мысль проходит красной нитью через все исследования последних десятилетий XX-го века, в том числе исследования, посвященные языковому времени.

Современная лингвистика рассматривает время в неразрывной связи с человеком. «Фактор времени... – указывает Н.Д. Арутюнова, – играет важнейшую роль в создании модели человека, а фактор человека – в моделировании времени» [32, 52]. Как известно, многие предлоги и союзы времени восходят к пространственным словам, а пространственные предлоги, союзы и конструкции нередко в качестве вторичной функции выражают временные отношения. Основу данного языкового факта составляет субъективный фактор, а именно особенности восприятия пространства и времени человеком: «...пространственные отношения более просты для восприятия, чем временные. Пространство связано с сосуществованием элементов действительности, время – с последовательностью и сменой состояний. Для осознания пространственных связей достаточно непосредственного восприятия устанавливающего их лица. Для осознания же временных отношений человеку необходимо пережить или отметить в наблюдаемом объекте смену ряда состояний, что, разумеется, сложнее» [33, 6-7].

Субъективное можно проследить во внешней и во внутренней структурах семантического поля времени. Во внутренней структуре поля различают внешнее (когда?) и внутреннее (как?) время процесса [34, 122-123]. При этом отмечается, что репрезентанты внутреннего времени (глаголы, наречия, категория вида) склонны к выражению оценочных значений [34, 123]. Причиной тому служит заинтересованность человека в быстром или медленном протекании внутреннего времени процесса: «Время получает оценку в связи с действиями субъекта и состоянием окружающей среды» [34, 129].

Внешняя структура поля времени определяется его связями с другими семантическими полями [34, 123]. Так, на примере слова *время* В.Г. Гаку констатирует связь понятия времени с такими понятиями, как движение, пространство, занятие, человек, становление, исчезновение, действие, обладание, пора, отрезок времени, эпоха, погода, ритм, скорость, предмет и т.д. [34, 123] В.А. Плуныян считает, что время чаще всего связывают лишь с пятью понятиями: путник (движение по В.Г. Гаку), агрессор (исчезновение), субстанция, контейнер (занятие), имущество (обладание) [35, 161]. Несомненно одно: слово *время*, как и само понятие времени, это слово-хамелеон: «его сущность определяется не тем, к какому классу оно может относиться, а тем, что оно может в каждом из своих употреблений напоминать носителю языка» [35, 161].

Можно предложить еще одно сравнение, с так называемыми именами чувств. Словесный образ чувства, как известно, возникает на основе ряда образов-понятий, несовместимых с точки зрения естественных законов мира. Эмоции ассоциируются с веществами, природными стихиями, живыми существами. При этом, как отмечает Н.Д. Арутюнова, «создается подчиненный особой логике мир души» [36, 108]. Время, несмотря на принадлежность объективному, материальному миру, не является материальным. Мы не можем видеть, слышать, осязать и обонять его, не можем представлять его, как представляем какое-то конкретное явление или предмет. Но у нас есть чувство времени. Порожденное природными циклами, изменениями внешнего мира, это чувство, тем не менее, принадлежит психическому миру человека. Мы переживаем время так же, как переживаем различные психические состояния. Именно это свойство времени, его переживаемость, оправдывает утверждение: «Нет времени вне человека» [34, 124]. Логично, следовательно, предположить, что моделирование времени в сознании и языке аналогично моделированию психических явлений, что выбор средств для передачи времени и чувств диктуется одним и тем же рядом образов-понятий. Иначе говоря, существенную роль в формировании языкового времени играет антропометричность.

На антропометрическом принципе основаны метафоры, связанные со словами *утро*, *день*, *вечер*, *весна*, *лето* *осень*. *Утро* и *весна* в метафорическом употреблении обозначают молодость, *день* и *лето* – зрелость, *вечер* же и *осень* отсылают к старости [37]. Антропометричность выражается здесь в том, что «извечный «сценарий» [38, 45], представленный в смене времен года и смене дня и ночи, переносится на преходящее – человеческую жизнь. Аналогичным образом могут употребляться названия небесных тел и их перемещений – *на заре юности, на закате дней; Его звезда закатилась; Он находится*

в зените славы и т. п. [28]. Лексемы *час*, *минута* и *мгновение*, как правило, используются для фиксации психических событий. При этом каждая из них «обслуживает» лишь одну из сфер психического мира – *час* отвечает за духовное (*час мужества*), *минута* связана с душевным (*минута слабости*), *мгновения* притягивают эмоциональное (*веселья миг*) [39]. Важно отметить, что в таком употреблении слов времени прослеживается не просто связь моделей времени и жизни, а наложение моделей жизни (в том числе и психической) на модели времени. Положение о том, что «жизнь протекает во времени и подчинена его законам» справедливо только в отношении объективно, независимо от нашего сознания, существующего времени. Время, облаченное в языковую плоть, перестает быть независимым. Человек посредством языка навязывает времени себя, втягивает его в свое существование, заставляет жить по человеческим законам.

Подтверждением тому служит тот факт, что человеческое обнаруживается не только в темпоральной лексике, но и в «обесчеловеченной» традиционной грамматикой грамматической категории времени. Наиболее субъективным из трех выделяемых в грамматике времен – настоящего, прошедшего и будущего – принято считать настоящее время. Это естественно, ведь сообщаемое в форме настоящего является «актуальным, значимым для участников речевого акта, для их жизненной практики, как-то затрагивает их жизненные интересы или эмоции, представляет для них определенный интерес – это то, к чему они лично причастны» [27, 231]. Само членение времен глагола на настоящее, прошедшее и будущее основано на субъективном факторе. Согласно Н.Д. Арутюновой, представление о времени как о потоке, расчлененном «точкою присутствия», т.е. настоящим, на прошлое и будущее вытекает из главного условия, определяющего место человека в мире: «С прошлым человек связан памятью, сожалениями и раскаянием, опытом и знанием фактов. К будущему отнесены желания и надежды, страхи и предчувствия, планы и замыслы. С растяжимой («бегущей») точкой настоящего человек связан непосредственными ощущениями: восприятием и чувствованием. Настоящего как бы нет, но только в нем возможны прямые контакты с действительностью. Только в настоящем человек «присутствует» в мире» [32, 52]. Д.Б. Никуличева отмечает, что метафоризация времени (лексическая и грамматическая) как линии, разделенной на временные интервалы, сочетается с представлением событий прошлого как находящихся сзади или удаляющихся от наблюдателя, а будущих событий как расположенных перед наблюдающим субъектом или приближающихся к нему: англ. *the past*, русск. *впередь, приближаются экзамены, годы проходят* [40, 9-12].

Наконец, субъективный фактор можно обнаружить в связи грамматического времени с категориями наклонения и вида. А.В.Бондарко полагает, что эта связь, а также вытекающие из нее трудности в истолковании одних и тех же форм глагола указывают на наличие модально-темпоральных и аспектуально-темпоральных связей в данном языке [24, 28]. Модальность, как известно, проявляется прежде всего как выражение отношения человека к высказываемому факту [25, 91]. Благодаря аспектуальности ситуация распределяется во времени: может быть сжата, растянута, повторена и т.д. [41, 201]. Вступая во взаимодействие с указанными категориями в языке и речи, темпоральность приобретает человеческий характер, т.к. передает не временные отношения как таковые, а то, как эти отношения организованы в сознании людей: «Для нас гораздо важнее ощущение времени и собственное внутреннее отношение к нему, чем осознание времени как физической ньютоновской длительности, для нас более существенны наполненность времени событиями и качество времени, чем его естественный ход. Для человека время не течет равномерно и отмеренно – оно замедляет свой бег или вообще останавливается, когда ждешь, оно всегда убыстряется, когда куда-то спешишь. Приходится принимать время таким, каким оно дано каждому из нас, – с его нехватками, длиннотами, с его относительностью и ненадежностью» [42, 139].

Выводы

Вышеперечисленное позволяет сделать следующий вывод: наличие тесных модально-темпоральных и аспектуально-темпоральных связей в языке обусловлено тем фактом, что модели времени, существующие в сознании его носителей, носят ярко выраженный субъективно-психологический характер. Последний, в свою очередь, объясняется тем, что

«человек как мыслящее и чувствующее существо определяет время по отношению к самому себе» [43, 30].

Примечания:

1. Гак В.Г. Пространство времени // Логический анализ языка. Язык и время. М.: Индрик, 1997. С. 122-130.
2. Рябцева Н.К. Аксиологические модели времени // Логический анализ языка. Язык и время. М.: Индрик, 1997. С. 78-95.
3. Карасик В.И. Субкатегориальный кластер темпоральности (к характеристике языковых концептов), 1997 // <http://www.vspu.ru>
4. Воркачев С. Г. Концепт как «зонтиковый термин», 2001 // <http://kubstu.ru>
5. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1935. 452 с.
6. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учеб. пособие для вузов / Отв. ред. Г.А. Золотова 3-е изд., испр. М.: Высш. шк., 1986. 640 с.
7. Дешериева Т.И. Лингвистический аспект категории времени в его отношении к физическому и философскому аспектам // Вопросы языкознания. 1975. № 2. С. 111-117.
8. Милейковская Г.М. О соотношении объективного и грамматического времени // Вопросы языкознания. 1956. № 5. С. 75-79.
9. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. М., 1959. 440 с.
10. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып. 1. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. С. 135-168.
11. Есперсен О. Философия грамматики. Изд. 2-е, стереотипное. Пер. с англ. / Общ. ред. и предисловие Б.А. Ильиша. М.: Едиториал УРСС, 2002. 408 с.
12. Curme G.O. A Grammar of the English Language // Хрестоматия по теоретической грамматике английского языка. Иофик Л.Л., Чахоян Л.П. Л.: Просвещение, 1967. С. 66-68.
13. Воронцова Г.Н. Очерки по грамматике английского языка. М.: Изд-во литер. на иностр. яз., 1960. 399 с.
14. Joos M. The English verb. – The University of Wisconsin, 1964. 251 p.
15. Palmer F.R. A linguistic study of the English verb. London, 1965. 199 p.
16. Бархударов Л.С. К вопросу о бинарности оппозиций и симметрии грамматических систем (На материале глагола в английском и французском языках) // Вопросы языкознания. 1966. № 4. С. 97-110.
17. Блох М.Я. Теоретическая грамматика английского языка: Учеб. 3-е изд., испр. М.: Высш. шк., 2000. 381 с. (на англ. яз.)
18. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики: Учеб. 3-е изд., испр. М.: Высш. шк., 2002. 160 с.
19. Маслов Ю.С. Введение в языкознание: Учебник для филол. спец. вузов. 3-е изд., испр. М.: Высшая школа, 1998. 272 с.: ил.
20. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. Учебное пособие для студентов филол. специальностей пед. ин-тов. Изд. 2-е, перераб. М.: Просвещение, 1975. 271 с.
21. Бархударов Л.С. Очерки по морфологии современного английского языка: Учеб. пособие для студентов ин-тов и фак-тов иностр. яз. М.: Высш. шк., 1975. 156 с.
22. Бондарко А.В. О структуре грамматических категорий (Отношения оппозиции и неопозитивного различия) // Вопросы языкознания. 1981. № 6. С. 17-28.
23. Бондарко А.В. Функциональная грамматика // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 565-566.
24. Бондарко А.В. К проблематике функционально-семантических категорий (Глагольный вид и «аспектуальность» в русском языке) // Вопросы языкознания. 1967. № 2. С. 18-31.
25. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: Едиториал УРСС, 2005. 128 с.
26. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / Пер. с нем. Г.В. Рамшивили. М.: Прогресс, 1984. 397 с.
27. Штелинг Д.А. Грамматическая семантика английского языка. Фактор человека в языке: Учебное пособие. М.: МГИМО, ЧеРо, 1996. 254 с.
28. Гуреев В.А. Языковой эгоцентризм в новых парадигмах знания // Вопросы языкознания. 2004. № 2. С. 57-67.
29. Телия В.Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира, 1988 // <http://www.nspu.net>
30. Вежбицкая Анна. Семантика, культура и познание: общечеловеческие понятия в культурораспецифичных контекстах // THESIS, 1993, вып.3. С. 185-206.
31. Кравченко А.В. Человек, язык, среда (к обоснованию холизма как метода гуманитарной науки), 2005 // <http://www.russian.slavika.org>
32. Арутюнова Н.Д. Время: модели и метафоры // Логический анализ языка. Язык и время. М.: Индрик, 1997. С. 51-61.
33. Гак В.Г. Функционально-семантическое поле предикатов локализации // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб.: Наука, 1996. С. 6-26.
34. Гак В.Г. Пространство времени // Логический анализ языка. Язык и время. М.: Индрик, 1997. С. 122-130.
35. Плуноян В.А. Время и времена: к вопросу о категории числа // Логический анализ языка. Язык и время. М.: Индрик, 1997. С. 158-169.

36. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы). М.: Едиториал УРСС, 2003. 384 с.
37. Зализняк Анна А. Шмелев А.Д. Время суток и виды деятельности // Логический анализ языка. Язык и время. М.: Индрик, 1997. С. 229-240.
38. Яковлева Е.С. Время и пора в оппозиции линейного и циклического времени // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 45-51.
39. Яковлева Е.С. Час в системе русских названий времени // Логический анализ языка. Язык и время. М.: Индрик, 1997. С. 267-280.
40. Никуличева Д.Б. О грамматических оппозициях в связи с организацией когнитивных представлений времени в германских языках // Теория и история германских и романских языков в современной высшей школе России. Выпуск пятый. Калуга, 2005. С. 7-21.
41. Рахилина Е.В. О старом: аспектуальные характеристики предметных имен // Логический анализ языка. Язык и время. М.: Индрик, 1997. С. 201-217.
42. Крейдлин Г.Е. Время сквозь призму временных предлогов // Логический анализ языка. Язык и время. М.: Индрик, 1997. С. 139-151.
43. Селиванова Е.Е. Футурум в английском языке: понятийная категория и ее языковая репрезентация // Вестник МГЛУ. Выпуск 460. Грамматические средства выражения когнитивно-функциональной семантики. М., 2001. С. 29-49.

References

- Gak V.G. Prostranstvo vremeni // Logicheskii analiz yazyka. Yazyk i vremya. M.: Indrik, 1997. S. 122-130.
- Ryabtseva N.K. Aksiologicheskie modeli vremeni // Logicheskii analiz yazyka. Yazyk i vremya. M.: Indrik, 1997. S. 78-95.
- Karasik V.I. Subkategorial'nyi klaster temporal'nosti (k kharakteristike yazykovykh kontseptov), 1997 // <http://www.vspu.ru>
- Vorkachev S. G. Kontsept kak «zontikovyi termin», 2001 // <http://kubstu.ru>
- Peshkovskii A.M. Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii. M.: Uchpedgiz, 1935. 452 s.
- Vinogradov V.V. Russkii yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove): Ucheb. posobie dlya vuzov / Otv. red. G.A. Zolotova 3-e izd., ispr. M.: Vyssh. shk., 1986. 640 s.
- Desherieva T.I. Lingvisticheskii aspekt kategorii vremeni v ego otnoshenii k fizicheskomu i filosofskomu aspektam // Voprosy yazykoznaniiya. 1975. № 2. S. 111-117.
- Mileikovskaya G.M. O sootnoshenii ob"ektivnogo i grammaticheskogo vremeni // Voprosy yazykoznaniiya. 1956. № 5. S. 75-79.
- Smirnitiskii A.I. Morfologiya angliiskogo yazyka. M., 1959. 440 s.
- Uorf B.L. Otnoshenie norm povedeniya i myshleniya k yazyku // Novoe v lingvistike. Vyp. 1. M.: Izd-vo inostr. lit-ry, 1960. S. 135-168.
- Espersen O. Filosofiya grammatiki. Izd. 2-e, stereotipnoe. Per. s angl. / Obshch. red. i predislovie B.A. Il'isha. M.: Editorial URSS, 2002. 408 s.
- Curme G.O. A Grammar of the English Language // Khrestomatiya po teoreticheskoi grammatike angliiskogo yazyka. Iofik L.L., Chakhoyan L.P. L.: Prosveshchenie, 1967. S. 66-68.
- Vorontsova G.N. Ocherki po grammatike angliiskogo yazyka. M.: Izd-vo liter. na inostr. yaz., 1960. 399 s.
- Joos M. The English verb. – The University of Wisconsin, 1964. 251 p.
- Palmer F.R. A linguistic study of the English verb. London, 1965. 199 p.
- Barkhudarov L.S. K voprosu o binarnosti oppozitsii i simmetrii grammaticheskikh sistem (Na materiale glagola v angliiskom i frantsuzskom yazykakh) // Voprosy yazykoznaniiya. 1966. № 4. S. 97-110.
- Blokh M.Ya. Teoreticheskaya grammatika angliiskogo yazyka: Ucheb. 3-e izd., ispr. M.: Vyssh. shk., 2000. 381 s. (na angl. yaz.)
- Blokh M.Ya. Teoreticheskie osnovy grammatiki: Ucheb. 3-e izd., ispr. M.: Vyssh. shk., 2002. 160 s.
- Maslov Yu.S. Vvedenie v yazykoznanie: Ucheb. dlya filol. spets. vuzov. 3-e izd., ispr. M.: Vysshaya shkola, 1998. 272 s.: il.
- Stepanov Yu.S. Osnovy obshchego yazykoznaniiya. Uchebnoe posobie dlya studentov filol. spetsial'nostei ped. in-tov. Izd. 2-e, pererab. M.: Prosveshchenie, 1975. 271 s.
- Barkhudarov L.S. Ocherki po morfologii sovremennogo angliiskogo yazyka: Ucheb. posobie dlya studentov in-tov i fak-tov inostr. yaz. M.: Vyssh. shk., 1975. 156 s.
- Bondarko A.V. O strukture grammaticheskikh kategorii (Otnosheniya oppozitsii i neoppozitivnogo razlichiiya) // Voprosy yazykoznaniiya. 1981. № 6. S. 17-28.
- Bondarko A.V. Funktsional'naya grammatika // Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'. M.: Sov. entsiklopediya, 1990. S. 565-566.
- Bondarko A.V. K problematike funktsional'no-semanticheskikh kategorii (Glagol'nyi vid i "aspektual'nost'" v russkom yazyke) // Voprosy yazykoznaniiya. 1967. № 2. S. 18-31.
- Kolshanskii G.V. Ob"ektivnaya kartina mira v poznanii i yazyke. M.: Editorial URSS, 2005. 128 s.
- Gumbol'dt V. Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu / Per. s nem. G.V. Ramshivili. M.: Progress, 1984. 397 s.

27. Shteling D.A. Grammaticheskaya semantika angliiskogo yazyka. Faktor cheloveka v yazyke: Uchebnoe posobie. M.: MGIMO, CheRo, 1996. 254 s.
28. Gureev V.A. Yazykovoi egotsentrizm v novykh paradigmatkhn znaniya // Voprosy yazykoznaniiya. 2004. № 2. S. 57-67.
29. Teliya V.N. Metaforizatsiya i ee rol' v sozdanii yazykovoi kartiny mira, 1988 // <http://www.nspu.net>
30. Vezhbitskaya Anna. Semantika, kul'tura i poznanie: obshchechelovecheskie ponyatiya v kul'turospetsifichnykh kontekstakh//THESIS, 1993, vyp.3. S. 185-206.
31. Kravchenko A.V. Chelovek, yazyk, sreda (k obosnovaniyu kholizma kak metoda gumanitarnoi nauki), 2005 // <http://www.russian.slavika.org>
32. Arutyunova N.D. Vremya: modeli i metafory // Logicheskii analiz yazyka. Yazyk i vremya. M.: Indrik, 1997. S. 51-61.
33. Gak V.G. Funktsional'no-semanticheskoe pole predikatov lokalizatsii // Teoriya funktsional'noi grammatiki. Lokativnost'. Bytiinost'. Possessivnost'. Obuslovlennost'. SPb.: Nauka, 1996. S. 6-26.
34. Gak V.G. Prostranstvo vremeni // Logicheskii analiz yazyka. Yazyk i vremya. M.: Indrik, 1997. S. 122-130.
35. Plungyan V.A. Vremya i vremena: k voprosu o kategorii chisla // Logicheskii analiz yazyka. Yazyk i vremya. M.: Indrik, 1997. S. 158-169.
36. Arutyunova N.D. Predlozhenie i ego smysl (logiko-semanticheskie problemy). M.: Editorial URSS, 2003. 384 s.
37. Zaliznyak Anna A. Shmelev A.D. Vremya sutok i vidy deyatel'nosti // Logicheskii analiz yazyka. Yazyk i vremya. M.: Indrik, 1997. S. 229-240.
38. Yakovleva E.S. Vremya i pora v oppozitsii lineinogo i tsiklicheskogo vremeni // Logicheskii analiz yazyka. Kul'turnye kontsepty. M.: Nauka, 1991. S. 45-51.
39. Yakovleva E.S. Chas v sisteme russkikh nazvanii vremeni // Logicheskii analiz yazyka. Yazyk i vremya. M.: Indrik, 1997. S. 267-280.
40. Nikulicheva D.B. O grammaticheskikh oppozitsiyakh v svyazi s organizatsiei kognitivnykh predstavlenii vremeni v germanskikh yazykakh // Teoriya i istoriya germanskikh i romanskikh yazykov v sovremennoi vysshei shkole Rossii. Vypusk pyaty. Kaluga, 2005. S. 7-21.
41. Rakhilina E.V. O starom: aspektual'nye kharakteristiki predmetnykh imen // Logicheskii analiz yazyka. Yazyk i vremya. M.: Indrik, 1997. S. 201-217.
42. Kreidlin G.E. Vremya skvoz' prizmu vremennykh predlogov // Logicheskii analiz yazyka. Yazyk i vremya. M.: Indrik, 1997. S. 139-151.
43. Selivanova E.E. Futurum v angliiskom yazyke: ponyatiinaya kategoriya i ee yazykovaya reprezentatsiya // Vestnik MGLU. Vypusk 460. Grammaticheskie sredstva vyrazheniya kognitivno-funktsional'noi semantiki. M., 2001. S. 29-49.

УДК 81'23:811.111

Развитие представлений о категории времени в лингвистике. Роль субъективного фактора в создании языковых моделей времени

¹ Нестерик Элла Владимировна
² Мухатаева Айгерим

¹ Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова, Казахстан
Кандидат филологических наук, доцент
E-mail: ella_nesterik@mail.ru

² Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова, Казахстан
E-mail: mukhataeva1011@mail.ru

Аннотация. Данная статья представляет собой обзор развития представлений о времени в лингвистике с конца позапрошлого века и до наших дней, в ходе которого выявляется роль субъективного фактора в их становлении. В статье делается попытка ответить на вопросы, отражением какого времени является языковое время, какую роль играет субъективный фактор (фактор человека) в создании языковых моделей времени.

Ключевые слова: Категория времени; лингвистические концепции времени; грамматическая категория времени; категория темпоральности; языковое время, субъективный фактор, фактор человека.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
European Researcher
Has been issued since 2010.
ISSN 2219-8229
E-ISSN 2224-0136
Vol. 91, Is. 2, pp. 144-154, 2015

DOI: 10.13187/er.2015.91.144
www.erjournal.ru

Political sciences

Политические науки

UDC 32

Changing Roles and Responsibilities of Woman in Politics in Southeastern Anatolia

¹Nurlana Jalil

²Filiz Katman

¹Istanbul Aydin University, Turkey
Political Science and International Relations, Social Sciences Institute

²Istanbul Aydin University, Turkey
Department of Political Science and International Relations, Faculty of Economics and
Administrative Sciences
Assist. Prof. Dr.

Abstract

This article is aimed at investigating the importance of Kurdish women's place and role in politics. The political activeness of Kurdish women, which became an important part of the reviving Kurdish political movement during the Republic period – in particular during the 1970s – has become more pronounced since 1980. Within the framework of these developments, the reasons and factors, which have changed Kurdish women, shaped their role and built a new identity for them, as well as the contribution of those women to the reformation, revival and development of their nation, will be investigated in this research. This article will assess women's contribution to the Kurdish political movement while exploring the way women have changed and the new dimensions of relationships between individuals in the Kurdish community, by bringing clarification to the social development, change and the current status of Kurdish women.

Keywords: Kurdish woman; Kurdish movement; New identity; Kurdish feminism; Free woman; Republic of Turkey.

Introduction

In the period since the end of the twentieth century, women's movements have been quickly developing, organizing and strengthening, and in so doing have been putting forward an alternative to the patriarchal management system that exists throughout the world. Although possessing the potential to influence the way the social order is formed (but still not achieving the expected outcomes), these activities have been subject to many political and academic studies. This study explores the social and political activity of Kurdish women that has emerged over the last 30 years in Turkey, and is based on both ethnic identity and gender.

The current Kurdish problem is perceived from different points of view: a problem of ethnic identity, an economic problem, terror, separatism or a national problem. The aim of this article is not to study the core reasons of the Kurdish problem. Nevertheless, the reasons behind the politicization of Kurdish women will necessitate investigating the core reasons of the conflict and looking into its causal factors. There are also some feminist elements in the ideological basis of the Kurdish movement, and these strategies influence the position of women in society and shape their collective power. The successful incorporation of women in mass into politics is one of the main features of the Kurdish political movement in the post -1980 periods.

Overtime, Kurdish women have become the most influential part of the movement. They initially started by taking roles in the political party establishments and street demonstrations then in the armed struggle. Although it is argued that Kurdish women engage in political struggle for reasons of ethnic identity, in reality, they struggle not due to being left behind, but in order to change their oppressed role in society. Even today, young Kurdish women who cannot get out of their homes due to the strict control of other family members join political parties and participate in street demonstrations very easily as a way of fighting for identity and gender equality in society.

In written and visual sources found in the public sphere, women with colorful and bright dresses symbolize the Kurdish culture, while women in front of prisons are characterized as symbols of *victimization and demand for rights* (Caglayan, 2012), women in military uniforms are represented as *signs of salvation*. As a very important component of the struggle for the recognition of ethnic identity and a mechanism that allows for new practices, *de-genderizing* has strengthened the Kurdish political ideology and covered both sides of the society by ensuring the involvement of both sexes.

Today, total politicization and representation of Kurdish women in all fields of Kurdish political struggle is the main issue. Through their activeness, women establish and run their own trade unions, political parties, media organizations, magazines and newspapers, while contributing to different activities within and outside of the country. Either active or backstage (there is no passive one) activities of women at all age groups - children, young adults, adults and the elderly - have reached a level that cannot be ignored. Various sides perceive the situation differently; either as a revival, a rise of awareness, an emancipation and livening-up, or as having fallen victim to propaganda, exploitation and abuse of women's power.

Considering that the East part of Turkey suffers from economic and social underdevelopment in comparison with other parts of land, it is captivating how the masses have managed to change and mobilize. Besides symbolizing identity (consciously or unconsciously), the participation of Kurdish women in the struggle – as a result of being touched by the situation from the male perspective (father, spouse, brother, relatives, etc.) – in the Kurdish political struggle comprises the emotional aspect of the issue.

Relevant books, academic papers, studies and experimental data that have been looked through discuss these cases. Nonetheless, it is necessary to consider the questions that trigger this opinion: The underlying question is whether emotional reasons are a satisfactory trigger for the mobilization of a strong army of women. In order to find out the other underlying reasons for and factors of the politicization of women, answers to the following questions have been provided in this study:

- What is the policy for women in the Kurdish political movement and political parties?
- Which factors have had an impact on the mobilization of women in legal Kurdish political parties and Kurdish illegal movements, such as the PKK, which is internationally recognized as a terror organization?

Gender policy of kurdish official political parties

"[...] Kurdish youth should understand that women and family are issues of existence and life. Above all, the ways of raising the femininity of "Kurdishness" should be investigated. It is very well known that clever and wise mothers are as essential as food. [...]" Ergani Madenli Y.C., Roj-i Kurd, 12 September 1913

The above text is taken from an article published under the title of *"The issue of Women in Kurds"* in the journal *Roj-i Kurd* by *Ergani Madenli Y.C.* from 12 September 1913. Although there is no clear evidence as to how influential this article was at the time, it calls for women in the current Kurdish movement to mobilize, be they Kurdish women from rural or urban areas.

Although Kurdish women's need for power in this struggle is perceived as strengthening the ideological and ethnic struggle, in fact, it is related to the fact that women are the main carriers of ethnicity, language and culture in Kurdish society.

What makes the situation different is the change of methods and roles (from invisible to visible), which thus become influential by adapting to the conditions and criteria of the modern struggles. Indeed, even before the emergence of the Kurdish political movement, the Kurdish woman was an important actor, yet one lacking mass visibility in public and social life. They have taken part in the struggle as individuals and fought for the survival of their ethnicity and culture both biologically and culturally by keeping their identities and cultures alive (in particular the language).

The Kurdish political movement and revival of its feminist movement have led Kurdish women out of a passive, restricted, oppressed, and deprived situation similar to enslavement. The leaders of the movement have understood the benefits of this development for Kurdish people as a whole, and have thus, set about promoting this ideology. In this manner, after 1980, as it was before it, the position of women in the society has developed as an indicator of the socio-political situation of the Kurds (Caglayan, 2013: 87).

Caglayan explains that, while before 1980 Kurdish women were a symbol of "separate" and "civilized" nation, it was in the post-1980 period that an image of "free, strong and leader" Kurdish women were developed. At first there was the image of Kurdish women as "slaves" and "depressed", who characterized the Kurdish nation of the time. Afterwards, an image of free Kurdish women emancipating their nation was promoted in the agenda (Caglayan, 2013: 87). At this point criteria were brought into politics that would strengthen the identity, and in particular the movement.

In the Kurdish movement today, freedom and equality are the cornerstones of women's liberation ideology (10th Congress of the Movement, 26 August 2008). Especially since the 1990s, there has been a distinct proliferation of political parties, organizations and trade unions built upon these criteria, as well as books and research defending and promoting these values. Today, there is almost, no single political party or organization that contributes to the Kurdish struggle but does not engage in anti-sexism, or promote libertarian and egalitarian principles. In order to investigate the issue in detail, it is useful to analyze the issue of women in legal Kurdish political parties (an organization which reflect the spirit of people, understanding them and thus, ruling) involved in Turkish politics. Indeed, the women policy in the charter and programs of the political parties mentioned below have developed overtime, and with each step the policy has become more and more comprehensive.

Support to women in the programs of the banned Kurdish political parties (HEP, DEP, HADEP, DEHAP) is conventional. But the issue was dealt with more effectively by the BDP. In fact, until the BDP, other Kurdish political parties set the basis of the current activeness of Kurdish women as well as contributing to the popularization and comprehensiveness of the women issue by considering it in a conventional dimension.

It can be considered that the Kurdish movement either directly or indirectly affected the gender composition, institutional basis and formation of the policies of political parties established in the 1990s such as HEP, DEP and HADEP (Caglayan, 2013: 129). As mentioned above, although the banned political parties had a women policy, none of them were active in this issue, and it never appeared as one of their major strategic concerns. This was due to the conditions under which they operated and restrictions they faced.

On the issue of women in charters and the programs of political parties regarding women (both in legal political parties and in terms of the identity of women politicians), Caglayan (2013) finds that the attitude of the HEP towards women's rights in its 64-page party program was summed up over just a single paragraph:

"Schooling ignoring the equality women and men and excluding women from social life will be prevented, rules against the equality of women and men will be eliminated from laws, economic,

* HEP – HalkınEmekPartisi – People's Labor Party; 1990-1993

DEP – DemokrasiPartisi – Democracy Party; 1991-1994

HADEP – HalkınDemokrasiPartisi – People's Democracy Party; 1994-2003

DEHAP – Democratic People's Party; 1997-2005

social, cultural and legal measures will be taken to ensure the equality of women and men in all ways of social life” (HEP: 1992:53).

All those mentioned in this paragraph can be defended in the program and charter of every party that bears secular, liberal, socialist, etc. values. If that is indeed the case, then there is nothing specific that addresses the politicization and mobilization of Kurdish women. But in the new period, it is one of the first steps towards the exacerbation of the women issue. Classically speaking, DEP is on a similar track as the HEP, and yet DEP covered the issue of women in its program in a more comprehensive way.

“Formal or informal gender discrimination and violation of human rights is a serious problem for democracy. Laws will be redesigned in order to ensure the equality of women and men and their equal participation in all ways of social life, all ideological and social barriers will be cleared. In the work life, women will be protected from repression and exploitation.” (DEP, 1993a:11, Caglayan: 2013)

The text taken from HEP’s program defends the basic principles of self-expression, finance, employment and education, all of which ensure the position of women society. However, DEP elaborated on these in great detail in its program:

- Gender inequality was taken hand-in-hand with human rights. (Caglayan, 2013: 130)
- The equality of women and men is not a generalization here; the emphasis was made on the amendments of law providing the equality of women with men.
- By paying close attention, it is possible to see that equality is not horizontal (equality of women and men) but vertical (equality of women with men); equality is emphasized and in terms of gender-equality nothing is mentioned in regard to the protection of men (and there is no need for this).

Thus it is not just for general reasons, but also for the development of the situation of women, for which the amendments of laws are being considered, which are emphasized.

The question of female labor, (i.e. the employment of women whose care work goes unnoticed), is defended in the public sphere. At this point, DEP reflected one of the three strategies prescribed by *Simone De Beauvoir – a feminist writer* in her work on the topic of “how women can overcome being the second sex” - “the employment of women in the public sphere” in its program (Beauvoir: 1970, Sasman: 2007).

In HADEP's program, the women policy was moved from the section of social policies to the section on democratization. Despite having almost the same characteristics as the DEP, the sentence stating, “maternity institution - a “social and natural responsibility” will be taken under protection” carries special importance (HADEP, 1994:12). Although mothers who lost their children in the armed struggle were also paid special attention to in the program, women were considered as an important instrument in the formation of the nation in their potential roles of mother. Considering women policy in a philosophical and romantic way, DEHAP defended Kurdish women as below:

“[...] Today’s world is the product of a history in which women have not taken part but have been excluded and silenced... it does not find solutions to the problems of humanity. Equality while ignoring half of the society is not true equality, democracies where women are not represented with their differences are incomplete democracies” (DEHAP, 2003: 18-19) (Caglayan, 2013:136)

The women policies of banned political parties, all of which supplemented each other, were developed more and more while being inherited from one to another. Consequently, all were re-shaped in BDP’s program, which included its own amendments and additions.

BDP describes itself as a party that is based on the values of the times of democratic civilizations: i.e. libertarian, egalitarian, a defender of justice, pacifist, pluralist, participatory; a party that considers the difference of wealth in society and rejects all kind of discrimination; one that is focused on humanity and society, that embraces horizontal and vertical democratic functioning based on dialogue and re-conciliation; that defends internal democratic functioning with resoluteness, that understands peaceful and democratic politics as essential, adopts global values and defends novelty; sees the freedom of human in gender equality, aims to build a democratic-ecological society, libertarian and egalitarian leftist mass-based party (BDP’s Charter: Description of Party, Article 2) and one that is represented in the Grand National Assembly of Turkey.

BDP deploys 40% of the gender quota based on both sexes in its selection of candidates for general and local elections, as well as any kind of party structures. The added value of the party's gender quota and the most important feature is the application of positive gender discrimination at all levels. If one of two candidates with the same amount of votes is a woman, then, preference is given to her (BDP Charter. The Functioning Principles of Party: Article 4, g).

Provision of this opportunity is one of the strategic details mobilizing, motivating and accelerating the politicization of women. BDP has been represented with 29 among 548 deputies in the 24th term Turkish Grand National Assembly (TBMM). According to gender, while 46 out of 327 deputies of the Justice and Development Party (AKP), 19 out of 134 deputies of the Republican People's Party (CHP), 3 out of 52 deputies of the Nationalist Movement Party (MHP), 2 out of 6 independent deputies are women, BDP are represented in the TBMM with 9 women deputies out of 29 deputies in total (TBMM). In terms of share, the proportion of women in the parliament is as below in the Table 1:

Table 1. The Distribution of Deputies of the Grand National Assembly of Turkey 2014

Name of the Party	Women		Men		Total
	In actual	In percentage	In actual	In percentage	
AKP	46	14.06%	281	85.93%	327
CHP	19	14.17%	115	85.82%	134
MHP	3	5.76%	49	94.23%	52
BDP	9	31.03%	20	68.96%	29
Independent	2	33.33%	4	68.66%	6
Total	79	14.41%	469	85.58%	548

Source: TBMM

Women are represented in the party structures and boards of BDP as well as in local (Town and District Women Assemblies) and central organizations (Central Women Assembly) and in Party Groups (BDP Charter: Structure of Organization, Article 15). Including legal budget support, 15% of the income at town, district and provincial levels is directed to women assemblies. (BDP Charter: Budget and Final Accounts, Article 108). However, the most surprising issue is that, in defense of women's rights in civil law emerging from the principle of gender equality marriages, more than one at a time resulted in the cancellation of membership (BDP Charter: Terms and Conditions of Membership, Article 5)

Kurdish woman in political life

The Kurdish woman has been a part of politics throughout every period of Kurdish history, but her participation has been partly visible and often absolutely invisible. She has not always been active in social and political life; her place has been at home, caring for children and speaking Kurdish to them. The measures of her political visibility, and the number of female politicians, have been limited but she has become a powerful influence on society. The Kurdolog Bruinnessen (2001) defined this period as "From Adela Khanum to Leyla Zana" and emphasized that there was a political participation of Kurdish woman and that over time this has changed the methodology and strategy of political life.

The invisible political participation of Kurdish woman was massive and effective. These aspects created new challenges for women who take on both an invisible and visible role in political life. Other instances of invisible activity developed as well, such as having an influence on decision-making in family, or latent dominating of mothers, mothers of husbands and grandmothers, which could be accepted as the domestic hegemony of woman. Unfortunately, this power was a part of man's hegemony and in reality those women made contributions to tribal and unjust systems. They were not free, and nothing occurred of their own free will when they ruled. This system made known the notion of the "male woman." However the participation of Kurdish women in political life can be distinguished in two different aspects: *legal participation and illegal participation*.

- **Legal participation** covers the participation in legal political Kurdish parties, in parliament, and in other political organizations, which are officially recognized by the Turkish government and State.

Example: For the first time in Kurdish history a woman represented a political party in the Turkish parliament when Leyla Zana, who was the first female member of the legal party DHP, was elected in the parliamentary elections of 1991. Thus began the new era of Kurdish women in political life. She was one of the politicized women who had been educated and took on political responsibility and participated in political activity after the arrestment of her man.

- **Illegal participation** is being a member of the PKK and of other institutions related to the PKK, such as the Woman's Liberation Party – PAJK (Partiya Azadiya Jinên Kurdistanê), media and non-governmental organizations (NGOs) etc.

Example: Both kinds of female participation began with the establishment of the largest Kurdish Movement. During the establishment of the party some women decided to participate. One of the five founders was Sakine Cansiz, who was killed with two Kurdish activists on 9 of January 2013 in Paris. She was the only female founder that was active for the PKK in Europe. Over the followed pages this case will be analyzed in detail and will be fleshed out in order to develop further questions about the legal and illegal representation of women in political life, in parties, parliament, movements, media, NGOs and the army.

Kurdish woman in political parties

The political experiences of Kurdish women in political parties began with those of Leyla Zana, who was the first Kurdish female politician. She founded the Democracy Party (DEP), which were a continuation of the HEP and the first female parliamentary member of Kurdish opposition in TBMM in 1991. But Leyla Zana could not stay in TBMM and did not realize her mandate over the course of 5 years. Her speech in the Kurdish language while swearing in for the TBMM was considered an illegal felony and it led to her imprisonment for 15 years. She was re-elected as an independent member from Diyarbakir but was supported by the BDP in 2011. Kurdish parties were not represented in TBMM from 1991 till 2007.

Since 2007, the Kurdish parties have been more powerful and active, with significant achievements regarding ethnic and religious questions in Turkey, as well as questions of democracy. Participation in these parties, which were continuations of each other, increased year by year. Social activity in political parties was a new challenge for Kurdish woman. Political parties ensured the socializing of Kurdish women on a massive scale.

The table below shows some research results of Caglayan (2013) into the scores of female relations with the political party HADEP. Caglayan analyzed the participation by comparing the age, educated situation and profession in the party, as well as taking into account obstacles and other problems for activity in the party. According to Caglayan's research (2013:256) it is women over the age of 41 who make up the largest part of HADEP membership. However, membership is very low in the age bracket from 36-41. Table 2 shows the following:

Table 2. Age groups of female party members

Age groups of female party members	
Age	%
18-23	13.5
24-29	14.8
30-35	19.9
36-41	14
41- +	37.8
Total	100

Source: Çağlayan, Handan. **Kürt Kadınların Penceresinden**, İstanbul, İletişim Yayıncılık, 2013.

The educational situation of female members is also interesting. Table 3 shows how the education level with regards education in Turkish in South-East Turkey is particularly low:

Table 3. Educational situation of female party members

Educational situation of female party members	
Education	%
Illiterate	8.2
Able to write and read	15.8
Primary school	64.7
Secondary school	4
High school	7.3
Total	100

Source: Çağlayan, Handan. **Kürt Kadınların Penceresinden**, İstanbul, İletişim Yayıncılık, 2013

From the tables given above one can imagine the educational level of female party members in a party. But there is a question: firstly how are the female members of these parties represented, and secondly, women from which professions make the greatest contribution to the party's activity? (Table 4). It is important to bear in mind that the typical place of the Kurdish woman was the home, until the end of the 90s.

Table 4. Professions in the party's activities

Professions in the party's activities		
Professions	Frequency	%
Member of neighborhood commission	4	3.3
Member of woman division in districts	20	16.4
Member of woman division in city	59	48.4
Member of Board	28	23.0
Member of Central woman division	5	4.1
Member of council of municipalities	2	1.6

Source: Çağlayan, Handan. **Kürt Kadınların Penceresinden**, İstanbul, İletişim Yayıncılık, 2013

For Kurdish women, being able to actively participate and mobilize in large numbers over social and political issues (with the support of the new Kurdish ideology) is a great victory, especially considering that this is in spite of restrictions from the tribal system. Indeed, the problem of political activation of women has been solved, but there are still restrictions from family members and other members of kin. In Table 5, given below, Çağlayan argued the situation of women in the HADEP party with regards these restrictions:

Table 5. Restrictions from people

Restrictions from people		
Who	Frequency	%
Father	9	7.4
Mother	5	4.1
Husband	2	1.6
Brothers and sisters	1	0.8
Kin	4	3.3

Source: Çağlayan, Handan. **Kürt Kadınların Penceresinden**, İstanbul, İletişim Yayıncılık, 2013

Today, the Kurdish party BDP has 44.156 members and a considerable assembly of women. BDP organized 2 women's congresses. The last women's congress was held in April 2013, in which 10.000 women from different regions of Turkey took part. The women involved consider the 21st Century as women's century and they work strongly on woman issues and develop strategies for party policy on women. In the local elections in 2014, BDP declared its quota of women from the districts.

Kurdish woman in Turkish parliament

Historically, the first experiences of Kurdish woman in Parliament began with Leyla Zana's win of the 1991 parliamentary election. This was groundbreaking development for the Kurdish opposition in Turkey. The women are represented not only in the parties, demonstrations and protests, but also in the parliament. Women's political activity has experienced a wave of popularity, stemming from the legitimization of female political activity, which led to a new beginning of political mobilization of Kurdish women.

However, in 1991 there was only one female Kurdish parliamentarian, and it was only after sixteen years that the Kurdish community was able to win in the elections and enter the Turkish parliament as BDP. The number of female Kurdish parliamentarians was eight persons. In total there have been (since the last period) 12 female parliamentarians in the Turkish National Grand Assemblée.

These women are ethnic Kurds and Zazas. The education level and social experiences and engagement of these female parliamentarians vary, but their point of focus and connection is in their grasp of the concept. The main point is that some of these female parliamentarians have experienced arrestment or punishment regarding their judgment over issues related to separatism or terrorism. Additionally, several of their activities are heavily criticized and some of them have become topics for discussion in the media and state institutions. A relevant case in point is the example of *Kisanak*, *Tugluk* and *Tuncel* with regards to a meeting with PKK members in the Shemdinli – Derecik region (10/2012).

Kurdish woman in socio-political movements

The movements can be defined as a union of supporters in pursuit of a common goal and common interests. The movements were often the first step of the political parties. Some movements were so strong that they developed into political parties. Movements are also a political and social platform for Kurdish women to claim their own targets, to protest and to make demands.

In this part two popular movements of Kurdish women will be presented. They are:

- *Saturday's mothers* (Turkish: *Cumartesi anneleri*)
- *Peace's mothers* (Kurdish: *Dayîkên Aşîtyê*, Turkish: *Barış anneleri*)

The concept of the factors of "motherlessness" and political activation bolster each other. Mothers have always held special status in society; the state even provides provisos for the rights of mothers with laws. This is the first incident of women carrying the identity of the mother in action. It is important to bear in mind that motherhood is perceived as an institution in Kurdish society and in the Kurdish movement.

Moreover, these movements cover the political elements and are derived from political concerns. Today, both movements are effective at making contributions, impressing society and challenging the political and social situation. The aim and background of both movements are described in this next section.

Saturday's mothers was established in 1995, inspired by mothers from Argentina, who came together in the *Plaza de Mayo* Square demanding that political groups take action over their sons who had disappeared. Every Saturday, Kurdish mothers went to Galatasaray Square and protested about the disappearance of their sons. Their objectives were to receive a genuine answer from the state about their sons' disappearance.

This movement begun from the initiative of Kurdish women, but it is now presents all over Turkey. The Kurdish men are always the main players in the political struggle against nationalist

strategies and politics, which are direct barriers and have a provocative influence in politics. Junta groups have used this as a means of rejecting the danger that stems from the politicized community.

Peace mothers is an initiative founded by those mothers whose children died in the mountains while taking part in military operations, and who were the victims of this struggle. The aim of Peace mothers is to promote peace between all ethnic groups in Turkey, especially between the Kurds and the Turks. This civil rights movement was established in 1999 and is still active today. Peace mothers now include mothers whose children died in military operations in the mountains, as well as those whose children serve or served in the Turkish army.

Dongu Engin became a member of Peace mothers after she lost her daughter and son in the mountains. Her other son is a soldier in Turkish Army. This speaks of an inherent conflict by which members of her own family have to fight each other.

JINELOJI – WOMANOLOGY; Woman Sciences of Kurdish Feminism

The feminist ideology in the Kurdish movement has been developing over a period of 90 years. But it is some books and articles (of Kurdish politicians, researchers, activists, lawyers etc.), which have clear feminist approaches, which have brought women's policy to the mainstream of Kurdish policy. The comparisons of "women and the motherland" or "free women and a free country" were the first triggers leading to the mobilization of Kurdish women and Kurdish society.

The idea of these feminist approaches, based on woman policy, was discussed for the first time in the first woman congress in Iraq in the year 1993. It was a highly complicated case for male members of Kurdish movement. Members of a feudal and tribal system were not ready for it but they had to make an effort to understand it, in order for there to be an intellectual revolution in Kurdish society. In order to achieve this goal, there have been academic approaches by academics, feminist reforms in the political parties by politicians, as well as propaganda and popularization by Kurdish NGOs and Unions.

However, the result of this popularization has been an evolution for the Kurdish people. This virtually new field in feminist sciences is called **JINELOJI**, which translates into English as **Womanology**. The word *Jineloji* literally means, "Jin" woman and "loji" (*logos*) translated as *studies of woman*. *Jineloji* is a field that encompasses all facets of scientific approaches to the feminist perspective, and constructs new fields from a woman's perspective.* According to Kurdish Member of Turkish Parliament *Emine Ayna*, elected from Diyarbakır, *jineoloji* and feminism are different things and cannot be compared with one other:

"Jineloji is the ideological definition. But feminism is the political and organizational field. So, feminism is the political, organizational and actionable area. Feminism is the history of Jineloji. It means feminism is the beginning point, origin and inspired part of Jineloji. [...] We will not build the system with feministic struggle. But we have to introduce the scientific phenomenon of it."[†]

In 2012 a *Jineloji* conference[‡] was organized with the participation of all Kurdish women's organizations to discussing *Jineloji*, as well as its aims, targets and perspectives. Additionally, the organizations were concerned with contributing towards a solution of Kurdish problems via Kurdish women.

Moreover, Kurdish feminists maintain that all existing systems (and also all sciences) are formulated and developed from the male brain and from a male perspective. Therefore this system should be destroyed and built again from the point of view of a female brain with a dual gender perspective.

*Kadın mücadelesinin ideolojisi *Jineloji*.10.06.2013

<http://www.yeniozgurpolitika.eu/index.php?rupel=nuce&id=21156>

†Kadın mücadelesinin ideolojisi *Jineloji*.10.06.2013

<http://www.yeniozgurpolitika.eu/index.php?rupel=nuce&id=21156>

‡*Jinelojikonferansı* yapıyor. 18.10.2012, <http://yeniozgurpolitika.com/index.php?rupel=nuce&id=14085>

Conclusion

The role of women throughout the world has changed considerably in the last century. Socio-political activities such as voting, electing, participating in demonstrations, education etc. have been made available to women after men. But since the end of the twentieth century, women have quickly developed (in the spheres of education, social and political participation), organized (movements, networks, parties, groups, lobbies) and strengthened their positions in socio-political life alongside men.

This study has explored the social and political development of Kurdish women based on both ethnic identity and gender. This change has led to Kurdish women being politicized and participating in the political sphere. However, the reason for the politicization of Kurdish women has been due to events that have taken place via the political parties and movements, most notably due to feminist elements in the ideological basis of the Kurdish movement.

Moreover, Kurdish women have become the most influential part of Kurdish political parties and political life. Kurdish women began by taking part in street demonstrations, then in the establishment of political parties and finally in the illegal armed struggle.

These changing activities of Kurdish women have been with the aim of changing their oppressed role in society. She has become a symbol of Kurdish culture and Kurdish identity. The politicized Kurdish women achieved the establishment and subsequently control of their own trade unions, political parties, media organizations, magazines and newspapers.

In fact, the Kurdish movement has both directly and indirectly affected the gender composition, institutional basis and formation of policies of political parties. The prevention of equality between women and men and exclusion of women from social life will continue to be criticized by the parties, who demand the elimination of legislation that prevents equality between women and men. These same parties also protect economic, social, cultural and legal measures to ensure the equality of women and men.

Parties consider gender discrimination and violations of human rights as a serious problem for democracy. These factors have influenced the politicization of woman and led to a massive political mobilization of Kurdish women. Women's participation in both politics and an illegal armed struggle could create an expansion of women's unity. Moreover it could drastically alter the character of relations in society.

Today it is very obvious that most Kurdish women who were in different roles and positions at different times have now cultivated a new identity. Women's changing roles in society results in, and reflects, the change of balance. This balance provides the ground for the new identity of Kurds – a homogenous society. The most important finding in the study is that it has showed how, step-by-step and overtime, women have been politicized, and that the political mobilization of women has reached a level, which cannot be ignored.

References

1. ALKAN, Necati; PKK'da Semboller, Aktörler, Kadınlar, İstanbul, Karakutu yayınları, 1. Baskı, 2012
2. BAYRAK, Mehmet; Geçmişten günümüze kürt kadını, İstanbul, Özge yayınları, 2002.
3. BAŞKAN, Filiz, GÜNEY, Aylin; Turkey's June 2011 Parliamentary Elections, Journal of Balkan and Near Eastern Studies, 2010.
4. BDP Tüzük, 2013.
5. BLOOM, Mia; Bombshell: The many faces of women terrorists, London, Hurst and Co. Publishers, 2011.
6. BOZARSLAN, Hamit; Türkiye'de Kürt Milletçiliği: Zimni sözleşmeden ayaklanmaya, İstanbul, 1998.
7. BOZKURT, Emine; Gender Equality and Turkey's 2023 Goals, TQP Turkish Quarterly Policy Journal, Volume 12, Number 2: 35, 2013.
8. BRUNIESSEN, Martin; Agha, Shaikh and State The Social and Political Structures of Kurdistan, Zed Books, 1992.
9. BRUNIESSEN, Martin; From Adela khanum to Leyla Zana/ Women as political leaders in kurdish history, Mazda California, 2001.
10. BRUNIESSEN, Martin; Von Adela Khanum zu Leyla Zana: Weibliche Führungspositionen in der kurdischen Geschichte, 2001.

11. ÇAĞLAYAN, Handan; Analar, Yoldaşlar, Tanrıçalar, İstanbul, İletişim Yayıncılık, 2007.
12. ÇAĞLAYAN, Handan; Kürt Kadınların Penceresinden, İstanbul, İletişim Yayıncılık, 2013.
13. CEMAL, Hasan; Kürtler, İstanbul, Everest Yayınları, 2. Basım, 2014.
14. MADENLİ, Ergani; Kürtlerde kadın meselesi, Roj-i KurdJimar, İstanbul, 1911.
15. JAYAWARDENA, Kumari; Feminism and Nationalism in the third world, Zed Books, 1994.
16. KAYLI, Ş. Derya; Özgürleşme ve kadın bedeni, İzmir, İlya İzmir Yayınevi, 2007.
17. KARABULUT, Asiye Eylem; Sarı Kırmızı Mor, Belge Yayınları, 1.Baskı, 2013.
18. KISACIK, Raşit; Diyarbakır Cezaevi, İstanbul, Ozan Yayıncılık, 2. Baskı, 2011.
19. KUTLUATA, Zeynep; Gender and War during the late Ottoman and Early Republican Periods: The Case of Black Fatma, Sabanci University, Thesis, 2006.
20. SOMER, Murat, LIARAS, Evangeleous; Kurdish Opening: Religious versus Secular Values. Middle East Policy, XVII/2, 2010.
21. MAE, Michiko; Japan zwischen Asien und dem Westen. Transkulturelle
22. Grenzüberschreitungen und der Weg zu einer machtfreien Gendergestaltung, Wiesbaden, VS Verlag für Sozialwissenschaft, 2007.
23. MATUR, Bejan; Dağın ardına bakmak, İstanbul, Timaş Yayınları, 10.Baskı, 2013.
24. MOJAB, Shahrazad; Women of a Non-State Nation/The Kurds, Mazda, California, 2001.
25. MOJAB, Shahrazad; Kurdish Women in the Zone of Genocide and Gendercide, Al Raida, Volume XXI, No. 103, 2003.
26. ÖZCAN, Z. Seda; The Dual Identity of Roza Journal: Womanhood and Ethnicity in the Context of Kurdish Feminism, TJP Turkish Journal of Politics, Vol.2, No 2, 2011.
27. SOANE, E. Banster; To Mesopotamia and to Kurdistan in Disguise, Amsterdam, 1902.
28. TAN, Altan; Kürt Sorunu, İstanbul, Timaş Yayınları, 7.Baskı 2010.
29. TEKİN, G. Gülçiçek, Beyaz soykırım: Türkiyenin Asimilasyon ve Dilkrım Politikaları, İstanbul, Belge Yayınları, 3.Baskı 2012.
30. TUZCUOĞLU, Müge; Ben bir taşım, İstanbul, Doğa Basın Yayınları, 3.Baskı 2012.
31. HEPER, Metin; Devlet ve Kürtler, İstanbul, Doğan Kitap, 3.Baskı 2010.
32. YÜKSEL, Metin; Diversifying Feminism in Turkey in the 1990s, Ankara, Bilkent University, 2003.

Links

33. Frauenarmee der PKK, Töchter der Berge. 07. 01. 2014
34. <http://www.taz.de/!130491/>
35. Kadın mücadelesinin ideolojisi Jineoloji.10.06.2013 <http://www.yeniozgurpolitika.eu/index.php?rupel=nuce&id=21156>
36. Radyodakadın paneli. 19.11.2013, <http://www.yeniozgurpolitika.org/index.php?rupel=nuce&id=25944>

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
 European Researcher
 Has been issued since 2010.
 ISSN 2219-8229
 E-ISSN 2224-0136
 Vol. 91, Is. 2, pp. 155-162, 2015
 DOI: 10.13187/er.2015.91.155
www.erjournal.ru

Legal sciences

Юридические науки

UDC 34

Child Ragpickers in India and Violation of Their Human Rights

Pyali Chatterjee

Disha Law College, Raipur, Chattisgarh, India
 E-mail: pyali.chatterjee@gmail.com

Abstract

Rag pickers play an important role in our society. We spread our garbage in the society and these rag pickers use to collect it and send it for recycling. We all know about Child trafficking, child labor and Sexual exploitation of child. Nevertheless, ever we tried to rescue any child who uses to collect these rags from dumping area. Such kind of work done by the children's, amount to violation of their basic human rights. Even though if they were not force by anyone to do such kinds of work but still it will amount to violation of their basic human right. Poverty and illiteracy is one of most common reason behind any kind of violation of human right. In India, any kind of child labors is deal under **Child Labour (Prohibition and Regulation) Act, 1986**. Here, in this Act certain Occupation and Process are mentioned in the Schedule Part – A and Part - B which is hazardous for the children below 14 years and these includes "rag picking and scavenging" also. In **M.C. Mehta Vs State of Tamil Nadu** case, the Honorable Supreme Court of India has given certain directions regarding the manner in which children working in hazardous occupations should be shift from such working conditions and they should be rehabilitate. In addition, the conditions of the children who work in the non-hazardous occupations should be improved and regulated by proper law. For "Swach Bharat Abhiyan" not only we have to clean our society but for development of our country, we have to spread literacy also so that our future generation should literate one.

Keywords: Child Labor; Rag pickers; Poverty; Illiteracy; Population; Human rights.

Introduction

According to Freelegal Dictionary*, Rag Pickers means, "a person who picks up rags and other waste material from the streets, refuse heaps, etc., for a livelihood".

International Labour Organization (ILO)[†] in their recent study estimate that near about 215 millions children in the entire world were involved in some kind of child labor, and more than half

* <http://www.thefreedictionary.com/ragpickers>

[†] Vinika Koul, Waste of a childhood - poverty stricken child rag pickers, TERRA URBAN <https://terraurban.wordpress.com/2012/06/13/waste-of-a-childhood-poverty-stricken-child-rag-pickers/>

of them are even found in their most terrible conditions. It was estimated, that India alone has 17 million child workers – the highest child labor worker in the world. Moreover, UNICEF* in its report mentioned that about 12 percent of children in India aged 5-14 are engaged in child labor activities, including Rag Picking. Even in a recent study, it is found that in Raipur and Patna 20 % of the rag pickers, belong from age group 5-14 years and in most of the dumping site of India especially in Mumbai and New Delhi etc, children's use to work as rag pickers.

In today's world Child labor and Child trafficking has become one of the major social and legal concerns in the entire world. Most of the children start working at a very young age and these children were expose to various forms of exploitation and abuse. Many of these children were engaged in various occupations and processes, which are not dangerous and hazardous for their health but for their life also. Important point to be discussed here is that, it is not possible to calculate the actual number of children working in such process and occupation, as many people employed small children in illegal way, as we know that it is a punishable offence to employed children below 18 years in such occupation and process. Under the Child Labour (Prohibition and Regulation) Act 1986, Children are prohibited to work as rag picking, employed in the carpet weaving, match and fireworks, glass and bangles, lock making, match, slate/pencils, diamond cutting and polishing industries, abattoirs/slaughter houses etc.

It is also found that the main reason behind child labor is unemployment, poverty, illiteracy and population growth. Above all, the one and only reason behind child labor is the poverty, which is the only reason behind any form of exploitation as well as crime.

If we consider Charles Darwin theory, "*Survival of the fittest*", in cases of Child Rag pickers, then we will find that rag picking becomes the source of earning for the poor children off course for their survival. As money is an important thing to survive in this world.

Child ragpickers

Society has not only failed to protect the children from becoming child rag pickers also, they were not treated well.

Most of the poor children, between five to eighteen years of age, earn their livelihood by polishing shoes, washing cars, finding parking spaces, rag picking, etc and their average earnings vary between Rs 15 to 20 per day depending on the nature of the works. And these children can be found easily near bus stand, railway station, movie hall etc fighting for their survival.

Sometimes children were forced to become rag pickers by the rag purchaser and some time the children choose to become rag pickers by themselves as independent. And from here the journey of their exploitation, engagement with criminals, drug addiction began, which is neither good for their development and nor for the society where they are living.

Any form of child labor should be abolished as these not only harm the children but its harm the entire society. A country will develop only when its future generation will be safe and protected. And for this purpose certain basic rights are granted to all children i.e. decent living; right to education; right to protection against exploitation. But it has been found that there rights were violated due to many reason. And only because of these reason Rag picking and Scavenging was included in Part-B of the Child Labour (Prohibition and Regulation) Act 1986 as one of the Prohibited processes for employment of children who have not completed 14 years of age to protect children from exploitation.

Reason behind child rag picker

Many authors, researchers, NGO etc have done great work to find out the reason behind children working as rag pickers. And the most common reason found by them behind it, is poverty. The following are some work done by the researcher on the issue of Child rag pickers and their findings-

➤ Kamat[†], in his article "Ragpickers of India" states that most of the Rag picking Children are extremely poor, illiterate and belong to rural immigrant families and most of their families are in need of extra income from these young children.

* Ibid.

† http://shodhganga.inflibnet.ac.in/bitstream/10603/8069/7/07_chapter%202.pdf

➤ Again Tripathy and Pradhan* in their work "Girl Child in India" explains the problem of child labour which includes both male and female and their condition in a hazardous occupation of rag picking in Berhampur town (Orissa). In their work they mention about the family size of girl child rag pickers. The girl child rag pickers family size is more than 6 persons.

➤ Balkumar et al had done study on the family of child rag pickers of Nepal in their work "Nepal -Situation of Child Rag pickers: A Rapid Assessment"[†]. The authors conducted a survey of 300 children ages between 5-17 years who worked as rag pickers in six major municipalities. The average family size of child rag pickers is 5.4 members, which is slightly higher than the national average of 5.1. The girl rag pickers usually come from larger families (6.3) than boys do (5.2). This assessment shows that the large majority 60.3 % of children interviewed have both parents (own or biological father or mother) only few are belonging to families with a step parent or single parent or no parents. In their assessment, three indicators were chosen to determine the economic background of the child rag pickers. Over 2/3 of respondents (68 %) indicated that their family owned home. The majority of child rag pickers families (54.7 %) do not own farmland. The main occupation among families of rag pickers is of a non-agricultural nature, which may include small business, mechanical work etc and the money paid for it is also very low. And some of the family members worked as rag picking.

➤ Again in another study conducted by Mita Bhadrain[‡] "Girl Child in Indian Society" reveals that most of the girl who worked as rag pickers belongs to very poor families and they are illiterate also. Their parents are mostly landless labours or small land labours and most of them live in slums. Most of the children are belonging to Schedule Caste and Schedule Tribes families.

➤ Even Kshitij[§] (A Project for the Child Rag pickers of Bhandewari Dumping Ground, Nagpur) reveals that rag pickers are sizable proportion among the poorest workers in the urban informal economy. The traditional beggars have opted for rag picking. Most of the rag pickers are extremely poor, illiterate and belong to immigrant families. Their families need supplementary income.

➤ Rag pickers^{**}: Scavengers at a Different Graveyard, A Documentary on The Rag pickers of Mumbai explore the life of rag pickers and found that majority of them are below the poverty line and socio-economic strata and live a difficult life.

➤ Rai^{††} in his work "Child Labour: A Reality" done research on the family of rag pickers children and found that most of the children lived in urban areas and they are mostly street children and work in the streets. And most of them had no relation with their families.

➤ Again in another survey conducted by a NGO^{**} in 1990 "Agape, Bangalore" found that rag pickers come from violent and broken homes, perhaps second marriages where the mother has been burnt to death with kerosene, the father demanding further dowry from the wife's family to feed his drunkenness. The children from the first marriage not wanted, beating, starvation and deprivation of security and love are daily occurrences. Some are forced from a very young age to work and earn money, a few are influenced by peer pressure, and some are orphans fighting a daily battle to survive. Boys unable to tolerate the daily beatings and dysfunctional family life run away and become street children. Girls are forced to look after younger family members even have to beg for their own survival and that of the younger child. They are treated as slaves in the home and many are forced into prostitution at a very early age.

➤ Again Singh^{§§} in his book "Child Labour" has broadly categorized Rag pickers into 3 groups, based on their contact with their families: i) Children who will be living with their families. Whether it be on the street, in slums, or waste land or abandoned building etc. but would be spending a lot of time working or hanging about on the streets. It has been estimated that this will be the largest of the three categories. ii) Children who would be living and working on the

* Ibid.

† Ibid.

‡ Ibid.

§ Ibid.

** Ibid.

†† Ibid.

** Ibid.

§§ Ibid.

street with occasional family contacts. These children, sometimes, send money to their families. They consider the streets as their homes. iii) Children who would be having no family contact what so ever. These children will be either orphaned abandoned or neglected by, or strange from their families. Psychologically, they are deprived of love, affection and sympathy of a family.

➤ Again Rita Pannikka* in her Study conduct on Street Girls in the Union Territory of Delhi mentioned about her case study of street girl children. In that case study she found that, the youngest of four daughters of a family in which the father work as a rag picker and his girl too picks up rags and adds family income. Due to their family circumstances she is forced to do work which she does not personally like. From a favorite child she has become a working child without any protest, toiling for nearly 16-18 hours a day. Recently she has been engaged to an illiterate farmer boy and expects that her future husband would help her in her sorrows. She wishes to have a house of her own with good environments where she would not see rags. She also wants to learn tailoring to wear new clothes of her liking.

Thus, from the above discussion we found that large family, neglected children, poverty, low income of family etc are the main reason for the small children to work as rag pickers, whether willingly or not it does not matter.

As it is, clear now that Poverty is the root cause of child labour, and education is the only fundamental to overcome the poverty trap. As Oxfam states, "Education is the best escape route from a life of poverty. Education brings with it improved health, the chance of prosperity, and hope for the future. It opens the door to a life of dignity and independence."† It is important for the parents to understand the importance of primary education which is the only way to break the cycle of poverty. And only because of this reason free primary education was included under Article 26 of the Universal declaration of Human Rights. Even Principle 7 of the UN Declaration on the Rights of the Child, and Article 28 and 29 of the UN Convention on the Rights of the Child, states that primary education should be universal and free for all.

Guidelines of supreme court

In the *M.C. Mehta Vs State of Tamil Nadu AIR 1991 S.C. 417*‡, the Honorable Supreme Court of India has given certain directions regarding the manner in which children working in hazardous occupations should be shift from such working conditions and they should be rehabilitate. In addition, the conditions of the children who work in the non-hazardous occupations should be improved and regulated by proper law. The following are the direction:

1. Withdrawal of children working in hazardous industries and ensuring their education in appropriate institutions;
2. Contribution of Rs 20,000 per child to be paid by the offending employers of children to a welfare fund to be established for this purpose;
3. Employment to one adult member of the family of the child so withdrawn from work, and if that is not possible, a contribution of Rs 5,000 to the welfare fund to be made by the State Government;
4. Financial assistance to the families of the children so withdrawn to be paid out of the interest earnings on the corpus of Rs 20,000/25,000 deposited in the welfare fund, as long as the child is actually sent to school;
5. Regulating hours of work for children working in non-hazardous occupations so that their working hours do not exceed six hours per day, and education for at least two hours is ensured.

Indian law for the protection of child rights

To protect children below 18 years from exploitation and child labor, the Indian Government has formed many constitutional provisions for their protection as well as for their development. The following are the constitutional provisions:

* Ibid.

† Eve Naftalin, Report For Span On The Human Rights' Violations Of The Ragpicker Children, <http://www.streetchildrenresources.org/wp-content/uploads/2013/03/human-rights-violations-ragpickers.pdf>

‡ Jyoti Angrish, CHILD LABOUR IN INDIA-PRESENT SCENARIO, Legal India <http://www.legalindia.in/child-labour-in-india-present-scenario/>

1. According Article 24*, of Indian Constitution, “No child below the age of 14 years shall be employed to work in any factory or mine or engaged in any other hazardous employment”.

2. Again under Article 39(e)[†] of Indian Constitution, “The State shall in particular, directs its policy towards securing- that the health and strength of workers, men and women and the tender age of the children are not abused and that citizens are not forced by economic necessity to enter vocations unsuited to their age or strength”.

3. Again under Article 39(f)[‡] of Indian Constitution, “The State shall in particular, directs its policy towards securing- that Children are given opportunities and facilities to develop in a healthy manner and in conditions of freedom and dignity and that childhood and youth are protected against exploitations and against moral and material abandon.”

4. Again under Article 45[§] of Indian Constitution, “The state shall endeavor to provide, early childhood care and education for all children until they complete the age of 6 years”.

5. Again under Article 21 A** of Indian Constitution, “The state shall provide free and compulsory education to all children between the ages of six to 14 years in such a manner as the state may by law determine.”

6. Again under Article 51 A (k)^{††} of Indian Constitution, “Who is a parent or guardian to provide opportunities for education to his child or, as the case may be, ward between the age of six and 14 years”.

Apart from the above constitutional provision, the following are the other laws framed for the development and protection of the children in India^{**}:-

1. The Apprentices Act, 1861
2. The Child Labour Act, 1986
3. The Child Marriage Restraint Act, 1929
4. The Children (pledging of labour) Act, 1929
5. Children Act, 1960
6. The Guardian and Wards Act, 1890
7. The Hindu Minority and Guardianship Act, 1956
8. The Hindu Adoption and Maintenance Act, 1956
9. The Immoral Traffic (Prevention) Act, 1956
10. Juvenile Justice Act, 1986
11. The Orphanages and other charitable Homes (supervision and control) Act, 1960
12. Probation of offenders Act, 1958
13. Reformatory schools Act, 1857
14. The women’s and children’s institutions (licensing) Act, 1956
15. The young persons (Harmful publications) Act, 1956

When these small children unable to avail their basic rights granted by Indian Constitution as well as in The Universal Declaration of Human, will amount to be a violation of their Human rights.

Gurupad swamy committee^{§§}

The Government of India in the year 1979 formed the first committee called Gurupad Swamy Committee to study the issue of child labor and to suggest measures to handel it. The Committee examined the problem in detail and made some recommendations. It observed that as long as poverty continued, it would be difficult to eliminate child labor and hence, any attempt to abolish it through legal recourse would not be a practical solution. The Committee felt that in such circumstances, the only alternative left was to ban child labor in hazardous areas, to regulate, and to improve the conditions of work in such areas. It recommended that a multiple policy approach

* O.P. RAI, THE CONSTITUTION OF INDIA,40 (Orient Publishing Company, 2nd ed. 2014)

† Ibid. at 49-50

‡ Ibid.

§ Ibid. at 50

** Ibid. 37

†† Ibid at 52

** Supra note. 15

§§ Supra note. 15

was required in dealing with the problems of working children. Based on the recommendations of Gurupad Swamy Committee, The Child Labour (Prohibition and Regulation) Act, 1986 was passed. And after this Act, employment of children below the age of 14 was prohibited in factories, mines and in other forms of hazardous employment, and regulates the working conditions of children in other employment. Sec.3 of this Act imposes prohibition on employment of children in dhabas, restaurants, hotels, motels, tea shops, resorts, spas or other recreational centre's etc. Recently, child labour is totally banned by the government with free education and other facilities to the child upto the age of 14.

International law on child labour*

Article 25 (2) Of UN declaration of Human Rights, says that children required special care and assistance. The International Covenant on Civil and Political Rights under Articles 23 and 24 and the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights under Article 10 made provisions for the care and protection of the child. However, the International Labour Organization (ILO) provides universal standards and guidelines. The ILO, is a specialized agency of the UN, aims to provide guidance and standards for labour practices around the world. The International Convention and other international instruments, which deal with the subject of child labour are as follows:

1. Convention on the Rights of the Child, 1989
2. Worst Form of Child Labour Convention, 1999; and
3. Worst Form of Child Labour Recommendation

The International Program on the Elimination of Child Labour (IPEC) is a global program launched by the International Labour Organization in December 1991. India was the first country to join it in 1992 when it signed a Memorandum of Understanding (MOU) with ILO. The MOU that expired on 31.12.1996 has been extended from time to time and has recently been extended till 31st December, 2006. The long-term objective of IPEC is to contribute to the effective abolition of child labour. IPEC-India has, during the period 1992-2002, supported over 165 Action Programs.

The Govt. of India and the US Department of Labour have also initiated a US\$ 40 million project aimed at eliminating child labour in 10 hazardous sectors across 21 districts in five States namely, Maharashtra, Madhya Pradesh, Tamil Nadu, Uttar Pradesh and NCT of Delhi. This project was popularly known as INDUS and was implemented by ILO. An estimate of 80,000 children will be withdrawn and rehabilitated through this project. Also Support activities will be provided to 10,000 families of former child workers. On 20 November 2009, the global community celebrates the 20th anniversary of the adoption by the United Nations General Assembly of the Convention on the Rights of the Child, the unique document that sets international standards for the care, treatment and protection of all individuals below age 18.

Health issue related to child rag pickers†

From the above discussion we have find that most of the rag pickers belongs to poor society. And they were also illiterate. It is found that while collecting rags sometimes they are subjected to chemical poisons and infections. The rag pickers are very prone to diseases like tuberculosis and cancer due to their exposure to hazardous materials. The children sometime while collecting rags from the garbage dumps comes in contact with rags which are toxic, corrosive, flammable, explosive, etc. And these substances are hazardous in nature. Bio- Medical waste, such as needles, syringes, old medicines and soiled bandages etc are very dangerous to the children who pick them up from the garbage dumps and can cause HEPATITIS A and B, Skin Diseases etc. And some of hazardous waste is so poisonous, that even by touching them it can get into the body and cause cancer or other diseases e.g. rat poison and pesticides. But this kind of waste generally contain picture of a skull on the container which is a sign of danger, but children due to their illiteracy fail to understand the meaning of such danger sign in the container suffered serious health issue while collecting rags from such areas.

* Ibid.

† K.L.Kamat, Rag Pickers of India,
http://www.kamat.com/kalranga/people/rag_picklers/

Here one thing which is necessary to mention here that Right to health is a basic human right. But what about the rights of this children, who works as rag pickers.

Suggestion

Government of India has already framed so many laws for the protection of the Child that no other new law is required. But what is required is the implication of the existing laws in strict ways for the benefit of the poor children. Following are some suggestion:

- NGO can play an important role by rehabilitating the street children who work as rag picker. And also by spreading awareness of the various Government scheme for the poor children like mid-day meal in school etc.

- Government should establish more shelter home for the poor children so that they can be prevented from becoming child labour and also from any other crime, which will harm their moral and over all development.

- Media can also spread messages through various shows about the government scheme for the poor families.

- Growing Population is also one of the main causes for the increase of the poverty. So population growth is also to be checked by explaining the advantages of family planning methods.

- Government should bring more employment scheme for the families belonging from the backward classes.

- Even NGO can spread awareness among the child rag pickers about the various impact of hazardous rags to their health by educating them and also making them aware by defining the meaning of various symbols drawn in the plastics bags, container e.g. Biomedical Hazards Symbols.

- Government can provide employment opportunity by promoting small scale industries etc in villages.

- Government should try to improve the Government Schools condition of the villages.

- Government should provide vocational training to street children for their betterment.

- Free medical camp should be organized for the street children's and children who are living in slums areas for their regular check up.

- Families living in slum areas should be informed about the various schemes of the government relating to their development as well as for their children with the help of the NGO and media.

- Government should formed strong machinery to promote and facilitate all the government polices to the poor people and the children.

- And lastly but not the least anybody who find any children working as a child labour should immediately call the child help line number **1098 for the protection of the children.**

IF I TRY, THEN ONLY OTHERS WILL TRY TO SAVE THE FUTURE GENERATION OF INDIA

Conclusion

The development of the country depends on the development of the future generation i.e. children. If the children did not develop physically and mentally in that case the growth of the country will also decrease. Government should try to bring new schemes for the development of the inferior part of the society. So that, no children will become rag pickers or become the victim of trafficking etc. Once the poverty from the society erased, then automatically all problems related to this will be finished. So, for the benefit of the country, poverty should be eradicated first. As this is one of the major causes behind any crime, exploitation etc. And then only the Country will progress.

References

1. <http://www.thefreedictionary.com/ragpickers>
2. Vinika Koul, *Waste of a childhood- poverty stricken child rag pickers*, TERRA URBAN <https://terraurban.wordpress.com/2012/06/13/waste-of-a-childhood-poverty-stricken-child-rag-pickers/>
3. http://shodhganga.inflibnet.ac.in/bitstream/10603/8069/7/07_chapter%202.pdf

- a. Eve Naftalin, *Report For Span On The Human Rights' Violations Of The Ragpicker Children*, <http://www.streetchildrenresources.org/wp-content/uploads/2013/03/human-rights-violations-ragpickers.pdf> Jyoti Angrish, *CHILD LABOUR IN INDIA-PRESENT SCENARIO*, Legal India <http://www.legalindia.in/child-labour-in-india-present-scenario/> O.P. RAI, *THE CONSTITUTION OF INDIA*, 40 (Orient Publishing Company, 2nd ed. 2014) K.L.Kamat, *Rag Pickers of India*, http://www.kamat.com/kalranga/people/rag_pickers/
4. Mamta Rao (2013). Constitutional Law 268-269. Abhinandan Malik, 1st ed.
5. V.N.Shukla, "Constitution of India", (Lucknow: Eastern law Company, 2006)
6. *RAG PICKERS IN INDIA: NOT PAINTING A GOOD PICTURE*, Millennium India Education Foundation, <http://mief.in/rag-pickers-in-india-not-painting-a-good-picture/>
7. Michael Simon, *INDIA'S SLUMDOG RAGPICKERS*, July 6, 2010
8. <http://1800recycling.com/>
9. PRIMARY EDUCATION FOR RAGPICKER`S CHILDREN, IPCA <http://www.ipcaworld.co.in/pages.aspx?pYkq5e%2FuIrDbfyyJw2LK2w%3D%3D>
10. A FAMILY'S LIFE RAG-PICKING IN NEW DELHI: 'I DO NOT WANT MY CHILDREN TO DIE IN THIS TRASH', Fox News, December 01, 2014
11. <http://www.foxnews.com/world/2014/12/01/family-life-rag-picking-in-new-delhi-do-not-want-my-children-to-die-in-this/>
12. The problems of street children, i.india
13. http://www.i-indiaonline.com/sc_crisis_theproblem.htm
14. Shishir Srivastava, *RAGPICKERS IN MODERN DAY INDIA*, merinews, June 2, 2008
15. <http://www.merineews.com/article/rag-pickers-in-modern-day-india/135059.shtml>

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
 European Researcher
 Has been issued since 2010.
 ISSN 2219-8229
 E-ISSN 2224-0136
 Vol. 91, Is. 2, pp. 163-168, 2015

DOI: 10.13187/er.2015.91.163
www.erjournal.ru

Philosophical sciences

Философские науки

UDC 1

The Methods of the Level Scientific Sense Data

Sergey A. Lebedev

Bauman Moscow State Technical University, Russian Federation
 5, 2-nd Baumanskaya, Moscow, 105005
 Doctor of Philosophy, Professor
 E-mail: saleb@rambler.ru

Abstract

The article subject is the methods of the level scientific sense data knowledge. This level is the basic scientific knowledge. There is the direct contact of the science subject with objective reality on it. There are two main of the methods on the level: the scientific observation and experiment. In the science this methods had determinate the a posteriori and a priori knowledge and cognitive structures. The famous physicist Bor generalized this determination by the principle relativity to the means of observation. It means that the scientific sense information of the cognitive objects always is the only relativity true.

Keywords: sense data; method of the level scientific sense data knowledge; scientific observation; experiment; the Bor principle relativity.

Введение

Особая роль чувственного познания в науке заключается в том, что оно является исходным и базовым для научного познания, поскольку именно на нем происходит непосредственное взаимодействие субъекта научного познания с познаваемыми им объектами реальности [2; 10; 11].

Уровень чувственного знания в науке представлен данными наблюдения и эксперимента над объектом познания. Его результатами являются чувственные схемы и модели познаваемых объектов как «вещей в себе». Необходимо различать объекты внешнего мира, существующие независимо от сознания и познания (**«вещи в себе»** – Кант), и **чувственные объекты**, как исходное и непосредственное начало науки. Чувственный объект – это уже **модель** «вещи в себе», создаваемая средствами чувственного познания человека (ощущений, восприятий, представлений)[12]. Основа объективности содержания чувственного объекта и чувственного познания вообще – норма чувственного восприятия человека, которая у большинства людей одинакова или имеет минимальные отклонения. В науке объективность содержания чувственных восприятий исследователя дополнительно гарантируется и контролируется с помощью различного рода научных

приборов и измерительных устройств (микроскоп, телескоп, фото-, видео- и киносъемка, термометр, барометр, химические реагенты и т.д.)[2]. Критерий существования чувственных объектов в свое время был сформулирован британским философом и епископом Дж. Беркли: для подобного рода объектов «существовать» означает «быть воспринимаемым». К этому критерию Беркли необходимо добавить еще один: быть повторно воспроизводимым и идентифицируемым с помощью органов чувств или приборов. Множество чувственных объектов с их свойствами и отношениями образует **чувственную реальность**. Эта реальность имеет особый статус и характер, являясь посредствующим звеном между объективной реальностью (множеством «вещей в себе» – Кант) и эмпирической (уже мыслительно-абстрактной) реальностью науки.

Обсуждение и результаты

В современной общей психологии восприятия твердо установлено, что чувственное восприятие познающим субъектом вещей в себе, формирование о них определенных чувственных образов не является пассивным созерцанием объективного мира. Это – активный, творческий процесс их моделирования сознанием субъекта, результат которого (чувственная модель объекта) существенно зависит не только от содержания вещей в себе, но и от целей, потребностей и познавательных установок субъекта познания. Поэтому даже чувственная реальность это уже не чисто объективная, а объективно-субъективная данность[2;12]. Один и тот же объект может восприниматься по-разному в зависимости от объективных и субъективных условий познания. Вот почему в психологии познания четко различают два близких понятия: «смотреть» и «видеть». Два различных субъекта или один и тот же, но в разных условиях, могут смотреть на один и тот же объект, но видеть в нем разное содержание. Чем обусловлено это различие? Во-первых, огромным разнообразием свойств любого реального объекта. Во-вторых, диспозиционным и релятивным характером многих свойств объектов. Это, например, относится к таким свойствам как «быть твердым», «тяжелым», «высоким», «низким», «большим», «маленьким», «быстрым», «медленным», «корпускулярным», «волновым», которые являются относительными, а последние два еще и диспозиционными. И, наконец, в-третьих, зависимостью содержания восприятия от условий познания (средств познания, а также целей и намерений субъекта познания)[9; 10; 12]. Сказанное в полной мере относится и к чувственному познанию в науке. Только здесь этот процесс имеет определенную специфику, поскольку осуществляется с помощью различных научных приборов, экспериментальных установок и измерительной техники. И этот процесс в целом носит название «научного наблюдения».

1. Научное наблюдение – основное средство чувственного познания в науке. Научное наблюдение – это целенаправленный процесс получения чувственной информации об объекте научного познания, который обусловлен приборной базой наблюдения, а также когнитивным и/или практическим **интересом** исследователя. Научное наблюдение отличается от обычного чувственного восприятия четко поставленной целью, систематичностью, использованием различного рода приборов и операциональных средств фиксации и количественной оценки поступающей чувственной информации об объекте исследования. При этом решающая роль здесь принадлежит методу наблюдения. Он должен обеспечить потенциально бесконечную воспроизводимость результатов наблюдения, а также необходимую точность и однозначность чувственной информации об объекте. Соблюдение этих требований является необходимым и достаточным условием объективного характера получаемой чувственной информации [1; 9; 10].

Прибор – это познавательное средство, представляющее собой искусственное устройство или естественное материальное образование, которое ученый приводит в специфическое взаимодействие с исследуемым объектом с целью получения о последнем полезной информации. По специфике получаемой информации и своим функциональным характеристикам научные приборы делятся на три класса: **приборы-усилители, приборы-анализаторы и приборы-преобразователи** [7, с. 254-263].

Примерами приборов-усилителей являются микроскоп, телескоп и т.п., приборов-анализаторов – спектроскоп, с помощью которого определяется химический состав исследуемого вещества, приборов-преобразователей – термометр, манометр, спидометр и др. При этом все научные приборы выполняют функции регистрации и количественного

измерения свойств и отношений исследуемых объектов. Разумеется, возможны и другие классификации научных приборов, различение их по другим основаниям (например, по степени точности, информационной емкости, техническим и эксплуатационным характеристикам и т.п.).

Говоря о роли приборов в научном познании, необходимо отметить их влияние на изучаемый объект и его свойства. В классической физике этим влиянием можно было пренебречь в силу его ничтожно малой величины по сравнению с массой-энергией изучаемых объектов макромира и мегамира (астрономия и космология). По крайней мере, допускалось, что это влияние всегда можно учесть и вычесть впоследствии из описания свойств «объекта самого по себе». При изучении же объектов микромира, мира квантовых сущностей, оказалось, что влияние приборов на их поведение и свойства столь значимо, что не учитывать это влияние уже принципиально нельзя. Так, при изучении элементарных частиц с помощью одних приборов (например, счетчика Гейгера) они ведут себя как корпускулы; при изучении же их свойств с помощью других приборов (например, при пропускании их через дифракционную решетку) они ведут себя уже как волны. То есть, одни приборы актуализируют одни свойства изучаемого объекта, другие приборы – другие его свойства. Эту познавательную ситуацию один из создателей квантовой механики Н. Бор зафиксировал в виде принципа относительности свойств объекта к средствам его наблюдения (а позднее обобщил это и на все условия познания объекта). Согласно этому принципу, любой прибор всегда ограничивает полноту возможных наблюдаемых свойств объекта, актуализируя одни его свойства и одновременно «затемняя» («уводя в тень») другие. Однако «хуже» оказалось другое, зафиксированное уже в принципе неопределенности В. Гейзенберга, другого создателя квантовой механики. Согласно этому принципу, точное измерение одной величины (или свойства) какого-либо объекта (прежде всего элементарных частиц) делает принципиально невозможным точное определение в то же самое время некоторой другой величины, сопряженной с первой. Например, принципиально невозможно одновременно абсолютно точно определить импульс элементарной частицы и ее пространственное положение (координату). Как и, наоборот. Одна из формулировок принципа неопределенности такова: если Δx – неопределенность значения координаты x квантово-механического объекта, а Δp – то же для ее импульса p , то произведение неопределенностей этих величин не может быть меньше постоянной Планка: $\Delta x \cdot \Delta p \geq \hbar$. Сопряженными величинами являются также энергия и время, координата и скорость, и др. Конечно, эта неопределенность и неточность с практической точки зрения (то есть, с позиций характеристик макромира) чрезвычайно мала. Однако, с теоретической точки зрения важно то, что такая неопределенность всегда существует. А это уже имеет принципиальное методологическое значение, так как говорит о невозможности получения в науке с помощью приборов абсолютно точного знания изучаемых свойств объектов в целом ряде случаев, в частности, при изучении явлений микромира – фундамента материи. Таким образом, использование приборов в качестве средств научного познания существенно влияет на актуализацию и точность наблюдаемых свойств объектов, на образ познаваемого объекта и, соответственно, на его истинность. И дело здесь, как оказалось, отнюдь не в несовершенстве измерительной техники или статистическом характере результатов любых измерений. Квантовая механика в отличие от классической механики утверждает **принципиальную** невозможность получения абсолютно точных значений многих изучаемых свойств, даже если это делать с помощью абсолютно совершенных приборов и допустить абсолютную однозначность результата каждого измерения.

Наряду с научным наблюдением, другим важнейшим методом получения в науке достоверной чувственной информации о познаваемом объекте является научный эксперимент.

2. Научный эксперимент. Очевидно, что проведение любого научного эксперимента (особенно – сложного), всегда основано на использовании множества научных приборов и различных тестирующих средств. Однако между научным наблюдением и научным экспериментом имеется одно существенное различие. Эксперимент – это исследование отдельных материальных систем и процессов путем контролируемого материального воздействия на них и последующего наблюдения за происходящими в них изменениями в результате оказанного воздействия. Эксперимент как

средство познания использовался (как и систематическое наблюдение) с незапамятных времен, а в физическом познании он сознательно и широко использовался уже знаменитым древнегреческим ученым Архимедом. Однако в качестве основного метода научного исследования эксперимент был признан лишь в эпоху Возрождения и Новое время (Леонардо да Винчи, Г. Галилей, Р. Бойль, Ф. Парацельс, Р. Гук и др.) [8]. Это стало возможным только тогда, когда главная цель научного познания сместилась из теоретико-мировоззренческой плоскости в плоскость практического предназначения науки. Соответственно, целью науки была провозглашена не абстрактная объективная истина, а конкретное, практически полезное знание – практическая истина («Знание – сила» – Ф. Бэкон). Слово «эксперимент» пришло в новоевропейскую науку из словаря средневековой инквизиции, где буквально означало «пытку», то есть пристрастный допрос подозреваемого с применением к нему контролируемого физического воздействия для получения от него признания (или непризнания) в приписываемом ему преступлении или грехе. Эксперимент в науке является незаменимым средством: а) исследования вырванных из целостного контекста природы ее отдельных систем, явлений и процессов путем изучения их свойств с помощью дозируемого и контролируемого исследователем материального воздействия на эти системы; б) контролируемого изучения поведения искусственно созданных учеными материальных систем (артефактов) различного рода: технических и инженерных устройств, систем, механизмов, технологических процессов; в) контролируемого исследования материальных моделей исследуемых процессов [1; 3; 5; 9; 10]. Двумя видами отношений, лежащих в основе любого эксперимента, являются: а) отношение «причина – следствие» для установления причинных законов, которым подчиняется исследуемый объект; б) отношение «вход – выход» для установления законов функциональной связи между определенными свойствами исследуемой системы и степени количественной определенности этой связи [3]. Классическим примером эксперимента последнего вида является эксперимент Г. Галилея по изучению скорости движения шарика по наклонной плоскости для определения величины (закона) ускорения свободного падения тел в идеальном пространстве (пустоте) [8, с. 166] для определения величины (закона) ускорения свободного падения тел в идеальном пространстве (пустоте) [8, с. 166].

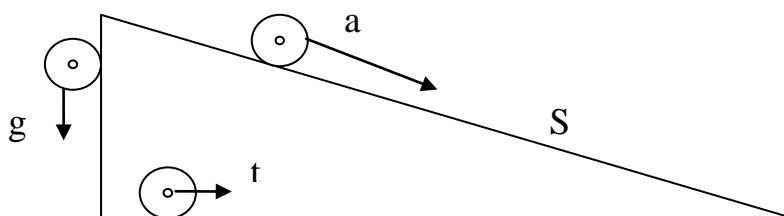

Рис. 1. Схема эксперимента Г. Галилея, где
 s – путь, пройденный телом по наклонной плоскости
 a – ускорение тела при движении по наклонной плоскости
 t – время прохождения расстояния S наклонной плоскости
 g – ускорение свободного падения тела в свободном пространстве.

В результате эксперимента Галилей пришел к выводу, что $a \approx 9,8$ м/сек², но поскольку $g = a$ для идеальной наклонной плоскости, постольку $g = 9,8$ м/сек².

Как известно, главный философ античного естествознания Аристотель был категорически против эксперимента как средства изучения природы, ее свойств и законов, так как считал, что в ходе эксперимента мы исследуем не саму по себе природу и ее объекты в их естественном состоянии, а лишь результаты нашего воздействия на природу. А это – описание законов практической деятельности человека, но отнюдь не самой по себе природы, существующей объективно и независимо от человека. Целью же науки по Аристотелю является именно нахождение и установление объективной истины о самом мире (природе, обществе, человеке). И путь к достижению такой истины по Аристотелю может быть только один – чувственное и мысленное **созерцание** природы, осторожное и внимательное «подглядывание» за естественным ходом событий. Согласно Аристотелю

научное познание никак не должно зависеть от текущих практических запросов и потребностей человека и общества. Оно должно быть направлено исключительно на изучение объективной, вневременной, всеобщей и абсолютной Истины. Радикально другое отношение к науке и ее предназначению стало утверждаться в Новое время. Главная цель науки теперь виделась в том, чтобы быть средством достижения господства человека над Природой, использования научного знания для умножения богатства и процветания человека и общества, удовлетворения их многообразных материальных и духовных потребностей для счастливой жизни на Земле. Непосредственным же предметом науки становится тогда не сама по себе Природа, а создаваемая учеными экспериментальная реальность, точные законы которой можно впоследствии эффективно использовать в технических и технологических целях, для создания новых орудий и средств материального производства – главного источника богатства и могущества общества.

Наблюдение и эксперимент как два основных метода чувственного познания в науке реализуются в огромном числе разного рода методик их проведения. Конкретные методики проведения наблюдения и эксперимента уже достаточно жестко привязаны к содержательным особенностям объектов и процессов, изучаемых в той или иной науке: физике, астрономии, химии, биологии, геологии, географии, физиологии, медицины, почвоведения, агрономии, экономики, технических и технологических, социальных и гуманитарных науках. В разных науках и ее областях методики наблюдения и эксперимента существенно разнятся друг от друга, а их усвоение требует специальной подготовки, которая дается в процессе длительной подготовки специалистов соответствующей отрасли научного знания или научной дисциплины. Такого рода методики есть особое когнитивное искусство («когнитивное техно»), знание о которых и искусство владения которыми может быть передано только непосредственно от учителя к ученику, что называется «из рук в руки», путем практической демонстрации их применения. Вот почему описание конкретных технологий наблюдения и эксперимента не входит в задачи философской методологии. Это дело самих конкретных наук. Задачей же философии в области методологии науки является лишь описание и обоснование общей структуры методологии науки и общих методов научного познания на его различных уровнях.

Заключение

Завершая необходимо отметить, что научное наблюдение и эксперимент сами по себе являются средствами именно чувственного познания в науке, но еще не эмпирического уровня научного познания. Они лишь подготавливают почву для **эмпирического познания как первой ступени рационального познания** в науке. Смысл этой ступени заключается в применении к содержанию чувственного знания мышления и его методов, в рациональном моделировании чувственной информации об объекте и последующем закреплении ее в научном языке (научном дискурсе)[4; 6].

Примечания:

1. Вознесенский В.А. Статистические методы планирования эксперимента в технико-экономических исследованиях. М., 1981.
2. Георгиев Ф.И., Дубовской В.И., Коршунов А.М., Михайлова И.Б. Чувственное познание. М., 1965.
3. Готтсданкер Р. Основы психологического эксперимента. М., 1982.
4. Девятко И.Ф. Методы социологического исследования. Екатеринбург, 1998.
5. Капица П.Л. Эксперимент. Теория. Практика. М., 1981.
6. Лебедев С.А. Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории). М.: Академический проект. 2008. 692 с.
7. Лебедев С.А., Ильин В.В., Лазарев Ф.В., Лесков Л.В. Введение в историю и философию науки. М.: Академический проект. 2007. 384 с.
8. Лебедев С.А., Рубочкин В.А. История и философия науки. М.: Издательство Московского университета. 2010. 200 с.
9. Ракитов А.И. Анатомия научного знания. М., 1969.
10. Сорокин А.В., Торгашина Н.Г., Ходос Е.А., Чиганов А.Г. Физика. Наблюдение, эксперимент, моделирование. М., 2006.

11. Сул К. Пузырьковая камера. Измерения и обработка данных. М., 1970.
12. Хакинг Я. Представление и вмешательство. Введение в философию естественных наук. М., 1998.
13. Lebedev S.A. Methodology of science and scientific knowledge levels // European Journal of Philosophical Research. 2014. №1(1). P. 65-72.
14. Lebedev S.A. To the Issue of New Epistemology: Imitating B. Latour // Вопросы философии и психологии. 2014, Vol.(2), № 2. pp. 48-59.

References:

1. Voznesenskii V.A. Statisticheskie metody planirovaniya eksperimenta v tekhniko-ekonomicheskikh issledovaniyakh. М., 1981.
2. Georgiev F.I., Dubovskoi V.I., Korshunov A.M., Mikhailova I.B. Chuvstvennoe poznanie. М., 1965.
3. Gottsdanker R. Osnovy psikhologicheskogo eksperimenta. М., 1982.
4. Devyatko I.F. Metody sotsiologicheskogo issledovaniya. Ekaterinburg, 1998.
5. Kapitsa P.L. Eksperiment. Teoriya. Praktika. М., 1981.
6. Lebedev S.A. Filosofiya nauki: kratkaya entsiklopediya (osnovnye napravleniya, kontseptsii, kategorii). М.: Akademicheskii proekt. 2008. 692 s.
7. Lebedev S.A., Il'in V.V., Lazarev F.V., Leskov L.V. Vvedenie v istoriyu i filosofiyu nauki. М.: Akademicheskii proekt. 2007. 384 s.
8. Lebedev S.A., Rubochkin V.A. Istoriya i filosofiya nauki. М.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 2010. 200 s.
9. Rakitov A.I. Anatomiya nauchnogo znaniya. М., 1969.
10. Sorokin A.V., Torgashina N.G., Khodos E.A., Chiganov A.G. Fizika. Nablyudenie, eksperiment, modelirovanie. М., 2006.
11. Sul K. Puzyr'kovaya kamera. Izmereniya i obrabotka dannykh. М., 1970.
12. Khaking Ya. Predstavlenie i vmeshatel'stvo. Vvedenie v filosofiyu estestvennykh nauk. М., 1998.
13. Lebedev S.A. Methodology of science and scientific knowledge levels // European Journal of Philosophical Research. 2014. №1(1). P. 65-72.
14. Lebedev S.A. To the Issue of New Epistemology: Imitating B. Latour // Voprosy filosofii i psikhologii. 2014, Vol.(2), № 2. pp. 48-59.

УДК 1

Методы чувственного уровня научного познания

Сергей Александрович Лебедев

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Российская Федерация
 Доктор философских наук, профессор
 E-mail: saleb@rambler.ru

Аннотация. В статье обсуждаются познавательные возможности двух основных методов чувственного уровня познания в науке: научного наблюдения и эксперимента. Автор солидаризируется с точкой зрения на этот вопрос выдающегося физика Н.Бора, который подчеркивал относительность результатов чувственного уровня познания в науке к условиям и средствам наблюдения и эксперимента. Это означает, что уже на этом, базовом уровне научного познания наука имеет дело не с чисто объективным, а только с субъект-объектным знанием.

Ключевые слова: наука; научное знание; чувственное научное знание; условия осуществления чувственного научного познания; принцип относительности Н.Бора.